

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№ 5 (96) / 2018

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
З. А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П. В. Васюченко, Т. П. Карпилович, С. Е. Кунцевич,
Г. Ф. Лепесская, Л. М. Лещёва, В. В. Макаров,
А. А. Романовская, О. А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Войтишенюк Е. В.</i> Лингвопрагматические особенности интерактивных сообщений в коммуникативном субпространстве жанра интерактивной телебеседы	7
<i>Голубева В. К.</i> Граматыка спалучальнасці, або аб размежаванні нормы, дапушчальнасці і памылкі ў сінтагматыцы лексем	17
<i>Карневская Е. Б., Шпаковская И. Н.</i> Внутрифразовые знаки препинания при общении в социальной сети Твиттер	23
<i>Козлова Т. А.</i> Специфика отражения моральных качеств в лексикографических описаниях в белорусском и русском языках	30
<i>Копач А. І.</i> Граматычная vs змястоўная складнасць тапазнака і тапанімнай сістэмы	37
<i>Кулік Л. У.</i> Рэпрэзентацыя канцэпту «страх, спалох» у беларускай і англійскай саматычнай фразеалогіі	45
<i>Морозова Л. П., Федоренко Л. А.</i> О соотношении понятий <i>прецедентность</i> , <i>диалогичность</i> , <i>полифония</i>	52
<i>Сысоева Т. А.</i> Пример в поддержку авторского мнения: апелляция к факту в медиатексте	61

Романское и германское языкознание

<i>Бартенева И. И.</i> Эволютивно-референциальное пространство специализированного текста	68
<i>Бобрикова Е. П.</i> Системный потенциал семантических деривационных моделей и внутренней формы	75
<i>Кондракова С. В.</i> Особенности реализации прагмакоммуникативного потенциала причастных универбов в художественных текстах	84
<i>Лобанова Т. С.</i> Семантические особенности функционирования субстантивированных причастий в Библии Лютера	91
<i>Морозова Л. П., Устинович В. В.</i> О средствах фокализации во французском устном высказывании	99

<i>Панкратова С. Н., Сантарович В. А.</i> Дискурсивные и прагматические особенности современного французского рекламного текста	109
<i>Рускевич Л. В.</i> Просодия неконечных синтагм в спонтанной английской речи билингвов	114

Исследования славянских языков

<i>Белова К. А.</i> Специфика пользовательских типажей в национальном сегменте Сети	122
<i>Вовк А. В.</i> Синтактико-стилистические маркеры в «Дневниках» О. Гончара: экспансия исходной модели предложения	128

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Бусел Т. В.</i> Разработка автоматизированного метода порождения деловых документов на основе лингвистических правил	137
---	-----

Литературоведение

<i>Боровиков П. В.</i> О сути и соотношении понятий «мультикультурализм» и «постколониальная литература»	143
<i>Рахнянский В. В.</i> Этнорасовый компонент идентичности чикано (на материале автобиографической трилогии Ричарда Родригеса)	150
<i>Тахирзаде Гюнай Эльгиз кызы.</i> Специфика перевода азербайджанских сказок (на основе сказки «Меликмамед»)	155
<i>Урбанович И. Г.</i> Явление внетипового словообразования в художественном тексте	160
<i>Наши авторы</i>	166

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Vaitsishaniuk E. V.</i> Linguistic and Pragmatic Features of Interactive Communication in the Communicative Sub-Space of the Genre of Interactive TV Discussion	7
<i>Golubeva V. K.</i> Grammar of Compatibility, or on the Distinction between Norm, Admissibility and Error in the Syntagmatics of Lexemes	17
<i>Karnevskaya E. B., Shpakouskaya I. N.</i> Interphrasal Punctuation Marks in the Texts of the Social Network Twitter	23
<i>Kazlova T. A.</i> Peculiarities of Defining Moral Qualities in Belarusian and Russian Lexicography	30
<i>Kopach A. I.</i> Grammatical vs Content Connectedness of a Toponymic Sign and a System of Place Names	37
<i>Kulik L. V.</i> Representation of the Concept “Fear, fright” in the Belarusian and English somatic phraseology	45
<i>Morozova L. P., Fedarenka L. A.</i> On the Correlation of the Notions of <i>Dialogism</i> , <i>Polyphony</i> and <i>Precedence</i>	52
<i>Sysoyeva T. A.</i> Examples Supporting the Author’s Opinion: Appealing to Facts in Media Texts	61

Romance and Germanic Linguistics

<i>Barteneva I. I.</i> Evolving and Referential Continuity of the Specialized Text	68
<i>Bobrikova E. P.</i> System-Defined Potential of Derivational Semantic Models and of the Inner Form of Words	75
<i>Kondrakova S. V.</i> Peculiarities of Realization of Pragma-Communicative Potential of Participial Univerbes in Fictional Texts	84
<i>Lobanova T. S.</i> Semantic Features of Substantivized Participles in Luther’s Bible	91
<i>Morozova L. P., Ustinovich V. V.</i> Focalization Means in French Oral Utterance	99
<i>Pankratova S. N., Santarovich V. A.</i> Discursive and Pragmatic Peculiarities of Modern French Advertising Text	109
<i>Ruskevich L. V.</i> Interference in the Prosody of English Utterances with Expressive Words	114

Slavonic Languages

<i>Belova K. A.</i> Specifics of Users' Internet-Characters in National Internet-Segment	122
<i>Vovk A. V.</i> The Syntactic Means of the Expressiveness in Oles Honchar's "Diaries": Expansion of the Original Sentence Model.....	128

Applied Linguistics

<i>Busel T. V.</i> The Development of the Automated Method of Generation of Business Documents on the Basis of Linguistic Rules.....	137
---	-----

Studies in Literature

<i>Borovikov P. V.</i> Defining and Comparing the Notions of "Multiculturalism" and "Postcolonial Literature"	143
<i>Rakhnyanskyi V. V.</i> Ethno-Racial Component of Chicano Identity (Based on Richard Rodriguez's Autobiographical Trilogy)	150
<i>Tahirzadeh Gunay Elgiz kizi.</i> The Specificity of Translation of Azerbaidjanian Fairy Tales (Based on the Fairy Tale "Melikmamed")	155
<i>Urbanovich I. G.</i> The Occurrence of Non-Typical Word-Formation in Literary Texts	160
<i>Our authors</i>	166

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. В. Войтишенюк

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ИНТЕРАКТИВНЫХ СООБЩЕНИЙ
В КОММУНИКАТИВНОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ
ЖАНРА ИНТЕРАКТИВНОЙ ТЕЛЕБЕСЕДЫ

В статье проводится анализ тактико-стратегического потенциала интерактивных сообщений в диффузном жанре интерактивной телебеседы в телевизионном дискурсе. Целью исследования является попытка выявить схожие и отличительные особенности интерактивных сообщений в двух разноязычных телепрограммах и интернет-блогах, связанных с ними. Актуальность исследования обусловлена тем, что диффузные жанры, формирующиеся в современных условиях развития массовой информации, являются мало изученными в лингвистике и смежных науках.

В современных условиях развития массовой коммуникации особое внимание уделяется изучению медийного дискурса в рамках сравнительно-сопоставительного языкознания, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики и некоторых других наук [1, с. 63; 2]. С появлением разных видов интернет-коммуникации поиск новых жанровых форм представления информации адресату становится все более актуальным. Это значит, что рамки медийного дискурса значительно расширяются. Например, телевизионный дискурс как подтип медийного дискурса взаимодействует с интернет-дискурсом с целью усиления воздействия на телеаудиторию, заимствуя такой его жанр, как интернет-блог. Данное взаимодействие стимулирует интеракцию между коммуникантами, в результате чего появляются новые диффузные жанры медийного дискурса [3, р. 83–84; 154]. В фокусе данного исследования находится диффузный жанр интерактивной телебеседы в телевизионном дискурсе. Материалом исследования послужили интерактивные сообщения (ИС) англоязычных телебесед телепрограммы *Questions and Answers* и блога *Q&A* [4], а также сообщения белорусскоязычных телебесед программы *Дыя@Блог* и связанных с ней блогов (например, *Дыя@блог P.S.* [5], *Блог Алены Траценка*). Целью работы является выявление тактико-стратегического потенциала интерактивных сообщений (ИС) в рамках коммуникативного субпространства диффузного жанра интерактивной телебеседы (ИТ).

Анализ практического материала показал, что структурная организация жанра интерактивной телебеседы имеет три этапа: подготовительный, основной и рефлексивный (табл. 1):

Многоступенчатая структура жанра интерактивной телебеседы

Жанр интерактивной телебеседы			
Этап	Жанр	Канал	Участники коммуникации
1. Подготовительный	Интернет-блог	Интернет	1. Ведущий/блогер → читатель 2. Читатель → гость ↙ ↘ ведущий/блогер
2. Основной	Телепрограмма (прямой эфир)	Телевидение + блог и другие интерактивные каналы связи	1. <i>Англоязычная телепрограмма:</i> 2. <i>Белорусскоязычная телепрограмма:</i>
3. Рефлексивный	Интернет-блог	Интернет	Телезритель ↔ блогер

Результаты коммуникативных взаимодействий участников на всех этапах структурной организации ИТ позволяют предположить, что данный диффузный жанр характеризуется наличием в нем трех коммуникативных субпространств: блога, телепрограммы и интерактивных сообщений, отправляемых через другие интерактивные каналы связи. Все три субпространства взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. Внутри каждого субпространства происходит коммуникативное взаимодействие участников, или интеракция. Для описания особенностей коммуникации в каждом субпространстве мы частично использовали классификацию Дж. Томсона, который выделяет три вида интеракции: непосредственную, то есть лицом к лицу; опосредованную (через дополнительный канал связи) и опосредованную квази-интеракцию (нерефлексивные сообщения) [6]. Однако в нашей работе под интеракцией мы рассматриваем коммуникацию в узком смысле слова, то есть ту, которая осуществляется через дополнительный канал связи. С этой позиции сообщения, оставленные в интернет-блоге до или после программы, а также те, которые поступают в прямой эфир, мы называем интерактивными. Общение участников между собой мы обозначаем как коммуникативное взаимодействие (КВ), которое может быть непосредственным, прямым или опосредованным, то есть интерактивным. М. Толбэт указывает на вариативность, или микшированность интерактивных взаимодействий [3]. Именно эта особенность характерна для исследуемого жанра интерактивной телебеседы.

Каждому коммуникативному субпространству исследуемого жанра свойственны определенные виды коммуникативных взаимодействий. Например,

непосредственное/опосредованное (по способу установления и удержания контакта, то есть личностное взаимодействие или через канал связи), оперативное/неоперативное (прямая/непрямая трансляции), обязательное/необязательное (необходимость взаимодействия), активное/пассивное (участие всех коммуникантов), рефлексивное/нерефлексивное (наличие реакции на сообщение).

Т а б л и ц а 2

Коммуникативные субпространства жанра интерактивной телебеседы и их особенности

№	Коммуникативное субпространство	Модели коммуникации	Виды коммуникативных взаимодействий (КВ) в субпространствах жанра интерактивной телебеседы
1	Блог	Сообщения телезрителей блогеру/ведущему/будущему гостю-эксперту <i>до телепрограммы</i> .	Опосредованное, обязательное, неоперативное (не в прямом эфире), рефлексивное (в телепрограмме), пассивное КВ.
		Сообщения телезрителей <i>после телепрограммы</i> в блог.	Опосредованное, необязательное, неоперативное, пассивное, нерефлексивное КВ.
2	Телепрограмма	А) Английская телепрограмма: ведущий – гости – эксперты (более 2-х гостей) – зрители в зале.	А) Непосредственное, оперативное, активное, рефлексивное, обязательное КВ между ведущим, гостем и зрителями в зале.
		Б) Белорусская телепрограмма: ведущий – гость/эксперт (не более 2 гостей).	Б) Непосредственное, оперативное, рефлексивное, обязательное, активное КВ.
3	Интерактивные сообщения телезрителей в прямом эфире телепрограммы, отправляемые через блог, мини-блог «Твиттер», социальные сети и смс-сообщения.	А) Английская телепрограмма: телезрители оставляют сообщения в прямом эфире телепрограммы. Ответная реакция не предполагается. Б) Белорусская телепрограмма: телезрители оставляют сообщения в прямом эфире телепрограммы. Ответная реакция предполагается.	А) Опосредованное, оперативное, необязательное, пассивное, нерефлексивное КВ (квази-интеракция). Б) Опосредованное, оперативное, необязательное, пассивное, рефлексивное КВ.

В фокусе данного исследования находится представленное в табл. 2 коммуникативное субпространство № 3, а именно опосредованные, оперативные ИС телезрителей, отправляемые в эфир телепрограммы. Анализ показал, что ИС в разноязычных телепрограммах имеют общие и отличительные черты. С одной стороны, такие сообщения являются опосредованными, необязательными, оперативными, а также пассивными, поскольку не все телезрители их отправляют. С другой стороны, ИС имеют различия,

обусловленные особенностями технической формы их представления в программах на разных языках. Так, в англоязычной телепрограмме «Q&A» они транслируются на экран телевизора/монитора, создавая определенный коммуникативный фон и воздействуя на аудиторию. Однако реакция на ИС со стороны ведущего или гостей телепрограммы в англоязычной версии не предполагается, то есть они нерефлексивны. Мы полагаем, что это связано с большим количеством ИС (на одну телепрограмму в среднем более 80), а также со скоростью их появления. Еще одна особенность англоязычных ИС заключается в отсутствии узконаправленного адресата. Такую опосредованную коммуникацию, признаками которой является монологичность, нерефлексивность и отсутствие конкретного адресата, Дж. Томсон называет квази-интеракцией [6].

В белорусскоязычной телепрограмме *Дыя@Блог* ИС телезрителей *озвучиваются телеведущим, но не отображаются на экране*. Они адресованы ведущему или гостю-эксперту и являются рефлексивными. Количество ИС в белорусскоязычных телепрограммах меньше, чем в англоязычных (на одну телепрограмму – 2–3 ИС).

Следует отметить, что ИС многофункциональны. Они выполняют фатическую функцию, функцию солидаризации, объединяя телезрителей в процессе коммуникации за счет преодоления дистанции и времени, а также реализуют разные речевые стратегии, на которых мы остановимся более подробно.

1. Речэтикетная стратегия может реализовываться тактиками приветствия, тактикой благодарности и пожелания. Следует отметить, что тактика прощания не свойственна ИС. Тактика приветствия и благодарности широко используется в двух программах:

Hi, guys. The discussion is hot today. ‘Привет, друзья. Беседа сегодня будет жаркой’ [англоязычные интерактивные сообщения, далее – АИС].

Прывітанне спадарам Зэкаву і Гальперовічу з Гродна [белорусскоязычные интерактивные сообщения, далее – БИС].

Thanks Anastacia – great vision for Queensland. You go girl! ‘Спасибо, Анастасия – отличная перспектива для Квинслэнда’ [АИС].

Дыя@блог P.S.: Дзякую за мову і перадачу [БИС].

Следует отметить, что тактика пожелания типична для белорусскоязычных сообщений: *Шмат дабрыві і спагады, добра!* [БИС].

2. Стратегия информирования реализуется тактикой фактологического информирования и предположения/мнения. В последующем примере адресант выражает несогласие в форме вопроса *Why Is It so?* ‘Почему это?’ и далее дает точную информацию по теме: *Dr Julius Sumner Millar’s famous invitation into thinking Maths and Science* ‘Почему это? Знаменитое приглашение доктора Джулиуса Самнера Миллара в размышление о математике и науке’ [АИС]. **Тактика мнения** также реализует стратегию информирования: *I think the key 2 kids enjoying maths is making connections to the real world.* ‘Я думаю, что двум детям нравится математика именно потому, что она соединяет их с реальным миром’ [АИС].

Иногда стратегия информирования может иметь творческие формы высказывания, например, форму стихотворения:

*Калыханка роднаму слову
Валілася ў прорву ў сваім адчуванні
Такой непатрэбнасці слова майго...
Нібыта душа змізарнела дазвання,
Нібыта спаліў яе чорны агонь...* [БИС].

Для англоязычной интерактивной телебеседы подобные сообщения не свойственны и в нашем исследовании не встречались.

3. Оценочная стратегия может быть положительной либо отрицательной. Положительно-оценочная стратегия реализуется тактикой положительной оценки, тактикой похвалы или комплимента. Отрицательно-оценочная стратегия осуществляется с помощью тактик отрицательной оценки, упрека, оскорбления. Для англоязычных ИС тактика отрицательной оценки людей наиболее ярко проявлена через использование негативно окрашенной лексики, так, что граничит с прямым оскорблением личности: *Boswell is the angry old man that yells at clouds / Furbal*. ‘Босуэлл – сердитый старик, который кричит с облаков / Фёбэл’ [АИС]. *Ron Boswell is a dinosaur. He is just ignorant and spreading misinformation. He is a moron* ‘Рон Босуэлл – динозавр. Он просто невежественен и распространяет дезинформацию. Он придурок’ [АИС].

В последующем примере для усиления негативной оценки австралийских политиков использована градация, когда автор сначала негативно высказывается в адрес австралийских политиков (используя метонимию – *Австралия нуждается в новых очках*). Далее негативное суждение о близорукости политиков (*it is seriously short sighted* ‘у нее серьезная близорукость’) сменяется выводом о том, что они и вовсе слепы (*obviously blind* ‘явно слепые’): *Australia needs new glasses because it is seriously short sighted and politicians obviously blind* ‘Австралия нуждается в новых очках, потому что у нее серьезная близорукость, а политики явно слепые’ [АИС].

Для белорусскоязычных ИС не характерны оскорбления и проявления открытой агрессии. Преобладает тактика положительной оценки. В последующем примере вместе с оценочной стратегией реализуется стратегия информирования: *Чытаю зараз «Казкі з гербарыя» сыну. Падабаецца вельмі. Тацяна* [БИС]. Пример демонстрирует точное название книги, а также положительную оценку через эмотивный глагол *падабаецца* и наречие *вельмі*, что привлекает внимание других читателей и вызывает желание прочесть книгу. В следующем примере мы отмечаем положительную оценку ситуации, касающуюся развития родного языка в стране: *Дзякуй Богу! Адраджаецца наша мова!* [БИС].

Положительная оценка личности, граничащая с тактикой комплимента, типична для белорусских ИС: *Анатоль вельмі гаваркі і таленавіты...* [БИС].

В последующем примере адресант реализует тактику положительной оценки и комплимента экспертам. Положительная оценка организации их работы выражена прилагательным *great* ‘отличный’ и наречиями *very well* ‘очень хорошо’: *A great panel and very well facilitated* ‘Отличная группа экспертов, и очень хорошо подготовлена. Поздравляю’ [АИС]. Схожий пример отмечается в белорусскоязычной программе, где тактика комплимента переросла в похвалу: *Вядучыя – малайцы!* [БИС].

Тактика упрека, направленная в адрес политика Рона Босуэлла, реализует оценочную стратегию в последующем примере: *Annastacia Palaszczuk points out what Ron Boswell has missed: “The world is changing” / Matthew Ruffin* ‘Анастасия Палашук указывает на то, что Рон Босуэлл упустил: «Мир изменяется» / Мэтью Руффин’ [АИС]. В белорусской программе тактика упрека не проявляется так явно, как в английской программе: *Пародыі часцей за ўсе цікавыя літаратарам і паэтам, а не простаму чытачу* [БИС]. В данном примере упрек имплицитно выражен в форме мнения о том, что простому читателю неинтересно читать жанр пародии.

В англоязычных сообщениях стратегия оценки личности реализуется тактикой обвинения. Так, пример демонстрирует, что автор сообщения не верит словам политика (Рона): *Sorry Ron but since you miffed up your refugee numbers I trust nothing of your energy cost numbers / Philip Moore* ‘Извини, Рон, но, поскольку ты раздул свою статистику относительно беженцев, я не верю ни единому твоему показателю касательно цен на энергопотребление / Филипп Мур’ [АИС]. В примере видно, что глагол *trust* с последующим отрицательным местоимением и предлогом *nothing of* ‘ни единому из’ усиливает эффект недоверия. В аргументации также использован глагол с негативным значением *miffed up* ‘раздувать’, что дает адресату понять, что Рон – лжец: *since you miffed up your refugee numbers* ‘поскольку ты раздул свою статистику относительно беженцев’ (подразумевается: «ты лжец, и я тебе больше не верю»).

4. Стратегия побуждения к действию представлена тактикой рекомендации/совета, просьбы). Рассмотрим тактику рекомендации/совета: *Час змяніць интэр’ер студыі. Патрэбна больш хатні. У вас афіцыяльны. Дзякую!* [БИС]. В данном примере автор начал с аргументации своего последующего совета, используя в начале предложения фразу **час змяніць**, в котором выражена констатация факта и призыв изменить интерьер студии. Последующий совет сменить стиль студии выражается наречием **патрэбна**, выражающим состояние необходимости, после чего следует аргументация совета – **у вас афіцыяльны** (подразумевается: «у вас официальный стиль студии, а нужно более домашний, поэтому поменяйте интерьер»). В англоязычном примере совет выражен модальным глаголом *should* и перерастает в упрек (о чем говорит использование негативно окрашенной лексики): *Boswell should be less concerned about coal mines closing, and more worried about his supply of BULLSHIT!* ‘Босуэлла следовало бы меньше волноваться о закрытии угольных шахт и больше беспокоиться о той ерунде, которую он

говорит!» [АИС]. Рассмотрим пример, в котором реализуется **тактика просьбы** не цитировать больше статистику Алана Джонса: *No, don't quote Alan Jones' stats, we already know they're false!* ‘Нет, не цитируйте статистику Алана Джонса, мы уже знаем, что она ложная!’ [АИС]. Последующая аргументация просьбы *we already know they're false!* ‘мы уже знаем, что она ложная!’ усиливает отрицательную оценку личности Алана Джонса, напоминая о том, что он лжец. **Призыв к действию** указывает на абсурдность ситуации, реализуется через модальный глагол *let's* ‘давайте’ и местоимение **все** в следующем примере: *Let's all just hug trees and bake cakes with rainbows and smiles* ‘Давайте все просто *обнимать деревья и печь торты из радуги и улыбок*’ [АИС]. Метафоры *hug trees, bake cakes with rainbows and smiles* ‘обнимать деревья и печь торты из радуги и улыбок’, означающие невозможность реализации этих действий, выражают одновременно сарказм и укор.

В белорусскоязычном примере цель призыва – донести до людей мысль о важности родного языка: *Грамадзяне! Зразумейце – пакуль ёсць мова, ёсць народ!* [БИС].

5. Стратегия оппозиционирования характерна только для англоязычных ИС. Она реализуется тактиками сомнения, недоверия, опровержения и тактикой возмущения (указания на абсурдность ситуации), которые могут тесно граничить между собой. Например, несогласие, возмущение и ирония проявляются в следующем примере: *South Australian windmills cost 520 jobs in coal mines? Which mines? Sounds like made up bullshit by Boswell / Jennainai Jennifer Hornberg*. ‘Южно-австралийские ветряные мельницы стоят 520 рабочих мест в угольных шахтах? В каких шахтах? Похоже, это выдуманная ерунда от Босуэлла / Дженнифер Хорнбер’ [АИС]. Рассмотрим еще несколько примеров.

Тактика опровержения информации: *If you look at the coal life cycle – from mine to fire – it costs ALOT more than \$30 kWh* ‘Если вы посмотрите на жизненный цикл угля – начиная с шахты, заканчивая огнем – стоимость всего этого **ГОРАЗДО** больше 30 долларов США’ [АИС].

Тактика возмущения: *So miners are investing in renewables but we shouldn't?!* ‘Шахтеры инвестируют в возобновляемые источники энергии, а мы не должны?!’ [АИС].

6. Стратегия запроса информации выражается тактикой постановки вопроса: *Чаму сёння не выдаецца зборнікаў класічнай літаратуры для дзяцей з прыгожымі малюнкамі?* [БИС]. Англоязычным ИС не характерна стратегия запроса информации, поскольку сообщения нерелексивны. Сообщения в форме вопросительных высказываний, появляющиеся на экране, чаще выполняют другие функции (например, упрека, негодования, удивления: *Using Drama in Mathematics?* ‘Использовать драму в математике?’). В белорусскоязычных программах ИС релексивны, поэтому для них типична тактика постановки вопроса. Она реализуется вопросительными высказываниями, имеющими свои отличительные структурные особенности, которые будут рассмотрены более подробно в следующих исследованиях.

Таблица 3

Коммуникативные тактики стратегического потенциала англоязычных
и белорусскоязычных интерактивных сообщений

Стратегии	Тактики	Англоязычные интерактивные сообщения, %	Белорусскоязычные интерактивные сообщения, %
Речезыкетная стратегия	приветствие	1,4	7,5
	пожелание	0	5
	благодарность	0	17,5
Стратегия информирования	фактологическая информация	6	5
	предположение	6	0
	информирование	7,2	10
	мнение	1,2	
Стратегия запроса информации	вопросы	3,6	16
Стратегия побуждения к действию	совет/рекомендация	4,8	5
	призыв к действию	3,6	2
	просьба	2,4	0
Положительно-оценочная стратегия	положительная оценка, одобрение	4,8	22,5
	похвала	1,2	2,5
	комплимент	1,2	5
Отрицательно-оценочная стратегия	отрицательная оценка, неодобрение	23	0
	упрек	4,8	2,5
	оскорбление	3,6	0
	обвинение	1,2	0
	негодование	1,2	0
	критика	3,6	0
Стратегия оппозиционирования	опровержение	4,8	0
	возмущение	9,6	0
	сомнение	3,6	0
	недоверие	1,2	0
Всего		83 тактики – 100 %	40 тактик – 100 %

Анализ ИС позволил сделать вывод о том, что они представляют собой коммуникативное субпространство жанра ИТ, взаимосвязанное с двумя другими его субпространствами, – телепрограммой и интернет-блогом. Сравнительно-сопоставительный анализ ИС на двух разных языках показал, что сообщения реализуют опосредованное, оперативное, необязательное коммуникативное взаимодействие. В англоязычной телепрограмме ИС

неоперативны, в то время как являются оперативными в белорусскоязычной телепрограмме. Англоязычные ИС не имеют узконаправленного адресата, а белорусскоязычные чаще узконаправлены. ИС многофункциональны, что позволяет описать их особенности с точки зрения тактико-стратегического потенциала, который представлен следующими стратегиями: речезтикетной, оценочной, стратегией побуждения к действию, стратегией информирования, запроса информации и стратегией оппозиционирования. Как видно из диаграммы (рис. 1) и вышеприведенной табл. 3, в англоязычных сообщениях на фоне всех стратегий наиболее явно реализуется отрицательно-оценочная стратегия (37,4 %) и такие ее тактики, как негативная оценка, упрек, оскорбление, критика. Исходя из данных диаграммы (рис. 1), видно, что стратегия информирования находится на втором месте (20,4 %). Третью позицию по степени реализации занимает стратегия оппозиционирования (19,20 %), за которой следует стратегия побуждения к действию (10,8 %).

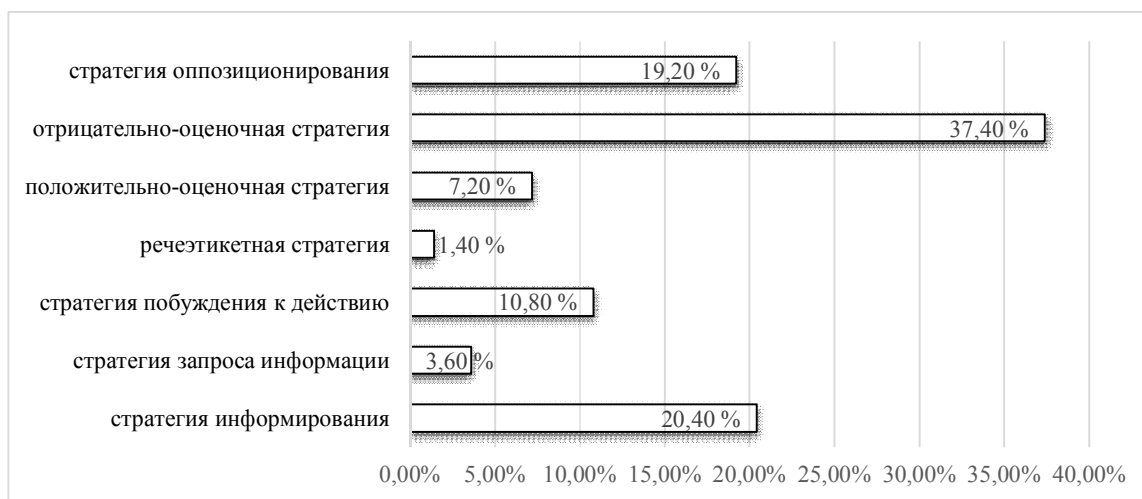

Рис. 1. Соотношение коммуникативных стратегий англоязычных интерактивных сообщений

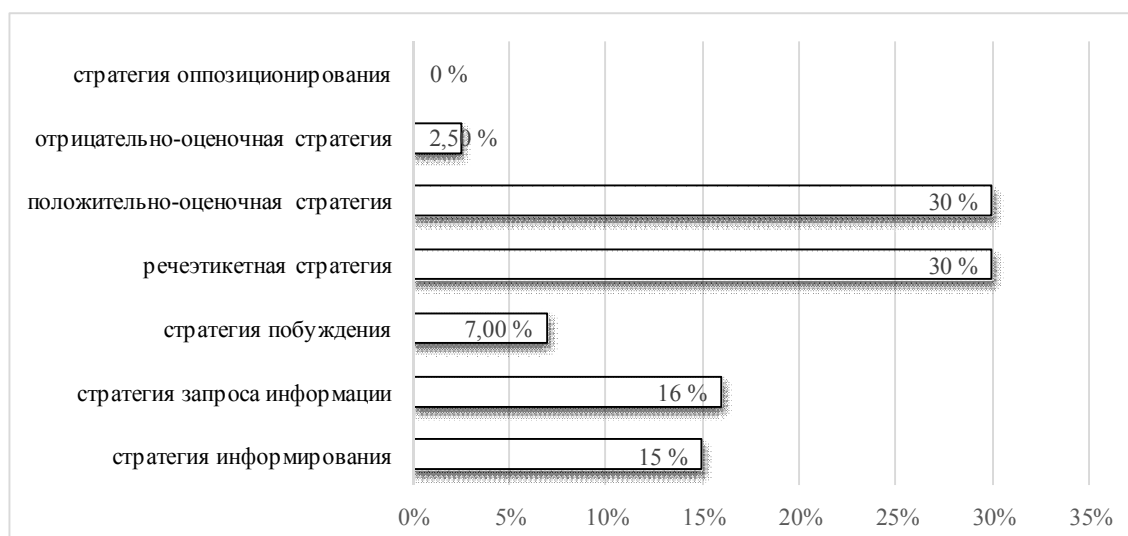

Рис. 2. Соотношение коммуникативных стратегий белорусскоязычных интерактивных сообщений

В белорусскоязычных ИС положительно-оценочная стратегия (30 %) и речезтикетная (30 %) преобладают над остальными стратегиями, свойственными им (рис. 2). Интересно, что отрицательно-оценочная стратегия (2,50 %) резко контрастирует с положительной (30 %). Стратегия запроса информации типична для белорусскоязычных ИС (16 %) и совсем нетипична для англоязычных (3,6 %). Англоязычные вопросительные высказывания выполняют функции удивления, упрека, негодования и реализуют стратегию оппозиционирования (19,2 %), тогда как такая стратегия вовсе отсутствует в белорусскоязычных сообщениях. Мы полагаем, что данные различия обусловлены культурными ценностями и менталитетом двух разных стран, что, несомненно, отражается в языке их носителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Володина М. Н.* Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академ. проект, 2011. – С. 63.
2. *Добросклонская, Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов / Т. Г. Добросклонская. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – С. 145.
3. *Talbot, M.* Media discourse: representation and interaction / M. Talbot. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2007. – 198 p.
4. Телепрограмма «Q&A» и ее блог [Электронный ресурс] / ABC TV. – Режим доступа : <http://www.abc.net.au/tv/qanda/txt/s4259858.htm/>. – Дата доступа : 15.06.2018.
5. Дыя@блог Р.С. [Электронный ресурс] / Нац. дзярж. тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Мінск, 2015. – Режим доступа: <http://naumgal.blogspot.com/>. – Дата доступа : 15.06.2018.
6. *Thompson, J.* The media and modernity: a social theory of the media / J. Thompson. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1995. – 314 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ:

АИС – Англоязычные интерактивные сообщения / Questions and Answers (QandA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.abc.net.au/tv/qanda/txt/s4256959.htm>. – Дата доступа : 10.01.2018.

БИС – Белорусскоязычные интерактивные сообщения / Дыя@блог Р.С. – СМС / [Электронный ресурс] / Нац. дзярж. тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Мінск, 2015. – Режим доступа : http://naumgal.blogspot.com/p/blog-page_18.html. – Дата доступа : 15.06.2018.

The article analyzes the tactical and strategic potential of interactive messages in the diffuse genre of interactive TV discussions in television discourse. The purpose of the study is to identify similar and distinctive features of interactive messages in two multilingual TV programs and Internet blogs related to them. The relevance of the study is due to the fact that diffuse genres formed at the stage of constant development of mass media are little studied in linguistics and related sciences.

Поступила в редакцию 22.06.18

В. К. Голубева

ГРАМАТЫКА СПАЛУЧАЛЬНАСЦІ, АБО АБ РАЗМЕЖАВАННІ НОРМЫ, ДАПУШЧАЛЬНАСЦІ І ПАМЫЛКІ Ў СІНТАГМАТЫЦЫ ЛЕКСЕМ

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с дифференциацией синтаксических конструкций в нормативном аспекте, указывается на нечеткость границ между узуальными и незузальными сочетаниями и на важность выявления семантических признаков, позволяющих не просто задавать правильные сочетания перечнем, а устанавливать правила комбинаторики лексем. Утверждается также, что при отсутствии формальных критериев размежевания стандартных и нестандартных (оказиональных) сочетаний, отражающих оригинальность речевого поведения носителей языка, необходимо проводить лингвистический анализ контекста с целью выявления фактов языковой игры в синтагматике.

Проціпастаўленню нормы і ненормы ў мове прысвечана вялізная колькасць лінгвістычных работ, у якіх дадзеная праблема разглядаецца ў вучэбна-метадычным, лексікаграфічным, функцыянальна-стылістычным, псіхалінгвістычным і іншых аспектах. Даследчыкі сабралі мноства цікавых назіранняў адносна ненарматыўных фактаў у маўленні дзяцей, замежнікаў і ўвогуле тых, хто недасканалы валодае мовай, адносна эстэтычных функцый нестандартных з'яў у мастацкім, публіцыстычным тэксце і г.д. Нягледзячы на гэта, пытанне аб характары ўзаемадзеяння нарматыўнага і ненарматыўнага ў мове ў цэлым, аб крытэрыях размежавання стандартных і нестандартных маўленчых адзінак у пэўных відах дыскурсу не страчвае сваёй актуальнасці.

Пры разглядзе спалучэнняў з нарматыўнага пункту погляду іх мэтазгодна кваліфікаваць паводле тэрнарнай апазіцыі «норма – дапушчальнасць – памылка» [1, с. 30]. У гэтым аспекце на першым этапе дыферэнцыяцыі сінтагматычных адзінак вылучаецца дыхатамія нарматыўнага – ненарматыўнага. На другім этапе нарматыўныя спалучэнні падзяляюцца на кадыфікаваныя – зафіксаваныя ў слоўніках і граматыках літаратурнай мовы (*паставіць каўнер, пісаць у газету, святочная раніца, кожныя пяць хвілін*) і ўзуальныя – тыя, якія склаліся і маюць шырокае распаўсюджанне ў маўленчай практыцы носьбітаў мовы (*сусветная навуціна, дзяржаўная кішэня, сінія каўнерыкі, скарыстацца зялёным калідорам*). У лік ненарматыўных уваходзяць нестандартныя (аказіянальныя), але дапушчальныя спалучэнні, што дэманструюць свядомы адыход ад правільнай спалучальнасці і адлюстроўваюць арыгінальныя аўтарскія паводзіны (*блакітны вецер – М. Стральцоў, вадаспады залатога зерня – П. Панчанка, вецер набуркваў нясмела – Я. Колас, маланка з громам звязвала канцы – Я. Янішчыц*), і маўленчыя памылкі, якія ўзнікаюць у выніку несвядомага парушэння спалучальнасці (**карыслівая рэч* замест *карысная рэч*, **адкрыць вочы* замест *расплюшчыць вочы*). Пры гэтым выпадкі адступлення ад літаратурных норм адзначаюцца з пункту погляду іх матываванасці, ці, іншымі словамі, наяўнасці / адсутнасці ў іх прагматычнай арыентацыі. Такі падыход дазваляе адрозніваць неасэнсаванае парушэнне норм, якое назіраецца пры няведанні правіл сінтагматыкі слоў, і мэтанакіраванае наданне маўленню экспрэсіўнасці шляхам стварэння нетрывіяльных спалучэнняў.

Выяўленне неўзуальнага ў сінтагматыцы – нашмат складанейшая праблема, чым у лексіцы, паколькі законы сінтагматыкі, па словах Л. У. Шчэрбы, уключаюць «не толькі правілы сінтаксісу, але, што значна важней, правілы складання сэнсаў, якія [правілы. – В. Г.] даюць не суму сэнсаў, а новыя сэнсы, – правілы, на жаль, вучонымі да гэтага часу мала даследаваныя, хоць інтуітыўна выдатна вядомыя ўсім добрым стылістам» [2, с. 24].

Справа ў тым, што камбінаторны патэнцыял слова ўяўляе сабой зону, якая мае цэнтр і перыферыю. У сінтагматычным цэнтры лексемы размяшчаюцца абсалютна нарматыўныя, стылістычна «бездакорныя» і санкцыянаваныя ўзусам спалучэнні; яны, як правіла, складаюцца з кампанентаў, пазбаўленых семантычных супярэчнасцей [3, с. 81]. У той жа час у шэрагу выпадкаў цяжка канстатаваць ці адмаўляць сэнсавую «бездакорнасць» спалучэння, паколькі, па словах І. М. Багуслаўскага, нашы веды аб механізмах, якія кіруюць аб'яднаннем значэнняў асобных адзінак у больш буйныя семантычныя комплексы, яшчэ вельмі недастатковыя [4, с. 1]. Таму спалучэнні, «у большай ці меншай ступені сумніўныя з пункту погляду ўзусу» [3, с. 81], размяшчаюцца на перыферыі сінтагматычнага поля лексемы. Прычынай іх перыферыйнасці можа быць як неідэальная семантычная «стыкоўка» кампанентаў, так і наяўнасць узуальных пераваг несемантычнага характару, у т. л. суб'ектыўных (індывідуальных густаў і звычак носьбітаў мовы). Такім чынам, ступень прымальнасці перыферыйных спалучэнняў залежыць ад шэрага разнародных фактараў і характарызуецца нестабільнасцю ў дыяхраніі [3, с. 81]. Усё гэта абумоўлівае хісткасць мяжы паміж узуальнымі і неўзуальнымі спалучэннямі, якія ўтвараюць кантынуум, уступаюць у адносіны дыялектычнага адзінства.

Пры гэтым лексікаграфічныя крыніцы літаратурнай мовы ў цэлым і нават слоўнікі спалучальнасці, у прыватнасці, далёка не заўсёды могуць даць неабходную карыстальніку даведку, бо у іх прадстаўлена толькі вельмі абмежаваная (у параўнанні з патэнцыяльна магчымай) колькасць спалучэнняў – найбольш тыповых для загалоўнага слова. У астатніх жа выпадках пры аднясенні спалучэння да ўзуальнага / неўзуальнага моўныя носьбіты павінны арыентавацца на ўласную моўную інтуіцыю, пра якую пісаў Л. У. Шчэрба.

Між тым, калі б сінтагматычныя магчымасці лексемы заўсёды былі б выпадковымі, канвенцыянальна зададзенымі, гэта цалкам апраўдвала б пашыраны ў слоўніках спосаб падачы спалучэнняў лексічнымі спісамі. Аднак вельмі часта спалучальнасць слова абумоўлена наяўнасцю ў яго пэўнага сэнсавага кампанента, які можа з'яўляцца часткай семантычнай структуры лексемы, а можа і задавацца кантэкстуальна. У апошнім выпадку пералік усіх дапушчальных з дадзеным словам спалучэнняў у прынцыпе немагчымы.

Сказанае дае падставы меркаваць, што альтэрнатыўным «спісачнаму» метаду лексікаграфавання спалучэнняў з'яўляецца выяўленне **граматыкі спалучальнасці** канкрэтнага слова. Гэта дазваляе навучыць карыстальніка слоўніка правілам аб'яднання пэўнай лексемы з іншымі, а не арыентуе на запамінанне спісаў спалучэнняў з ёй – спісаў, якія, па сутнасці, можна

пашыраць бязмежна. Напрыклад, прыслоўе *самастойна* здольна прымыкаць да дзеясловаў з наступнай семантычнай прыметай – ‘намаганні, што прыкладаюцца суб’ектам для ажыццяўлення дзеяння, могуць пераразмяркоўвацца паміж суб’ектам дзеяння і якой-небудзь іншай асобай (асобамі)’, таму абсалютна нармальнымі з’яўляюцца спалучэнні *самастойна выконваць (заданне), пераносіць (мэблю), прыгатаваць (вячэру)* і непрымальнымі **самастойна хлусіць, пужацца, бачыць*. Відавочна, што для стварэння першых спалучэнняў і пазбягання другіх (у нейтральных, па-за межамі моўнай гульні, кантэкстах) носьбіту мовы не абавязкова ведаць лінгвістычна выведзеныя правілы сінтагматыкі, але яны важныя для навучання замежнікаў і штучнага інтэлекту. Больш за тое, для адэкватнай інтэрпрэтацыі экзатычных кантэкстаў тыпу *Дзіця самастойна ўбачыла на малюнку жывёлу* нават звычайным носьбітам мовы часам недастаткова моўнай інтуіцыі, а патрабуецца пэўная мовазнаўчая аргументацыя, якая пацвердзіць правільнасць / няправільнасць канструкцыі.

Рускія і замежныя навукоўцы актыўна распрацоўваюць фрагменты граматыкі спалучальнасці на матэрыяле пэўных катэгорыяльных класаў слоў (гл., напрыклад, [5, с. 135–147; 6; 7; 8; 9]), а ў лексікаграфічнай практыцы такі падыход ужо рэалізавалі стваральнікі аднамоўных і перакладных слоўнікаў «актыўнага тыпу», сярод якіх «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», «Новый большой англо-русский словарь» [10; 11] і інш. Такія слоўнікі разлічаны на «прынцыповае пашырэнне моўнай інфармацыі, якую належыць уключыць у слоўнік», каб забяспечыць «моўную кампетэнцыю гаворачых (валоданне мовай) у поўным аб’ёме» [10, с. IX; 11, с. 7].

Асобнага разгляду патрабуе пытанне суадносін стандартных і нестандартных спалучэнняў у актах камунікацыі, разлічаных на моўную гульню, – у мастацкім, публіцыстычным, гутарковым маўленні. **С т а н д а р т н а я** (узуальная / тыповая) спалучальнасць, якая выступае вынікам рэалізацыі лексічнай валентнасці слова ці запаўнення сферы дзеяння лексемы, супадае з семантычнымі чаканнямі чытача / слухача, характарызуецца нейтральнасцю, немаркіраванасцю, узнёўляльнасцю і адназначнай семантыкай [12, с. 400]. Стандартныя адзінкі, па словах В. Р. Кастамарава, адыгрываюць ролю «касцяка», які забяспечвае надзейнасць і пераемнасць словаўжывання [12, с. 400]. У той жа час незвычайны падыход да выбару сістэмных лексічных адзінак вядзе да ўзнікнення нестандартных (неўзуальных / аказіянальных) спалучэнняў.

А к а з і я н а л ь н ы я маўленчыя адзінкі ў цэлым (гукаспалучэнне, значэнне, слова, словазлучэнне і іншыя сінтаксічныя спалучэнні слоў) не адпавядаюць агульнапрынятаму ўжыванню, характарызуюцца індывідуальным густам, абумоўлены спецыфічным кантэкстам ужывання [13, с. 284]. Яны адлюстроўваюць асацыятыўны і кагнітыўны ўзроўні моўнай асобы аўтара, замацоўваюць уяўленні аб з’явах аб’ектыўнай рэчаіснасці ў іх сувязях, адносінах, ацэнцы.

Разам з тым анамальнасць не адасоблена ад стандарту, а, наадварот, цесна звязана з ім, адчуваецца менавіта на яго фоне. Большасць аказіянальных сінтаксічных адзінак, якія вызначаны адступленнем ад лексіка-семантычных

норм спалучальнасці, ствараецца шляхам запаўнення сістэмных сінтаксічных мадэлей нестандартным лексічным матэрыялам, параўн.: *вялікая радасць і смутная радасць* (М. Лужанін); *трывалы трос і мудры трос* (А. Куляшоў); *надзвычай моцная туга і неабдымна сытая туга* (Р. Барадулін); *Сціх непрыемны скрып дзвярэй і Замоўкнуў жураўліны скрып калысак, / І калаўротаў гул чмяліны змоўк* (П. Панчанка). У выніку змяняюцца традыцыйныя сэнсавыя сувязі, зрушваюцца межы семантычных класаў і ажыццяўляецца перамеркаванне сем. Аднак пры асэнсаванні падобных спалучэнняў рэцыпіент спрабуе разгарнуць закладзеную ў іх метафару і зняць семантычныя супярэчнасці кампанентаў канструкцыі. Узгадаем у сувязі з гэтым, што для кожнай сэнсавай анамаліі ў знакамітай фразе Н. Хомскага *Бескаляровыя зялёныя ідэі раз'юшана спяць* Р. Якабсон усё ж здолеў знайсці тлумачэнне тыпу *бескаляровы зялёны* – гэта *бледна-зялёны* (падрабязней гл. [14, с. 231–238]) і тым самым згладзіў рэзкія сэнсавыя кантрасты фразы, калі не надаўшы ёй стандартнасць, то наблізіўшы выказванне да больш звыклай вобразнасці.

У выпадках, калі спалучэнне адзначана парушэннем не толькі лексіка-семантычных, але і марфалага-сінтаксічных норм, кваліфікацыя тыпу зруху і дэшыфроўка аўтарскай канструкцыі становяцца магчымымі таксама пры ўстанаўленні карэляцыі з адпаведнай сістэмнай (узуальнай) адзінкай: *Ды бывае – неба гляне так падсінена!* (Н. Мацяш) – *падсіненае неба*; *Гады свае бароды / Бела, / Як старцы, / Сушаць на кіях* (Р. Барадулін) – *белыя бароды і г. д.* Так, канвенцыянальнае ўжыванне суіснуе з творчым, нетыповым суразмяшчэннем кампанентаў тэксту і адыгрывае важную ролю ў стварэнні і захаванні яго семантычнай звязнасці.

Паколькі паміж стандартнымі і нестандартнымі сінтагматычнымі адзінкамі ў індывідуальна-аўтарскім маўленні пралягае хісткая мяжа, даследчыкі вылучаюць шэраг крытэрыяў выяўлення нестандартных канструкцый: а) незафіксаванасць у слоўніках спалучальнасці як паказчык адсутнасці спалучэння ў агульнанацыянальнай мове, аднак, як было паказана вышэй, адпаведныя лексікаграфічныя крыніцы адрозніваюцца аб'ектыўнай непаўнатой; б) наданне тэксту ярка выражанай экспрэсіі (В. Р. Кастамараў вызначае «стандарт як антыэкспрэсію, а экспрэсію – як антыстандарт» [12, с. 400]); в) наяўнасць сем, якія ўзаемавыключаюць адна адну або кантрастуюць паміж сабой, у выніку чаго перасэнсоўваюцца кампаненты спалучэння [15; 16] і інш.

Аднак распрацоўка дакладных метадаў вымярэння нетыповасці спалучэнняў, ступені іх аказіянальнасці, ці, па словах М. Ю. Мухіна, «каэфіцыентаў крэатыўнасці», захоўвае сваю актуальнасць. Як адзначае мовазнавец, «лінгвістычную аргументацыю, якую можна прад'явіць у адносінах да кожнага нестандартнага кантэксту... цяжка прадставіць у строгай алгарытмізаванай форме, прыдатнай для суцэльнай апрацоўкі мноства кантэкстаў» [17, с. 106]. Невыпадкова ў шэрагу прац, прысвечаных нестандартным сінтагматычным адзінкам, адзначаецца непазбежны ўплыў суб'ектыўнага фактару пры выбары навукоўцам матэрыялу для аналізу (гл., напрыклад, [18, л. 171]), а значыць, адно і тое ж спалучэнне рознымі даследчыкамі можа кваліфікавацца неаднолькава.

Спрабуючы фармалізаваць пошук індывідуальнай лексіка-семантычнай спалучальнасці на базе корпуса мастацкіх тэкстаў, М. Ю. Мухін вызначае нетыповую спалучальнасць як «уласціваю канкрэтнаму аўтару сінтагматычную актыўнасць слова, наяўнасць у яго такога кола кантэкстных партнёраў, якое не мае аналагаў у іншым ідыястылі» [17, с. 113]. Напрыклад, пры аналізе намінацый маўлення ў творчасці М. Булгакава, У. Набокава, М. Шолахава і А. Платонава даследчык заўважае, што ў М. Шолахава сустракаецца арыгінальны набор суб'ектаў і адрасатаў маўлення (*казак, старуха, командир, хозяйка* і інш.), а для іншых аўтараў спалучальнасць дадзеных лексем з дзеясловамі маўлення з'яўляецца нетыповай. Або сінтагматычная адзінка «*вежливо + адпаведны дзеяслоў*» (напрыклад, *вежливо ответил*) адносна часта сустракаецца ў М. Булгакава і вельмі рэдка ў астатніх аўтараў.

Лёгка заўважыць, што пры такім разуменні нетыповасць становіцца вымяральной, а не проста разумеецца інтуітыўна, аднак яна не супадае з паняццем нестандартнасці. Іншымі словамі, многія нетыповыя спалучэнні, прыведзеныя навукоўцам, адпавядаюць норме і ўзусу, а вызначаюцца сярод іншых сваёй частотнасцю і знакавасцю ў пэўным ідыястылі.

З улікам сказанага адзначым, што пры фіксацыі нестандартнай сінтагматыкі даследчыку, безумоўна, варта звяртацца да розных лексікаграфічных крыніц (праверка на нарматыўнасць / ненарматыўнасць спалучэння) і звяртаць даныя са створанымі ўжо корпусамі тэкстаў (выяўленне ўзуальнасці / неўзуальнасці і прэцэдэнтнасці / непрэцэдэнтнасці сінтаксічных адзінак). Але, на нашу думку, гэта не выключае неабходнасць падмацоўваць інтуітыўнае ўспрыманне кожнай нестандартнай канструкцыі яе кантэкстуальным аналізам. Гэта асабліва важна для вызначэння камбінаторных адзінак, якія толькі знешне нагадваюць узуальныя і ў якіх «завуаліраваны» эстэтычны эффект забяспечваецца тонкім абыгрываннем, скажам, шматзначных і аманімічных лексем: *На небе Воз адкінуў дышаль убок / і хмараў сініх болей не развозіць* (Л. Геніюш) – у кантэксце назіраецца зваротная метафарызацыя астранамічнай намінацыі.

Феномен моўнай анамаліі заўсёды прыцягваў і не перастае прыцягваць увагу лінгвістаў, паколькі «анамалія часта загадкавая і небяспечная», «яна... прымушае думаць (стварае думку) і дзейнічаць (стварае жыццё)» [19, с. 76]. Як намі было паказана, у дачыненні да сінтагматычных анамалій згаданыя іх характарыстыкі праяўляюцца, па-першае, у сэнсава-эстэтычнай шматпланавасці і прынцыповай інтэрпрэтацыйнай нявызначанасці ў параўнанні са звыклымі для носбітаў мовы адзінкамі, а па-другое, у адсутнасці ў лінгвістаў дакладна вызначаных механізмаў вылучэння ненарматыўных / нестандартных спалучэнняў на фоне нейтральных, што і стымулюе навуковую думку для разгадкі феномена.

Безумоўна, правесці выразную мяжу паміж узуальнымі і неўзуальнымі спалучэннямі даследчыкам перашкаджаюць хуткасць і непрадказальнасць моўнага развіцця. Тым не менш бачыцца прадуктыўным імкненне мовазнаўцаў да ўпарадкавання вялікай колькасці рэальных і патэнцыяльных моўных фактаў у граматыцы спалучальнасці, каб з дапамогай яе адэкватна інтэрпрэтаваць нават экзатычныя канструкцыі. Спробы аўтаматычна адмежаваць

стандартнае ад нестандартнага, можна меркаваць, менш удалыя, паколькі яны здольны выявіць найбольш частотныя, тыповыя для пэўнай моўнай асобы, але не ўнікальныя аўтарскія канструкцыі. Тонкая моўная гульня, закладзеная ў нестандартных спалучэннях, часам дэшыфруецца ў шырокім кантэксце, з прыцягненнем не толькі лінгвістычнай, але і разнапланавай культуралагічнай інфармацыі. Гэтыя веды ўваходзяць у кампетэнцыю даследчыка, а штучны інтэлект не валодае ўсёй іх паўнатай.

ЛІТАРАТУРА

1. *Влавацкая, М. В.* Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. В. Влавацкая; Новосиб. гос. техн. ун-т. – Кемерово, 2013. – 50 с.
2. *Щерба, Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба / АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
3. *Добровольский, Д. О.* Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус / Д. О. Добровольский // Рус. яз. в науч. освещении. – 2005. – № 10 (2). – С. 43–87.
4. *Богуславский, И. М.* Сфера действия лексических единиц: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. М. Богуславский; Ин-т языкознания РАН. – М., 1996. – 33 с.
5. *Филипенко, М. В.* Семантика наречий и адвербиальных выражений / М. В. Филипенко. – М. : Азбуковник, 2003. – 304 с.
6. *Филипенко, М. В.* Наречия в системе «Лексикограф» [Электронный ресурс] / М. В. Филипенко – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/media/2508/filipenko.pdf>. – Дата доступа : 17.03.2018.
7. *Падучева, Е. В.* Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства / Е. В. Падучева, Р. И. Розина // Вопросы языкознания. – 1993. – № 6. – С. 5–16.
8. *Кустова, Г. И.* Словарь как лексическая база данных / Г. И. Кустова, Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 96–106.
9. *Красильщик, И. С.* Предметные имена в системе «Лексикограф» / И. С. Красильщик, Е. В. Рахилина // Научно-теоретическая информация, Сер. 2. – 1992. – № 9. – С. 24–31.
10. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ин-т рус. яз. РАН; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. славян. культуры, 2003. – LXIX, 1488 с.
11. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т.: ок. 250000 лекс. единиц / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. – Т. 1. – 5-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 832 с.
12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

13. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-ое изд., стереотип. – М. : Совет. энцикл., 1969. – 608 с.
14. *Якобсон, Р.* Избранные работы : пер. с англ., нем., фр. / Р. Якобсон; предисл. В. В. Иванова; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1985. – 454 с.
15. *Зуева, Н. Ю.* Окказиональная лексическая сочетаемость в ее отношении к языку и речи (на материале произведений Л. Леонова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Ю. Зуева; Казах. гос. ун-т. – Алма-Ата, 1990. – 20 с.
16. *Степанова, С. Ю.* Авторское использование экспрессивных средств языка и нестандартной сочетаемости : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / С. Ю. Степанова; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1998. – 18 с. – Режим доступа : http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34254/1/urgu1473_d.pdf. – Дата доступа : 20.03.2018.
17. *Мухин, М. Ю.* Нетипичная лексическая сочетаемость: формализация термина и анализ текста / М. Ю. Мухин // Урал. филол. вестн. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2015. – № 1. – С. 105–115.
18. *Ружицкий, И. В.* Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 [Электронный ресурс] / И. В. Ружицкий. – М., 2015. – 647 л. – Режим доступа : http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34254/1/urgu1473_d.pdf. – Дата доступа : 21.05.2018.
19. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.

The article deals with a number of problems related to the differentiation of syntactic constructions in the normative aspect, points to the vagueness of the borderlines between the usual and unusual combinations and the importance of identifying semantic features that make it possible not only to specify the correct combinations by a list but to establish the rules of combinatorics of lexemes. It is also argued that in the absence of formal criteria for delimiting standard and non-standard (occasional) combinations reflecting the originality of the speech behavior of native speakers, it is necessary to conduct a linguistic analysis of the context in order to reveal the facts of the language game in syntagmatics.

Поступила в редакцию 14.09.18

Е. Б. Карневская, И. Н. Шпаковская

ВНУТРИФРАЗОВЫЕ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ ПРИ ОБЩЕНИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ТВИТТЕР

Статья посвящена особенностям использования внутрифразовых знаков препинания в социальной сети Твиттер в английском, русском и белорусском языках. Сопоставляются данные по частотности употребления знаков препинания, анализируется соотношенность видов знаков препинания. Все твиттер-сообщения также рассматриваются с точки зрения соответствия правилам пунктуации в данных языках. Делается вывод о том, что

использование знаков препинания в Твиттере не сводится к их смысловозначительной роли, а включает весь спектр функций, при этом доминирующей является навигационная (оптимизирующая) функция. Полученные данные раскрывают как конкретно-языковые, так и универсальные черты функционирования пунктуационных маркеров в твиттер-сообщениях и указывают на сходство функций пунктуации в них с функциями просодии в устной коммуникации.

Пунктуация, безусловно, относится к наиболее исследованным языковым подсистемам. Вместе с тем появление значительного количества работ, посвященных проблеме пунктуации в отечественной и зарубежной лингвистике, в последние два десятилетия указывает на то, что изучение данного языкового явления продолжает представлять интерес для лингвистов.

Одним из новейших направлений в области пунктуации стало изучение естественной письменной речи (ЕПР), которая определяется как совокупность текстов, создаваемых спонтанно и непрофессионально; при этом ЕПР рассматривается в парадигме «естественная устная речь – искусственная устная речь – естественная письменная речь – искусственная письменная речь» [1, с. 260]. К текстам ЕПР относятся записки, учебные конспекты, смс-сообщения и тексты, порождаемые в процессе интернет-коммуникации (сообщения в мессенджерах, чатах, форумах, социальных сетях и т. п.).

Интернет-коммуникация, по общему признанию, становится (или уже стала) одним из наиболее распространенных видов общения в современном мире. В плане интересующей нас проблемы нельзя не заметить, что в изучении интернет-коммуникации значительное внимание уделяется особенностям графического оформления текстов и, в частности, особенностям использования пунктуации.

У авторов нет единого мнения об общих тенденциях пунктуирования онлайн-текстов. Так, Линн Трасс в работе, посвященной правилам английской пунктуации, говорит о негативном влиянии современных средств коммуникации на общий уровень грамотности британского общества и на пунктуацию в частности. В то же время согласно данным опроса, который проводит автор, большинство участников интернет-коммуникации считают, что они следуют пунктуационным правилам при обмене текстовыми сообщениями [2, р. 18]. Сандра Грайфферштерн, автор другой работы, посвященной влиянию информационных технологий, и в частности Интернета, на повседневную речь, отмечает минималистический подход к пунктуированию в Интернете, указывая при этом на отсутствие какого-либо общего тренда, характерного для пунктуации в интернет-коммуникации [3, р. 50]. О двух диаметрально противоположных подходах к пунктуации в британской онлайн-среде – минимализме и максимализме – пишет Дэвид Кристал. В первом случае пунктуация игнорируется практически целиком: исчезают запятые, точки и заглавные буквы, что отражает стремление добиться краткости письменной речи. Максималистичный подход придерживается принципа жесткого следования правилам пунктуирования [4, р. 328–329].

В ряде работ по рассматриваемой проблеме [5; 6; 7; 8;] затрагивается вопрос конкретно-языковой специфики использования знаков препинания как с точки зрения частотности знаков, так и в плане их функциональной

нагруженности. На основе сравнения графических особенностей русскоязычной, франкоязычной и англоязычной чат-коммуникации А. Г. Аврамова приходит к заключению о том, что в этих текстах пунктуационные знаки утрачивают свои традиционные синтаксические функции, а именно, функцию маркировки межфразовых границ, коммуникативного типа высказывания и внутрифразовых семантико-синтаксических отношений, сохраняя, однако, экспрессивную функцию [5, л. 28]. В более позднем исследовании Е. С. Стаценко (2010) на материале сравнения графических маркеров в английских и русских чатах также отмечается, что знаки препинания в чат-сообщениях в обоих языках используются для придания высказыванию эмоциональной окраски. Как результат, самыми распространенными пунктуационными знаками в чат-коммуникации являются восклицательный знак, вопросительный знак и многоточие. Из них в англоязычной чат-коммуникации преобладает вопросительный знак, в русскоязычной – восклицательный знак [6, л. 132].

Вывод о приобретении многими знаками препинания нового семиотического и экспрессивного значения в процессе интернет-общения делает М. Р. Нашхоева в исследовании текстов англоязычных блогов и форумов. Автор считает, что пунктуация чаще используется для выражения эмоций и отношения пишущего к высказываемому, в силу максимального сближения устной и письменной речи в сетевом общении [7, с. 5–6].

В сопоставительном исследовании графики и пунктуации английских, татарских и русских сетевых текстов типа чатов, мгновенных сообщений и форумов А. Н. Тарасова отмечает общий для них нерегламентированный характер пунктуации и выявляет отклонения от пунктуационной нормы, особенно в употреблении разделительных и выделительных знаков препинания [8, с. 14].

Выявленные отклонения от пунктуационной нормы оцениваются исследователями по-разному. По мнению Тарасовой, например, такая тенденция не может оцениваться как положительная, поскольку сетевые тексты зафиксированы на письме и, значит, должны подчиняться нормам кодифицированного литературного языка [8, с. 15]. С другой стороны, в работе Е. В. Холодковской, посвященной использованию пунктуации в социальной сети Facebook, также фиксируется нарушение пунктуационных норм, но при этом подчеркивается, что оно не приводит к коммуникативным неудачам субъектов интернет-комментариев [9, с. 101].

Одной из ведущих форм интернет-коммуникации в последние годы наряду с Facebook стал Твиттер (Twitter) – социальная сеть для публичного обмена сообщениями. Ограничение количества символов для одного сообщения (изначально 140, а в настоящий момент 280) позволяет предположить, что при данной форме интернет-коммуникации использование пунктуационных маркеров должно быть крайне лимитировано и сводиться к случаям их смысловозначительной роли (т. е. в ситуации, когда отсутствие пунктуационного маркера сделает невозможным корректное восприятие письменного сообщения). Таким образом, анализ употребления знаков препинания в твиттер-сообщениях позволяет выявить функции пунктуации, наиболее важные с точки зрения сетевого пользователя.

Следует указать, что при всей сжатости размера сообщения в Твиттере, его автор не так ограничен во времени, как, например, в чате, т. е. степень спонтанности твиттер-сообщения меньше, и это потенциально способствует большей нормативности письменной речи. С другой стороны, тот факт, что твиттер-сообщения могут быть анонимными, зачастую позволяет пишущим проявлять определенную небрежность и игнорировать нормы грамотного построения письменного высказывания. Тем самым роль знаков препинания в текстах данного типа снижается по сравнению с текстами других форматов ЕПР.

Обсуждаемое в статье исследование было направлено на проверку высказанных предположений. Для установления частотности употребления внутрифразовых знаков препинания, соотношения различных видов знаков и их соответствия пунктуационной норме в твиттер-сообщениях были проанализированы сообщения из англоязычных, русскоязычных и белорусскоязычных твиттер-аккаунтов. Общий объем выборки составил 3000 фраз (1000 фраз для каждого языка). Сопоставление языков, в которых пунктуация считается более «синтаксической» (русского и белорусского) и менее синтаксической (английского), несомненно, способствует выявлению конкретноязыковых различий и сходств в использовании внутрифразовой пунктуации в разных видах интернет-коммуникации.

Анализ частотности знаков препинания показал, что во внутрифразовой позиции они использовались в 31 % англоязычных сообщений Твиттера. Эти данные можно сравнить с информацией по частотности употребления внутренних знаков препинания в других типах электронных англоязычных текстов, полученных нами ранее на материале электронных писем и форумных сообщений, где анализируемый показатель составил 51 % [10, с. 153] и 42 % [11, с. 162] соответственно. Таким образом, подтверждается предположение о снижении частотности использования знаков препинания в англоязычной твиттер-коммуникации. С другой стороны, достаточно высокая процентная доля предложений с внутренними знаками препинания в общей выборке свидетельствует о том, что утверждения о полном игнорировании пунктуации участниками данного вида интернет-коммуникации являются преждевременными.

Межъязыковое сравнение показало, что, как и следовало ожидать, в твиттер-сообщениях на русском и белорусском языках внутрифразовая пунктуация используется намного чаще, чем в английском языке: 71 % для русского языка и 67 % для белорусского.

Характерно, что английский язык значительно уступает русскому и белорусскому и по абсолютному числу внутрифразовых знаков препинания (516 знаков в англоязычных и 1120 и 981 знаков в русскоязычных и белорусскоязычных твиттер-сообщениях соответственно).

Нужно учесть, кроме того, что при анализе твиттер-аккаунтов не принимались во внимание случаи использования тире и скобок в качестве так называемых «смайликов», выражающих эмоции, поскольку этот аспект употребления графических средств, на наш взгляд, требует отдельного исследования.

Заслуживают внимания и установленные различия в соотношении разных видов знаков препинания по частотности в сравниваемых языках (таблица).

Соотношение видов знаков препинания
по частотности в твиттер-сообщениях, %

Твиттер	,	–	:	„	--	()	;
английский	76	9	7	2	2	4	0
русский	70	13	3	9	3	2	0
белорусский	67	15	4	8	2	4	0

Как видно из таблицы, общим для всех трех выборок является отсутствие знака препинания «точка с запятой», а также превалирование запятой, хотя в последнем случае нельзя не заметить конкретно-языковой специфики: двойные запятые используются гораздо чаще в белорусском и русском языках, чем в английском. Русскоязычные и белорусскоязычные пользователи Твиттера активно используют двойные запятые при выделении вводных слов и конструкций: 1. *Все-таки добрался до фильма Лето. Начинал смотреть с некоторой осторожностью, потому что песни Майка Науменко в моей юности значили прямо очень много. Но фильм мне, скорее, понравился* (twitter.com/vstognienko). 2. *Гэта, як мінімум, прыгожа!* (twitter.com/symbalby).

Среди наиболее распространенных случаев употребления знаков препинания в твиттер-сообщениях во всех трех языках можно выделить отделение при помощи запятой двух частей сложного бессоюзного предложения и членов перечисления, использование тире для выделения дополнительной информации, к которой автор сообщения хотел привлечь особое внимание; употребление двоеточия для введения цитаты или ссылки, например: *Read the thoughts of the MUFC boss following today's disappointing defeat at Brighton: www.manutd.com* 'Прочитайте мысли главного тренера Манчестер Юнайтед после разочаровывающего поражения в Брайтоне' (twitter.com/manutd).

Тенденции, касающиеся соотношения между различными знаками препинания, являются сходными в русском и белорусском языках. Можно отметить, что процент употребления одиночного тире в белорусском Твиттере оказался самым высоким из трех выборок. Более частотное использование тире в белорусскоязычных, как и в русскоязычных, аккаунтах по сравнению с английскими можно объяснить более широкими функциями данного знака препинания в белорусском и русском языках. Характерно, что более чем в 80 % случаев тире ставилось между подлежащим и именным сказуемым, например: *Слон – адзінае з млекакормячых, якое не можа скакаць* (twitter.com/cikavostka). Как известно, подобное употребление тире не характерно для английского языка.

С точки зрения пунктуационной нормы, отклонения от нее в английских твиттер-аккаунтах (отсутствие знака препинания в случаях, подлежащих обязательному пунктуационному отделению, согласно многочисленным пособиям по английской пунктуации) были зафиксированы в 47 % предложений. В основном они были связаны с пропуском запятой в конструкциях с обращениями, приложениями и однородными членами предложения: *Hi Jamie I can't wait for those two games or the ones v you at Christmas* 'Привет Джейми я жду не дождусь этих двух игр или же игр против тебя на Рождество' (twitter.com/gnev2).

В русскоязычных твиттер-аккаунтах показатель соответствия знаков препинания пунктуационным правилам, выражаемый числом фраз, содержащих случаи отклонений от пунктуационной нормы, составил 34 % от общего количества фраз. Таким образом, в большинстве случаев, т.е. в 66 %, русскоязычные пользователи Твиттера следовали правилам пунктуирования различных синтаксических конструкций, употребляя знаки препинания и тогда, когда их пропуск не затруднил бы восприятие сообщения. К подобным случаям можно отнести отделение придаточных в сложноподчиненном и предикативных единиц в союзном сложносочиненном предложении. К наиболее распространенным отклонениям относится пропуск одного из двойных знаков препинания, в частности, запятой, при необходимости выделения вводных или вставочных конструкций и определительных придаточных. Типичной ошибкой, естественно, был пропуск второй запятой: *Ужасная и нелепая трагедия, которая унесла жизнь талантливейшего фигуриста просто не укладывается в голове* (twitter.com/Garik2000).

У белорусскоязычных пользователей Твиттера только в 25 % фраз были зафиксированы отклонения от пунктуационной нормы. Ошибки, как и в русскоязычной выборке, касались, в основном, пропуска двойных знаков препинания, а также употребления запятых при отделении частей сложноподчиненных предложений: *Калі паказваеш усім сваім крывым і злосным тварам наколькі ты стомлены/заняты то ты не абібок нейкі, маеш абавязкі і цалкам у думках і справах* (twitter.com/Alex_Cheese).

Обобщение результатов анализа позволяет утверждать, что, несмотря на игнорирование в целом ряде случаев знаков препинания в качестве маркеров синтаксических связей, значительная часть участников процесса коммуникации через Твиттер рассматривает пунктуацию как неотъемлемый структурный признак сообщения, способствующий более однозначному и полному донесению мыслей и эмоций автора до других участников. В данном подвиде интернет-коммуникации знаки препинания выполняют, как и в традиционной, конвенциональной письменной речи, различные функции: синтаксическую, смысловозначительную, прагматическую, или экспрессивную. В то же время ведущей, на наш взгляд, становится оптимизирующая функция, поскольку пунктуация выполняет роль своего рода навигатора в процессе восприятия письменного текста читающим. Здесь важно отметить, что употребление внутрифразовых знаков препинания в англоязычных сообщениях в большей степени связано со смысловой сегментацией, которая теснейшим образом коррелирует с просодическим членением. Иными словами, знак препинания используется там, где в устной речи от говорящего ожидается пауза, разграничение фразы на синтагмы или подчеркивание таких значений, как вводность, присоединительность, добавочность. В то же время в русскоязычном и белорусскоязычном Твиттере, в отличие от англоязычного, помимо указанных случаев просодико-смысловых членений, нередко встречается употребление пунктуации сугубо для эксплицирования синтаксических связей между частями предложения.

С теоретической и практической точки зрения важно, что в интернет-сообщении вообще и твиттер-сообщении в частности сохраняются конкретно-языковые особенности пунктуации. Они касаются в первую очередь ее

обязательности и синтаксической обусловленности во взаимодействии с авторской свободой (относительно синтаксиса) использования знака препинания как такового и выбора определенного вида знака препинания.

В целом, результаты исследования ЕПР (и в том числе такого его под-вида, как твиттер-сообщения) убеждают в том, что в русском и белорусском языках и, в несколько меньшей степени, в английском языке, пунктуация представляет собой не только часть системно обусловленной нормы письменной речи, оцениваемую наравне с орфографией (хотя и более лояльно) при обучении и контроле грамотности. Это важная часть социокультурного портрета языковой личности, и в этом смысле, культура письменной речи – понятие, тождественное грамотности речи, – едва ли может зависеть от способа передачи информации. В данном контексте можно провести параллель с устной речью, в процессе которой приобретенные индивидуумом артикуляторные и когнитивно-перцептивные основы сохраняют свою стабильность и устойчивость в самых разных варьирующихся условиях устной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедева, Н. Б.* Естественная письменная русская речь: проблемы изучения / Н. Б. Лебедева // Русский язык: исторические судьбы и современность : Международный конгресс исследователей русского языка : Труды и материалы. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – С. 260–261.
2. *Truss, L.* Eats, Shoots and Leaves: The Zero Tolerance Approach to Punctuation / L. Truss. – London, 2003. – 209 p.
3. *Greiffenstern, S.* The influence of computers, the internet and computer-mediated communication on everyday English / S. Greiffenstern. – Berlin : Humboldt University of Berlin, 2010. – 313 p.
4. *Crystal, D.* Making a Point: The pernicky story of English punctuation / D. Crystal. – London : Profile Books, 2015. – 378 p.
5. *Аврамова, А. Г.* Лингвистические особенности электронного общения: на материале французского, английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Г. Аврамова. – М., 2005. – 227 л.
6. *Стаценко, Е. С.* Графические особенности английской и русской чат-коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. С. Стаценко. – Пятигорск, 2010. – 209 л.
7. *Нашхоева, М. Р.* Особенности пунктуации в сетевых текстах форумов и блогов: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Р. Нашхоева. – М., 2012. – 29 с.
8. *Тарасова, А. Н.* Особенности пунктуации и графики сетевых текстов (на материале татарского, русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. Н. Тарасова. – Казань, 2015. – 27 с.
9. *Холодковская, Е. В.* Пунктуация как средство реализации просодии при общении в социальной сети Facebook / Е. В. Холодковская // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2014. – № 5 (24). – С. 110–106.
10. *Шпаковская, И. Н.* Дистрибутивные и функциональные характеристики английской пунктуации / И. Н. Шпаковская // Теория и практика преподавания иностранных языков в неязыковом вузе : сб. науч. ст. / редкол. : Л. В. Хведченя [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 1. – С. 152–157.

11. *Шпаковская, И. Н.* Особенности использования графических средств в некодифицированных текстах / И. Н. Шпаковская, Н. В. Лихачёва // Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков : сб. материалов XVIII Респ. науч.-практ. конф., Брест, 28 февр. 2014 г. : в 2 ч / Брест. гос. ун-т. им. А. С. Пушкина; редкол.: В. Ф. Сатинова [и др.]. – Брест : БрГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 160–163.

The article deals with the use of punctuation in communicating through Twitter. Data from English, Russian and Belarusian languages are being compared and the distribution of different punctuation marks analyzed. The data obtained confirm the contribution of punctuation marks to successful communication in the given social network and point out their functional similarities with prosody in oral communication.

Поступила в редакцию 26.09.18

Т. А. Козлова

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье на основе данных толковых словарей с использованием метода дефиниционного анализа выявляются сходства и различия в представленности категории *моральных качеств* в белорусском и русском языках. Проводится сравнительный анализ количества единиц, их группировка на основе общности лексикографического описания и соответствия христианским добродетелям и смертным грехам, сделан сравнительно-сопоставительный анализ лексем, формирующих каждое объединение.

Язык является важной составляющей культуры, поскольку, именуя предметы и чувства, он с помощью слов информирует об особенностях данной культуры и языкового сообщества [1, с. 18]. А. А. Уфимцева отмечает, что процесс прямой номинации является свидетельством фиксации общественного опыта и трудовой деятельности человека в языке, он отражает результат выделения и обобщения необходимого и существенного, то есть носит аксиологический характер [2, с. 8].

С одной стороны, можно говорить об универсальности общественного и трудового опыта человека, благодаря чему наблюдаются сходства в концептуализации мира человеком и наименовании одних и тех же явлений, предметов, процессов и т.д. С другой стороны, результатом процесса номинации является не только именование вещей, но и выражение «отношения человека к этим вещам и явлениям» [3, с. 83]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют язык «ситом», так как он отсеивает все незначительное и неважное, а хранит только существенную информацию, ведь она «молчаливым, но непререкаемым общественным мнением признана важной» [4, с. 80]. Иными словами, именно ценностный подход является основой различий человеческой концептуализации мира.

Возможность объединения представителей определенной общности в одну группу связана с наличием некоторого общего специфического ядра. Такое ядро формируется на основе различных взглядов народов на многие

аспекты жизнедеятельности, одним из которых является духовная составляющая. Характеризующие ее категории нравственности и морали, проявляющиеся в наличии представлений о добре и зле, хорошем и плохом, плюсе и минусе, определяют правила поведения членов общества, устанавливают шкалу ценностей и предлагают эталоны в качестве образца [5, с. 256].

Исследование сходств и различий фиксации информации в языке возможно на основании лексикографических описаний. Именно дефиниции в толковых словарях дают обыденное, ненаучное объяснение лексем, которые, по мнению А. Вежбицкой, позволяют объяснить сущность единиц представителям другой культуры [6, с. 25].

Сопоставительные исследования лексикографических описаний в белорусском и русском языках интересны тем, что народы, которые используют указанные языки, долгое время на протяжении истории проживали в границах одного государства. Поскольку «окультуривание человеком окружающего мира» связано с осознанием своей принадлежности к определенной национально-культурной общности, то можно говорить о том, что самоидентификация личности происходит наряду с осознанием таких категорий, как «свой» и «чужой» [5, с. 236]. В связи с этим актуализируется вопрос об общности и различиях в отражении понятия *моральные качества* в разных языковых картинах мира.

Под *моралью* в «Большом академическом словаре» понимается «совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу; нравственность» [7]. «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» дает следующее определение лексеме *мараль*: «правілы, нормы паводзін людзей у адносінах паміж сабой» [8]. Следует отметить, что лексикографическое описание указанной лексемы в словаре «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» полностью совпадает с ее лексикографическим описанием в русскоязычном толковом словаре: «сукупнасць прынцыпаў і норм паводзін людзей між сабой і ў адносінах да грамадства» [9].

Отбор лексических единиц, обозначающих моральные качества, происходил на основе данных «Идеографического словаря русского языка» под редакцией О. С. Баранова [10], «Комплексного учебного словаря» под редакцией В. В. Морковкина [11], а также «Тематического словаря русского языка» [12] в русском языке и тематического словаря «Чалавек» [13] в белорусском языке. Данные перечисленных словарей были дополнены поиском лексем методом сплошной выборки из указанных выше толковых словарей на базе лексикографических описаний лексем *мараль* и *мораль*, а также на основе данных переводного словаря [14]. Результатом данных этапов работы стало выявление 384 единиц, называющих моральные качества, в белорусском языке, из которых 197 слов называют положительные моральные качества, 187 – отрицательные моральные качества. Общее количество лексем данной категории в русском языке составило 403 единицы, из которых 203 называют положительные моральные качества, а 200 – отрицательные.

Сходство количественного показателя говорит о наличии общей тенденции в наименовании моральных качеств в двух языках, однако более существенным, на наш взгляд, является качественный показатель, то есть значения самих единиц, называющих моральные качества.

Известно, что источником для формирования моральных качеств стали 10 христианских заповедей [15]. Опираясь на данную точку зрения, с целью выделения критериев для группировки лексем мы обратились к «Католической энциклопедии» [16], а также энциклопедии «Религия» [17]. Указанные энциклопедии позволили установить 4 христианские добродетели (благоразумие, справедливость, умеренность и мужество) и 7 смертных грехов (гордыню, скупость, вожделение, зависть, чревоугодие и пьянство, гнев, лень). Поскольку дефиниции лексем *мараль* и *мораль* предполагают наличие нормы, влияющей на взаимодействие как минимум двух субъектов, то среди объединений слов, репрезентирующих моральные качества, не будет единиц, называющих такие грехи, как *чревоугодие* и *пьянство*. Группировка лексем на основе значений, антонимичных перечисленным добродетелям и грехам, позволила выделить 5 новых объединений слов. В дальнейшем работа по группировке лексем осуществлялась на основе выявления общности лексикографического описания слов.

Таким образом, в исследуемых языках было выделено 22 объединения единиц, называющих положительные моральные качества: *доброжелательность/добрачылінасць*, *благородство/высакароднасць*, *вежливость/ветлівасць*, *честность/шчырасць*, *смелость/смеласць*, *кротость/паслухмянасць*, *настойчивость/настойлівасць*, *отзывчивость/спагадлівасць*, *справедливость/справядлівасць*, *скромность/сціпласць*, *бескорыстность/самаадданасць*, *трудолюбие/працавітасць*, *целомудренность/цнатлівасць*, *ответственность/адказнасць*, *терпеливость/цярплівасць*, *сдержанность/стрыманасць*, *верность/вернасць*, *заботливость/клапатлівасць*, *бережливость/беражлівасць*, *надежность/надзейнасць*, *патриотизм/патрыятызм*, *щедрость/шчодрасць*.

Наполняемость указанных объединений лексем приблизительно одинакова. Существенна лишь разница в представленности объединения *честность/шчырасць* (21 и 15 лексем соответственно). Одной из причин такого различия является тот факт, что лексеме *прастадушнасць* в белорусском языке соответствует четыре лексемы в русском: *простодушие*, *простодушность*, *простосердечие*, *простосердечность*. Еще одно отличие заключается в наличии переносного значения «честность, правдивость, бесхитрость» у лексемы *прямота* при отсутствии такой аналогии в белорусском языке.

Следует отметить, что при наличии в белорусском языке лексемы *карыслівасць*, словарь фиксирует только один антоним – *бескарыслівасць*, в то время как русскоязычные толковые словари включают как лексемы *бескорыстие*, *бескорыстность*, так и лексему *некорыстность*. Лексеме *неиспорченность* в русском языке противопоставлена лексема *испорченность*, в то время как белорусскоязычная практика фиксирует только отрицательное качество *сапсаванасць*.

Интересна для рассмотрения лексема *тактычнасць*. В толковых словарях значение указанного слова определяется через однокоренное прилагательное как «уласцінасць тактычнага»: *Госці звычайна таўкуцца некаторы час, не спяшаюцца, каб захаваць тактычнасць*. Предлагаемый пример позволяет рассматривать данное существительное как единицу, называющую моральное качество, однако дефиниция прилагательного *тактычны* имеет связь только с лексемой *тактыка*, но не *такт*.

Изучение единиц, репрезентирующих отрицательные моральные качества, позволило сгруппировать лексемы в 25 объединений в белорусском языке и 26 объединений в русском языке. Общими для двух языков являются следующие объединения: *безнравственность/бездухоўнасць*, *нечестность/няшчырасць*, *невежливость/няветлівасць*, *высокомерие/пагардлівасць*, *жадность/сквапнасць*, *недоброжелательность/нядобразычлівасць*, *наглость/нахабнасць*, *жестокость/лютасць*, *равнодушие/абьякавасць*, *похотливость/юрлівасць*, *эгоистичность/эгаістычнасць*, *боязливость/баязлівасць*, *безответственность/безадказнасць*, *властность/уладарнасць*, *неверность/нявернасць*, *ненадежность/ненадзейнасць*, *несправедливость/несправядлівасць*, *мягкотелость/мяккацеласць*, *упрямство/упартасць*, *леность/лянівасць*, *завистливость/зайздроснасць*, *нетерпимость/нецяярнімасць*, *лихачество/ліхацтва*, *мстительность/помслівасць*, *либеральность/ліберальнасць*.

Объединение *хвастливость* не представлено в белорусском языке, поскольку все корреляты данной единицы называют не качество, а действие, в основе которого лежит данное качество.

В отличие от объединений, называющих положительные качества, группы слов, именующие отрицательные моральные качества, не одинаково репрезентативны. Следует отметить, что различия были выявлены в отношении объединения *честность/шчырасць* в положительном плане и объединения *нечестность/няшчырасць*, представленном 24 и 17 лексемами соответственно, в отрицательном плане. Кроме того, коррелирует наиболее многочисленного по количеству лексем объединения *няветлівасць* в белорусском языке занимает 6 позицию в русском. Наибольшая представленность объединения *жестокость* в русском языке по сравнению с объединением *лютасць* в белорусском языке связана с дублетностью ряда лексических единиц в первом (*бездушие, бездуиность; бессердечие, бессердечность; бесчеловечие, бесчеловечность*) и наличием одной единицы во втором (*бяздушнасць, бессардэчнасць, бесчалавечнасць*).

Особенностью лексических единиц, называющих отрицательные моральные качества в белорусском языке, является наличие слов с указанием неполной степени проявления качества: наряду с лексемами *грубасць, хітрасць* в словарях представлены лексемы *грубаватасць, хіраватасць*. Меньшая степень проявления качества наблюдается в дефиниции лексемы *гультаяватасць*. Подобное явление не зафиксировано в лексикографических источниках русского языка.

Сопоставительный анализ объединений лексем, называющих как положительные, так и отрицательные моральные качества, позволяет выявить общность в репрезентативности определенных групп. Так, объединения *смелость* (19 лексем), *кротость* (11 лексем) в русском языке и объединения *смеласць* (18 лексем), *паслухмянасць* (15 лексем) в белорусском языке занимают 5–6 и 4–5 позиции соответственно в иерархии объединений по количеству входящих в них лексем. При этом антонимические объединения *боязливость/баязлівасць* и *властность/уладарнасць* являются немногочисленными по количеству входящих в них единиц (7/6 и 5/5 соответственно). Представленность объединений *щедрость/шчодрасць* одной лексемой компен-

сируется многочисленностью языковых средств выражения противоположного качества: объединение *жадность* в русском языке представлено 12 лексемами, а объединение *сквапнасць* в белорусском – 15 лексическими единицами.

Сопоставительный анализ лексем, репрезентирующих моральные качества в двух языках, позволяет выявить общность в образовании переносных значений слов. Примером совпадения переносных значений слов могут служить следующие пары лексем: *мяккасць* – *мягкость*, *чыстата/чысціня* – *чистота*, *цвёрдасць* – *твёрдость*, *драпежнасць* – *хищность*, *нізасць* – *низость*, *халоднасць* – *холодность*, *чэрствасць* – *черствость*, *слізкасць* – *скользкость*, *крыважэрнасць* – *кровожадность*.

Более того, сходство наблюдается в способности отдельных лексем иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Так, русскоязычные лексемы *важність*, *горделивість*, *гордость*, *елейність*, *непринужденність*, *снисходительність* называют положительные качества, но его избыточность приводит к появлению отрицательной коннотации. Такое же явление характерно для лексем *гонар*, *стрыманасць*, *упартасць*, *важнасць* в белорусском языке. Обратим внимание на то, что корреляты лексических единиц *елейність* и *горделивість* (*ялейнасць* и *ганарлівасць* соответственно) имеют только отрицательную коннотацию в белорусском языке.

Изменение значения от отрицательного в сторону положительного при уменьшении степени проявления качества характерно для следующих лексем: *строгость*, *мягкость*, *строгасць*, *ліслівасць*, *мяккасць*, *памяркоўнасць*. Отрицательное значение лексемы *зацятасць* появилось в современных словарях, а изначально лексикографические источники фиксировали только положительную коннотацию. Лексическая единица *безадказнасць* характеризуется наименованием двух различных качеств.

Проведенный сопоставительный анализ дефиниций лексических единиц, репрезентирующих категорию *моральные качества* в белорусском и русском языках, позволяет выделить следующие общие черты:

1) схожее количество единиц, называющих моральные качества (количество единиц, называющих положительные и отрицательные моральные качества в белорусском языке, составляет 197 и 187 слов, или 51,3 и 48,7 % соответственно от общего количества лексем указанной категории; в русском языке было выявлено 203 лексемы, называющие положительное моральное качество и 200 лексем, называющих отрицательные моральные качества, что эквивалентно 50,4 % и 49,6 % от общего количества лексем данной категории);

2) полное совпадение объединений слов, называющих положительные моральные качества (22 объединения в каждом языке, или 100 % совпадение), и почти идентичное количество объединений, называющих отрицательные моральные качества (25 объединений в белорусском языке и 26 объединений в русском; процент совпадения объединений составляет 96 %);

3) наибольшая представленность и, соответственно, включение в пятерку самых репрезентативных следующих объединений положительных моральных качеств: *доброжелательность/добразычлівасць*, *благородство/высаканнасць*

роднасць, вежлівасць/ветлівасць, честнасць/шчырасць, смеласць/смеласць (121 единица, или 61 %, от количества слов, называющих положительные моральные качества белорусском языке, и 128 единиц, или 63 % – в русском);

4) одна из причин различного количественного состава объединений заключается в дублетности языковых единиц (в белорусском языке 38 слов имеют дублетную единицу, а 2 слова – по две единицы, что составляет 10,4 % от общего количества лексем в белорусском языке; в русском языке 27 слов имеют одну дублетную единицу, а 2 слова – по две единицы, что эквивалентно 7,2 % от общего количества лексем);

5) наличие лексических единиц, которые могут обозначать положительное или отрицательное качество в зависимости от степени проявления называемого качества (10 единиц, или 2,60 % от общего количества слов в белорусском языке и 8 единиц, или 1,99 % от общего количества слов в русском языке);

6) наличие вариантных соответствий в двух языках с общностью переносного значения (10 лексем, или 2,6 % от общего количества слов в белорусском языке и 9 лексем, или 2,2 % от общего количества слов в русском языке).

Различия по результатам дефиниционного анализа заключаются в следующем:

1) несовпадение самых многочисленных объединений групп в отрицательном плане (в русском языке наиболее многочисленны объединения *нечестность, безнравственность, жестокость, высокомерие, недоброжелательность*, а в белорусском языке – *няветлівасць, бездухоўнасць, пагардлівасць, няшчырасць, сквапнасць*);

2) различная представленность объединений *честность/шчырасць* и *нечестность/няшчырасць* (21/15 единиц, или 10,3 %/12 % от общего количества слов, называющих положительные моральные качества в русском и белорусском языках соответственно, и 24/17, или 7,6 %/9,1 % от общего количества слов, называющих отрицательные моральные качества в указанных языках);

3) наличие в белорусском языке лексических единиц для наименования меньшей степени проявления отрицательного качества (3 единицы, или 0,78 % от общего количества слов);

4) наличие в русском языке лексем, которые обозначают и положительное, и отрицательное качество при том, что их корреляты в белорусском характеризуют только один план (2 единицы, или 0,5 % от общего количества слов в русском языке).

Проведенное исследование на основе лингвистических данных подтверждает общность в понимании ценностей белорусами и русскими и, как следствие, возможность воспринимать представителя другой нации как своего, однако существующие различия требуют продолжения исследования на уровне текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чеснокова, Л. В.* Концепты немецкой культуры / Л. В. Чеснокова. – Ногинск : Аналитика РОДИС, 2017. – 437 с.

2. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2010. – 88 с.
3. Романовская, А. А. Античная символика и ее семантико-прагматические функции в современном художественном тексте / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 308 с.
4. Верещагин, Е. М. Язык и культура : три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
5. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : лекцион. курс / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
6. Алпатов, В. М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходе к языку / В. М. Алпатов // Вопр. языкознания. – 1993. – № 3. – С. 25–26.
7. Большой академический словарь русского языка: в 23 т. / под ред. К. С. Горбачевича. – 3-е изд. – СПб. : Наука, 2004–2014. – 23 т.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал. : Суднік М. Р. [і інш.]. – Мінск : БелСЭ імя П. Броўкі, 1977–1984. – 5 т.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.
10. Баранов, О. С. Идеографический словарь русского языка : 4166 ст. / О. С. Баранов. – М.: ЭТС, 1995. – 820 с.
11. Комплексный учебный словарь : Лексич. основа рус. яз. : Около 10 000 лексич. единиц в систем. об-ниях : Темат. группы, омонимы, синоним., антоним. и пароним. ряды, употребление в составе фразеол. единиц / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, отд. учеб. лексикографии; под ред. В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2004. – 872 с.
12. Саяхова, Л. Г. Тематический словарь русского языка : Ок. 25 000 слов / Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин. – М. : Рус. язык, 2000. – 560 с.
13. Чалавек : тэматычны слоўнік / склад. : В. Дз. Астрэйка [і інш.]. – Мінск, Беларус. навука, 2006. – 576 с.
14. Русско-белорусский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.skarnik.by>. – Дата доступа : 15.05.2018.
15. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. проект, 2004. – 991 с.
16. Католическая энциклопедия : в 3 т. / гл. ред.: о. Г. Церох. – М. : Изд-во францисканцев, 2002. – Т. 1. – 1010 с.
17. Религия: энцикл. / сост. и общ. ред.: А. А. Грицанов, Г. В. Синило. – Минск : Книжный дом, 2007. – 960 с.

The article is devoted to the study of peculiarities of language means representing moral qualities in Belarusian and Russian lexicography in order to find out the influence of geographical and cultural closeness on words. On the basis of the words *мораль* and *мараль* definitions as well as Christian virtues and sins two lists of moral qualities are made. Lexical groups representing essential moral qualities in the languages under study are defined and compared.

Поступила в редакцию 21.09.18

ГРАМАТЫЧНАЯ VS ЗМЯСТОЎНАЯ СКЛАДНАСЦЬ ТАПАЗНАКА І ТАПАЊІМНАЙ СІСТЭМЫ

В статье рассматриваются возможности функционального подхода к грамматике топонима. Кратко описывается предыдущая (формальная) традиция изучения имен: через связь с историей (XIX в.), описание внутреннего строения (XX в.), восприятие пространства этносом (с конца XX в.). В противовес этим подходам автор обращается к денотативным свойствам онима – его единичности, (не)стабильности существования, степени значимости как ориентира – и типам *отношений* между категориями объекта и признака в имени. Вторичность имен в плане выражения отграничивается от их вторичности в плане содержания, которая проявляется в потенциальной возможности использовать схемы деятельности для будущей номинации.

У традыцыйнай тапаніміцы паняцце сувязі кампанентаў імені ўзнікае ў адносінах да аднаго са структурных тыпаў – састаўных тапонімаў. Яны складаюцца не менш чым з двух слоў, паміж якімі адзначаецца пэўны від сувязі (дапасаванне, кіраванне, прымыканне). Аднаслоўныя адзінкі размяркоўваюцца па тыпах простых і складаных у залежнасці ад характару словаўтваральных фармантаў. Гэтага дастаткова для ўнутранага апісання сістэмы, але не для яе тлумачэння.

Выход за рамкі мовы мае на мэце ўлік знешніх сувязей імёнаў. Такі выход ажыццяўляўся на першым этапе развіцця анамастыкі праз зварот да тапонімаў розных груп і сем'яў моў, носьбіты якіх пражывалі на даследуемай тэрыторыі (гісторыя мовы). Ён дазволіў правесці моўную атрыбуцыю матэрыялу, пацвердзіць ці абвергнуць гістарычныя гіпотэзы (беларускія імёны аналізавалі А. Г. Кіркор, А. А. Качубінскі, І. Я. Спрогіс, П. Л. Маштакоў, Ю. Ю. Трусман, А. Л. Пагодзін, І. П. Філевіч, Я. Ф. Карскі, У. М. Тапа-роў, А. М. Трубачоў і інш.). Пасля перыяду структуралізму (1960–2000) з яго цікавасцю галоўным чынам да лексіка-семантычнага і структурна-грама-тычнага аспектаў тапонімаў (В. П. Лемцогова, Г. М. Мезенка, І. Л. Капылоў і інш.) лінгвісты звярнуліся да асаблівасцей культуры і ўспрымання прасторы этнасам. Гэтыя пытанні распрацаваны менш глыбока. Працы ў гэтым рэчышчы інспіраваны ідэямі Уральскай школы анамастыкі (на беларускім матэрыяле адлюстраваны ў працах Т. М. Аліферчык, Т. Ю. Васільевай, Л. В. Леванцэвіч і інш.). Інтэрпрэтацыі выходзяць далёка за межы тапазна-ка – у вобласць прадстаўленняў намінацый аб прасторы, распалажэння аб'ектаў у ёй і вызначэння месца чалавека сярод аб'ектаў прасторы. Аб'екты і чалавек пры падобным падыходзе застаюцца на роўных, і гэта, на нашу думку, пакідае яго толькі назіральнікам за з'явамі свету. Адаючы належнае шматбаковасці этналінгвістычнай версіі, варта ўзгадаць, што суб'ект здольны быць дзеячам. Дзеянні па ўладкаванні ўласных імёнаў аб'ектаў натуральна прыводзяць да адбору інфармацыі аб аб'екце, не даюць яе цалкам: «квант інфармацыі, змешчаны ў свядомасці, становячыся прадметам паведамлення, падлягае моўнай катэгарызацыі» [1, с. 26].

Мэта нашага даследавання – не выходзячы за межы тапанімнага знака, паказаць яго змястоўную складнасць, якую чалавек несвядома кадзіруе ва ўласных назвах аб'ектаў мясцовасці і прыводзіць да такой формы, якая ў найбольшай ступені адпавядае яго адносінам да розных аб'ектаў свету.

Мы прапануем змясціць імя ў прадметна-камунікатыўны кантэкст, суаднесці імёны з функцыяй тапонімаў і яе разнавіднасцямі, а таксама з асаблівасцямі іх дэнататаў (адзінканасць, ступень іх вядомасці для людзей). Гэты крок дазваляе адзначыць дзеянні суб'екта намінацыі па стварэнні ўзаемазвязаных і ўзаемаабумоўленых абагульненых схем вопыту, да якіх ён рэгулярна звяртаецца падчас намінацыі адзінкавых аб'ектаў, а таксама вызначыць паслядоўнасць гэтых дзеянняў. Прыкладамі выступаюць тапонімы Беларусі і ЗША.

Супастаўляльнае даследаванне імёнаў беларускай мовы і амерыканскага варыянту англійскай мовы цікавае з некалькіх бакоў. Па-першае, англійская мова больш аналітычная ў параўнанні з беларускай, і шматлікія найменні аб'ектаў, якія ў сінтэтычных славянскіх мовах прадстаўлены аднаслоўнымі афіксальнымі адзінкамі з неадназначнай рэфэрэнцыяй, у больш аналітычнай англійскай могуць захаваць паўнавартыя асновы і фарманты ў выглядзе спалучэння слоў. Па-другое, важная перавага даследавання беларускіх найменняў на фоне амерыканскіх складаецца ў адносна нядаўнім стварэнні ўсёй сістэмы водных назваў ЗША і, галоўнае, у тым, што гэты працэс ажыццяўляўся практычна адначасова ва ўсіх падсістэмах, а не паступова на працягу стагоддзяў. Дадзены факт дае падставы паглядзець на ўсе тапонімы не з пазіцыі карыснасці аб'ектаў у старажытнасці (як гэта часта робіцца ў славянскай тапаніміі), а толькі як на роўныя – з пункту гледжання магчымасці надзялення іменем – аб'екты.

Перш чым пераходзіць да абгрунтавання змястоўнай складнасці тапонімаў з пазіцыі намінатара-дзеяча, узгадаем, як разглядаюцца іх змястоўнасць і граматычная складнасць у традыцыйных даследаваннях.

Зместавы аналіз географічных імёнаў да гэтай пары праводзіцца тапанімістамі, якія называюць яго анамасіялагічным падыходам. Звычайна ён падаецца як выяўленне семантыкі зыходных апелятываў, што сталі матывавальнай асновай тапонімаў. Напрыклад, прыметай, якая матывуе імя беларус. возера *Падкова*, з'яўляецца форма вадаёма, а амер. *Ashes Lake* матывавана шматлікімі ясенямі, якія растуць уздоўж аб'екта.

Семантыка тапаніміі, такім чынам, прыраўноўваецца да семантыкі тапаасноў, супадае з ёй, а адзінкавыя прыметы-матыватары аказваюцца, бадай, адзіным відам зместавай інфармацыі, якая фіксуецца ў імені. Пры гэтым у оніме застаецца адлюстраванай толькі адна, то бок выпадковая, рыса з патэнцыйнага мноства асаблівасцей аб'екта.

Роля, якую адыгрываюць у такім даследаванні фарманты, – фармальна-граматычная: яны пераводзяць матывавальны апелятыў ва ўласнае імя з улікам граматычнага ладу мовы. Вынікам таго, што прымета для тапоніма

функцыянальна больш важная, становіцца ўніфікацыя зместу фармантаў. Так, суфіксальны фармант *-ка* фіксуецца ў назвах азёр, балот, лясоў, населеных пунктаў і г.д.: бел. возера *Глыбачка*, балота *Палонка*, бярэзнік *Бырэзынка*, вёска *Ражоўка* і г.д. Тым не менш гэта не азначае, што пры даследаванні семантыкі імені трэба разглядаць тапааснову адасоблена ад тапафарманта.

Граматычная складнасць тапоніма пры традыцыйным структурным аналізе вызначаецца тыпамі сувязі слоў у межах словазлучэнняў і характарам словаўтваральных фармантаў аднаслоўных тапонімаў.

У большасці неаднаслоўных імёнаў у беларускай мове адзначаецца да васьмі структурных тыпаў: атрыбутыўны (рака *Заходняя Бярэзіна*, возера *Ямнае*, балота *Клініцкае*), намінатыўны (рака *канал Забава*, возера *Заліў Старык*, балота *Мох Вярховіна*) і нумератыўны (рака *Бобрык 1-ы*, возера *Паскрынне 1-е*, балота *Чамярыца-1*), двайны (рака *Усвіж-Бук*, балота *Белае-Пагарэлец*), змешаны (балота *Іна-Вішанскае*), генітыўны (балота *Скачальскага возера масіў*), тып злучальных спалучэнняў (балота *Возера і Чэрніна*), прыназоўнікавы (балота *За агародам*). Пры гэтым у спалучэннях у адпаведнасці з ладам мовы адзначаюцца такія віды падпарадкавальнай сувязі, як дапасаванне і кіраванне, і больш тыповыя для мікратапаніміі злучальныя тыпы. Амерыканскія імёны вельмі абмежаваны асаблівасцямі мовы. Яны прадстаўлены двума тыпамі – атрыбутыўным (*Arnold Creek*) і атрыбутыўна-прыназоўнікавым (*Marshes of Glynn*) – і адным відам сувязі (прымыканне).

Акрамя таго што гэтыя тыпы класіфікуюць матэрыял у адпаведнасці з унутрылінгвістычнымі паказчыкамі, але не тлумачаць, як працуе сістэма імёнаў, яны тычацца толькі састаўных адзінак, пакідаючы простыя імёны ў межах словаўтварэння. Аб змястоўных сувязях у межах як простых, так і састаўных імёнаў гаворка не ідзе.

Сэнс цэласнай намінатыўнай адзінкі, якой з'яўляюцца не толькі апелятыў, але таксама онім, не зводзіцца да простага сумы зыходных слоў ці марфем, але ўключае ў сябе і паняцце *адносін*. На важнасць уліку апошняга спасылся Ч. С. Пірс: «Існуе пункт гледжання, паводле якога ўвесь універсум феноменаў складаецца выключна з успрынятых якасцей. <Гэта значыць, што> мы ідзем за кожнай часткай цэлага, як яна з'яўляецца ў сабе, у сваёй такавасці, абдзяліўшы ўвагай тое, што звязвае часткі адну з адной» [2, с. 23]. Выкарыстанне паняцця *адносін* пры разглядзе складовых частак імені ўласнага аб'ядноўвае катэгорыі *прыметы* і *аб'екта* ў адзіны функцыянальны комплекс. Па словах Б. М. Велічкоўскага, «з такіх адносін двух паняццяў узнікае новае паняцце (новы вобраз). Аперцэптыўныя адносінны, якія абапіраюцца на вопыт, які ўжо назапашаны, нязводныя да асацыятыўных, выпадковых сувязей. Напрамак руху ў гэтых структурных утварэннях задаецца інтарэсамі суб'екта, а не механічнымі асацыяцыямі» [3, с. 44]. Часткі комплексу могуць знаходзіцца паміж сабой у розных адносінах, колькасць якіх павінна адпавядаць колькасці магчымых спосабаў прадстаўлення катэгорыі адзінкавага ў тапаніміі. Паслядоўнасць сувязі частак спазнанага вопыту таксама мае сваю логіку. Яе вельмі выразна

адлюстроўвае рытарычнае пытанне Л. С. Выгоцкага: «Калі я запамінаю што-небудзь, усталёўваю новы маўленчы рэфлекс, хіба абьякава, што я буду ў гэты час думаць, – проста буду сам сабе паўтараць зададзенае слова ці буду ўсталёўваць лагічную сувязь паміж гэтым словам і іншым?» [4, с. 92]. Суаднясенне гэтых спосабаў прадстаўлення адзінкавага з лінгвістычнымі характарыстыкамі канкрэтных відаў аб'ектаў узбройвае даследчыкаў інструментам для вызначэння ступені значнасці аб'ектаў для чалавека, а таксама дазваляе ўбачыць механізм назапашвання і захавання ў імёнах катэгарызаванага вопыту ўзаемадзеяння чалавека з аб'ектамі свету.

Прапанова аб размежаванні фармальнага элементаў і функцыянальных адзінак дзейнасці была ўпершыню ўнесена Л. С. Выгоцкім. З яго пункту гледжання, з прычыны прымянення аналізу па элементах «атрымліваюцца прадукты, чужародныя ў адносінах да аналізаванага цэлага, – элементы, якія не ўтрымліваюць у сабе асаблівасцей, характэрных цэламу як такому, і валодаюць шэрагам новых уласцівасцей, якіх гэта цэлае ніколі не магло выявіць» [5, с. 8]. У той жа час спосаб аналізу, які бярэ за аснову цэласныя адзінкі камунікацыі і шукае натуральныя тлумачэнні іх формы, спрыяе не толькі захаванню ўсіх асноўных уласцівасцей цэлага, але таксама і раскрыццю характарыстываючых дзейнасць адносін [6, с. 17]. Аўтар дадзенага артыкула дастасаваў тэорыю да тапаніміі: спосаб пераўтварэння звыклага для лінгвіста спосаба аналітычнага раздзялення знака на элементы замяняецца яго паслядоўным ускладненнем у маўленчай дзейнасці новымі сэнсамі, кожны з якіх дае цэласныя адзінкі.

Гэтыя адзінкі можна заўважыць, калі суаднесці форму імёнаў з іх функцыянальным прызначэннем (арыентацыйная функцыя тапоніма). Прычым асаблівасці фармальнага боку онімаў, відаць па ўсім, абумоўлены зменамі, якія адбываюцца ў свядомасці чалавека пры яго знаёмстве з рэаліямі свету, бо «розныя значэнні абазначаюцца адной формай не выпадкова, а дзякуючы інтуітыўна відавочным семантычным адносінам» [7, с. 170]:

1. Адзінкі кшталту назваў балот: амер. *Flynns Lake* 'возера Флінса', беларус. *Белы Брод* могуць быць узорамі для намінацыі уласным іменем адпаведна возера і броду: словы англ. *lake*, беларус. *брод* не маюць «балотнай семантыкі». Пры выкарыстанні гэтых імёнаў сярод уласных назваў балот семантыка геаграфічнага тэрміна не суадносіцца з характарам аб'екта, і онім становіцца тапанімным «фразеалагізмам» [8, с. 93]. Відавочна, што забалочаны аб'ект не ўспрымаецца ў поўнай меры ў якасці своеасаблівага арыенціру: ён толькі дубліруе ў тапоніме назву іншага аб'екта. Імя, такім чынам, арыентуе праз спасылку на іншы аб'ект, г.зн. не здольна зрабіць гэтага самастойна. Падкрэслім, што ў групу могуць трапіць адзінкі астатніх трох груп пасля страты суаднесенасці геаграфічнага апелятыва з рэальным статусам аб'екта: балоты беларус. *Гай, Грамучы Ручай, Тоўнінскі Луг 1*; амер. *the Heath* 'пустка, парослая верасам', *Allen Bay* 'заліў Алена', *Big Duck Roost* 'вялікія качыныя курасадні'. Як відаць з прыкладаў, «жывых» адносін паміж словамі беларус. *гай, ручай, луг*, амер. *heath, bay, roost* і аб'ектам (балота) не захавалася.

2. Адзінкі, у якіх індывідуальнасць аб'ектаў ніяк не адлюстравана моўнымі сродкамі, хаця аднесенасць да адпаведнага віду аб'ектаў прысутнічае: амер. *the Bog* 'балота', *the Marsh* 'балота', беларус. *Балота, Мох* і падобныя да іх назвы. Зыходзячы з традыцыйнага разумення намінацыі адзінкавых аб'ектаў, тапонім павінен іх індывідуалізаваць, але гэтага не адбываецца. У прыкладах адзінкі падсістэмы ўласных назваў балот структура роўныя апелятывам са значэннем 'балота' англ. *a marsh, a bog* беларус. *балота, мох*. Азначальны артыкль сведчыць пра знаёмства суб'екта з аб'ектам, але ён здольны з'яўляцца ў прэпазіцыі да назоўніка не толькі ў межах патрэбнай падсістэмы, але таксама ў кантэксте выказвання. Г. зн. дэтэрмінатыў не з'яўляецца сродкам пераўтварэння апелятыва ў онім. Адзінкі першых дзвюх груп часцей за ўсё сустракаюцца ў мікратапонімах, якія ўжываюцца ў вузкім кантэксте і вядомыя мясцоваму насельніцтву.

3. Адзінкі, у якіх сустракаецца непасрэднае (англійская мова) або апасродкаванае (славянскія мовы) указанне на характар аб'екта моўнай намінацыі. У гэтай групе імёнаў прыналежнасць да пэўнай падсістэмы тапонімаў абазначана аналітычнымі сродкамі, за кошт слоў: амер. *Big Lagoon Marsh* 'балота Вялікай Лагуны', *Fox Marsh* 'лісінае балота', беларус. *Вімгештэйнаўскае балота* і інш. – ці пры дапамозе неадназначных славянскіх фармантаў: беларус. *Беліца, Бярозавік* і інш. Факт з'яўлення новай марфемы ці слова (ва ўсіх выпадках – субстантыва) пры стварэнні тапоніма сведчыць аб увазе суб'екта да аб'екта як часткі рэальнасці і арыенціра. Такія тапонімы складаюць большасць, з'яўляюцца найбольш тыповымі, бо паказваюць як на аб'ект, так і на яго прымету. Гэта самая прадуктыўная група ўласных імёнаў, яе «сярэдні клас». Дадзеная група, дарэчы, вызначае дамінуючы погляд на онімы як адзінкі, сутнасць якіх вызначаецца праз матывававальную аснову, спасылку на ўласцівасць ці з'явы, якія характарызуюць аб'ект.

4. Адзінкі, у якіх назвы двух і больш прылеглых адзін да аднаго аб'ектаў маюць агульную частку, роўную адзінкам двух вышэйапісаных груп (2 і 3), і адрозніваюцца толькі словам-дыферэнцыятарам. Удакладненне інфармацыі здольна адбывацца выключна ў межах адной падсістэмы ў выпадках, калі структура назваў аб'ектаў супадае: амер. *Salt Marsh* 'салёнае балота' > *Big Salt Marsh* 'вялікае салёнае балота', *Spruce Bog* 'яловае балота' > *Black Spruce Bog* 'вялікае яловае балота' і інш., беларус. *Куп'е* > *Вялікае Куп'е, Інуць* > *Чырвон Інуць* і інш. Часцей за ўсё такія адзінкі намініруюць аб'екты, якія падзяліліся на два (напрыклад, балоты), з'яўляюцца часткамі аднаго аб'екта (рэкі і іх прытокі).

Кожная з апісаных груп – своеасаблівая зафіксаваная мовай схема чалавечага ўспрымання адзіночнага аб'екта. Акрамя таго, адзначаецца апора кожнага наступнага этапа індывідуалізацыі на вынік, атрыманы на этапе папярэднім, што ўзгадняецца з вопытам псіхалагаў: «Усведамленне сваіх перажыванняў і азначае не што іншае, як наяўнасць іх у якасці аб'екта (раздражняльніка) для іншых перажыванняў» [4, с. 88–89].

Калі зараз рэфлексійна азірнуцца на знойдзеныя этапы (схемы) ўспрымання адзінкавых аб'ектаў, можна выявіць, што ступень праяўлення іх

«індывідуальнасці» павялічваецца паслядоўна, заўважаецца: а) іншы аб'ект; б) аб'ект у сукупнасці нераззеленых і не выяўленых у знаку асобных прымет; в) праяўленне індывідуальных прымет; г) удакладненне прыметы. Гэта, увогуле, адпавядае мэце суб'екта – вылучэнню аб'екта сярод шэрагу падобных сабе. У аснове такога прынцыпу працы з імёнамі – «проціпастаўленне асэнсаванага, замкнёнага, мэтанакіраванага працэсу выпадковай камбінацыі асобных элементаў-рэакцый» [9, с. 246].

Натуральна, толькі малая колькасць звестак пра аб'ект змяшчаецца ў самім тапанімі, але яе аказваецца дастаткова для зносін суб'ектаў камунікацыі: «... унутраная форма <зафіксаваная марфемнай структурай> шмат у чым арганізуе семантыку імені, у прыватнасці дазваляе носьбіту мовы інтуітыўна адчуваць граматычную катэгорыю прапрыяльнасці» [10, с. 186].

У сваёй абсалютнай большасці тэорыі намінацыі адзінкавых геаграфічных аб'ектаў прадстаўляюць аналіз імёнаў па элементах, якія адлюстраваны ў слове і з'яўляюцца вынікам дзеянняў розных аналізатараў чалавека. Як вынік – падрабязны аналіз структуры оніма і семантыкі яго асновы, але адсутнасць указанняў на тое, якім чынам успрымаецца і перадаецца неабходны мінімум інфармацыі аб аб'екце паміж людзьмі.

Пытанне пра сувязь адзінкавых імёнаў геаграфічных аб'ектаў у межах адзінай сістэмы таксама застаецца нявырашаным пры традыцыйным аналізе элементаў тапоніма. Па словах Л. М. Дзмітрыевай, «пачаткам, які аб'ядноўвае, ... з'яўляецца ментальны кампанент» [11, с. 15], аднак, як сведчаць псіхалінгвісты, «... пры апісанні з пазіцыі назіральніка-даследчыка апошні пазбаўлены магчымасці ўводзіць ідэальныя ўтварэнні ў схему аналізу... Любая спроба прыпісаць моўным знакам канкрэтныя сэнсы – гэта пераход на пазіцыі суб'екта маўленчага ўздзеяння» [12, с. 152–153], г.зн. не назіральніка, а дзеяча.

Пры ўсёй спрэчнасці трактоўкі аспектаў суб'ектава-аб'ектных адносін у тапаніміі нельга не пагадзіцца з меркаваннем К. Бюлера пра тое, што «вырашальныя апошнія канстанты ў мысленні – гэта зусім не пачуццёвыя прадстаўленні, якія адно за адным разгортваюцца ў нас, а разумовыя аперацыі над матэрыялам вобразаў прадстаўленняў, які змяняецца» [3, с. 49]. Відавочна таксама і тое, што выпрацоўка схем успрымання – гэта не хуткае аднамомантавае знаходжанне структур вопыту (У. Найсэр, Ж. Піжэ, А. Р. Лурья і інш.). Яна, «у адпаведнасці з дадзенымі псіхагенэза, ... можа толькі грунтавацца на «канструктывізме» г.зн. на працяглай выпрацоўцы новых аперацый і структур» [13, с. 90], змешчаных у розны кантэкст.

Традыцыйна онімы лічацца другаснымі лексічнымі адзінкамі, хоць у шэрагу работ гаварылася пра тое, што лагічнай было б разглядаць іх як першасныя з прычыны таго, што для імёнаў абагульненне недаступна, а значыць, гэта адзінкі першага, дапаняцыйнага пласта [14, с. 18]. На нашу думку, другаснасць імёнаў у плане выражэння, якая з самага нараджэння анамастыкі адзначаецца навукоўцамі ў сувязі з апорай пры іх стварэнні на апелятывы, у значнай меры адрозніваецца ад іх другаснасці ў плане зместу. Шлях ад канкрэтнага да абстрактнага пры стварэнні слоў, вядома, ніхто не

адмяняе. Аднак мы не можам казаць аб тым, што кожнае новае слова (у т.л. тапонім) нараджаецца ў той жа працяглай дзейнасці, што шмат гадоў таму назад. Пры наяўнасці ў арсенале чалавека вопыту многіх пакаленняў намінараў было б вельмі непрадуктыўна кожны раз нанова шукаць структуру для новага вопыту, таму што, як адзначае Ж. Піяжэ, «веданне – гэта не вынік чыстага ўспрымання, бо ўспрыманне заўсёды накіроўваецца і абмяжоўваецца схемамі дзеяння. Пазнанне пачынаецца з дзеяння, а ўсякае дзеянне паўтараецца або абагульняецца (генералізуецца) праз прымяненне да новых аб’ектаў, спараджаючы тым самым некаторую “схему”, г.зн. свайго роду праксічны канцэпт» [13, с. 91].

Блізкую пазіцыю па гэтаму пытанню займае Л. С. Выгоцкі, заўважаючы, што чалавек працуе па схеме «неўсвядомленае дзеянне – усведамленне – усвядомленае дзеянне»: «Усякі рух першы раз павінны ажыццявіцца несвядома. Затым яго кінэстэзія (г.зн. другасная рэакцыя) робіцца асновай яго свядомасці» [4, с. 95]. З гэтай цытаты можна зрабіць яшчэ адну выснову: толькі першы намінатыўны акт з’яўляецца «выпадковай» асацыяцыяй. Далей ён становіцца залежным не толькі ад навакольных умоў, але таксама ад прынятага напрамку дзейнасці і – галоўнае – ад схем (аспектаў) дзеянняў, прадстаўленых у свядомасці.

Узоры ўспрымання, якія захоўваюцца ў памяці, выкарыстоўваюцца ў далейшых актах пазнання рэчаіснасці як для параўнання пэўнага аб’екта з адпаведнасцю адной са схем, так і для стварэння ў адпаведнасці з гатовым узорам новых формаў імёнаў: «Для інтэлектуальнай рэакцыі характэрна менавіта тое, што яна ўзнікае не з асобных частак суматыўным шляхам, а адразу як цэлае, якое вызначае ўласцівасці і функцыянальнае значэнне сваіх асобных частак» [15, с. 224].

Прызнаючы прадметны характар уласных імёнаў, Ю. М. Лотман, тым не менш, адзначаў разрозненасць іх рэфэрэнтаў, бессістэмную раскіданасць прымет па тэрыторыі і па гэтай прычыне адмаўляў ім у семіятычнасці: прастора онімаў уяўлялася яму «не ў выглядзе кантынууму прымет, а як сукупнасць асобных аб’ектаў, якія носяць уласныя імёны. У прамежках паміж імі прастора як бы перарываецца, не маючы ... такой, з нашага пункту гледжання, асноватворнай прыметы, як бесперапыннасць» [16, с. 63].

Аднак, як відаць са сказанага ў артыкуле, бесперапыннасць у адносінах да геаграфічных аб’ектаў існуе ў свядомасці суб’екта, які валодае патэнцыйна чатырма рознымі спосабамі рэалізацыі ідэі прапрыяльнасці. Прычым суб’ектыўнасць чалавечых уяўленняў аб аб’екце, якія змястоўна багатыя, але разглядаюцца навукоўцамі, як правіла, праз пакампанентны аналіз знакаў, замяняецца суб’ектава-аб’ектнай узаемазалежнасцю двух значных частак оніма, якія маюць выразныя фармальна-зместавыя адпаведнасці.

Такім чынам, змястоўная складнасць тапазнака і тапанімнай сістэмы не супадае з граматычнай структурай. Апошняя абумоўлена асаблівасцямі моўнай сістэмы (сінтэтычная / аналітычная мова), першая залежыць ад тапанімнага кантэксту, суаднесенасці імені з функцыяй, якую яно выконвае на мясцовасці, а таксама з асаблівасцямі дэнататаў. Паступовае пашырэнне

ідзі аб аб'екце ў тапоніме за кошт унясення значных адзінак сэнсу ў межы знака вядзе да выяўлення новых разуменняў аб'екта, захоўваючы пры гэтым усе старыя «напрацоўкі». Інварыянтныя схемы гэтай узаемазалежнасці напаяўняюцца жывым матэрыялам «на месцы», ва ўмовах канкрэтнай тапасістэмы, этнічнай і моўнай гісторыі, канкрэтных моў соцыума.

КРЫНІЦЫ

Торфяной фонд Белорусской ССР : кадастровый справочник : по состоянию разведанности на 1 января 1978 г. / Управление государственного торфяного фонда «Госторффонд» при Госплане БССР. – Минск, 1979 (по каждой из областей).

Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1983.

USGS GNIS [Electronic resource] : Geographic National Information System. – Mode of access: <http://geonames.usgs.gov/pls/gnis>. – Date of access: 24.05.2018.

ЛІТАРАТУРА

1. *Кривченко, Е. Л.* Очерки по ономазиологии / Е. Л. Кривченко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 132 с.
2. *Пирс, Ч. С.* Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс. – СПб. : Лаб. метафиз. исслед. философ. ф-та СПбГУ ; Алетейя, 2000. – 352 с.
3. *Величковский, Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1 / Б. М. Величковский. – М. : Академия, 2006. – 448 с.
4. *Выготский, Л. С.* Сознание как проблема психологии поведения / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т.1. – 1982. – С. 78–98.
5. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 570 с.
6. *Леонтьев, А. Н.* Общее понятие о деятельности / А. Н. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – М. : Наука, 1974. – С. 5–21.
7. *Лангаккер, Р. У.* Модель, основанная на языковом употреблении / Р. У. Лангаккер // Вестн. МГУ. – 1997. – № 4. – С. 160–174.
8. *Голев, Н. Д.* Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами / Н. Д. Голев // Вопросы ономастики. – 1974. – № 8–9. – С. 88–97.
9. *Выготский, Л. С.* Проблема развития в структурной психологии / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т.1. – 1982. – С. 238–290.
10. *Горяев, С. О.* Ономазиологическая мотивированность и значение имени собственного / С. О. Горяев // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; редкол. : М. Э. Рут, Л. А. Феок-тистова. – Екатеринбург, 2005. – С. 287–288.

11. *Дмитриева, Л. М.* Русская топонимическая система: онтологическое и ментальное бытие / Л. М. Дмитриева // Извест. Уральского гос. ун-та. – 2001. – № 20. – С. 13–18.
12. *Тарасов, Е. Ф.* Тенденции развития психолингвистики / Е. Ф. Тарасов. – М. : Наука, 1987. – 168 с.
13. *Пиаже, Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение / Ж. Пиаже // Семиотика [сб. ст., пер.] / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 90–101.
14. *Лыков, А. Г.* Русское личное имя собственное / А. Г. Лыков, Т. А. Чабанец // Филологические науки. – 1999. – № 1. – С. 13–21.
15. *Выготский, Л. С.* Предисловие к русскому изданию книги В. Келера «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян» / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т. 1. – 1982. – С. 210–237.
16. *Лотман, Ю. М.* Мир – имя – культура / Ю. М. Лотман // Избр. ст. : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992–1993. – Т. 1. – 1992. – С. 58–75.

The article singles out the differences of formal and functional approaches to the grammar of geographic names. In contrast to historic, structural, ethnic approaches, the author refers to denotative properties of place names and *relations* which unite categories 'object' and 'attribute' within it. Secondaryness of the signified side of names lies in its potential usability as an assessment scheme for future naming.

Поступила в редакцию 27.07.18

Л. У. Кулік

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ КАНЦЭПТУ «СТРАХ, СПАЛОХ» У БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ САМАТЫЧНАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

В статье проводится сопоставительное исследование фразеологической репрезентации носителями белорусского и английского языков концепту «страх, испуг» – одного из базовых понятий, проявляющихся у представителей самых разных культур. Устанавливается, что во фразеологических единицах двух языков репрезентируется физиологическое проявление страха, которое широко описано в специальной литературе и подтверждается сущностью понятия «страх» как термина психиатрии. Делается вывод, что соматическая реакция организма на страх является универсальной для представителей двух лингвокультур, а репрезентация нахождения личности в состоянии страха иллюстрирует различные и даже контрастные проявления эмоций.

У лінгвістычных працах апошніх гадоў цэнтрам увагі даследчыкаў з'яўляецца моўная карціна свету, пад якой разумеецца закадзіраванае ў адзінках мовы і характэрнае пэўнаму этнасу як яе носьбіту ўнікальнае ўспрыманне рэальнасці і сімвалічнага сусвету. Менавіта нацыянальна-культурная карціна свету ўвасабляе «кагнітыўна-псіхалагічную рэальнасць, якая выяўляецца ў разумовай, пазнавальнай дзейнасці народа, у яго паводзінах – фізічных і вербальных» [1, с. 5].

На сучасным этапе развіцця лінгвістыкі рэканструкцыя моўнай карціны свету вядзецца ў двух кірунках. У адпаведнасці з першым, узнаўленне сістэмы ўяўленняў носьбітаў моў адбываецца безадносна да таго, з'яўляецца яна ўнікальнай для дадзенай мовы ці глабальнай. Асобныя, уласцівыя толькі пэўнай мове канцэпты з'яўляюцца аб'ектам даследавання другога кірунку.

Паняцце «канцэпт» характарызуецца неадназначнасцю. Так, З. Д. Папова і І. А. Сцярнін пад канцэптам разумеюць «прыналежнасць усведамлення чалавека, глабальную адзінку разумовай дзейнасці, квант структурных ведаў» [2, с. 7].

Шматбакова пададзена паняцце «канцэпт» у слоўніку Ю. С. Сцяпанавы «Константы: Словарь русской культуры»: «Канцэпт – гэта згустак культуры ў свядомасці чалавека; гэта тое, у выглядзе чаго культура ўваходзіць у ментальны свет чалавека. І, з другога боку, канцэпт – гэта тое, пры дапамозе чаго чалавек – радавы, звычайны чалавек, не “тварэц культурных каштоўнасцей” – сам уваходзіць у культуру, а ў некаторых выпадках і ўплывае на яе» [3, с. 43].

Як «нейкае ўяўленне пра фрагмент свету ці частку такога фрагмента, які мае складаную структуру, выражаную рознымі групамі прыкмет, што рэалізуюцца разнастайнымі моўнымі спосабамі і сродкамі» разумеюць канцэпт М. У. Піменава і В. М. Кандрацьева [4, с. 113].

Канцэпт як ментальная адзінка рэпрэзентуецца ў мове «пры дапамозе марфем, слоў, словаформаў, фразеалагічных спалучэнняў, свабодных слова-спалучэнняў, граматычных катэгорый, структурных і пазіцыйных схем сказаў, што нясуць тыповыя прапазіцыі (сіntaxічныя канцэпты), і нават тэкстаў і сукупнасці тэкстаў (пры неабходнасці эксплікацыі ці абмеркаванні зместу складаных, абстрактных, індывідуальна-аўтарскіх канцэптаў)» [4, с. 65].

Нацыянальна-культурнае светаўспрыманне пэўнага народа ўвасоблена менавіта ў фразеалагічных спалучэннях, альбо фразеалагічных адзінках (далей – ФА). Акрамя таго, фразеалагізмы, «адлюстроўваючы ў сваёй семантыцы доўгі працэс развіцця культуры народа, фіксуюць і перадаюць ад пакалення да пакалення культурныя ўстаноўкі і стэрэатыпы, эталоны і архетыпы» [5, с. 18]. Такая акумулятыўная здольнасць ФА выводзіць іх за межы фразеалогіі і надзяляе функцыямі знакаў культуры, а наяўнасць культурнай семантыкі ў ФА прадвызначае іх існаванне ў мове, бо ФА «ўзнаўляюцца носьбітамі не толькі ў прамой, моўнай функцыі – намінацыйнай, але і ў функцыі культурнай» [6, с. 92].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца супастаўляльнае даследаванне фразеалагічнай рэпрэзентацыі носьбітамі беларускай і англійскай моў канцэпту «страх, спалох» – аднаго з базавых паняццяў, якія праяўляюцца ў прадстаўнікоў самых розных культур.

З даўніх часоў чалавек спазнаваў сусвет па сродках свайго цела. Менавіта яно і асабліва яго часткі з'яўляліся і з'яўляюцца па сённяшні дзень эталонамі пры ўстанаўленні пэўнай адлегласці, вагі, даўжыні, меры і інш. Зварот да самога сябе прасочваецца не толькі ва ўспрыманні свайго цела

з фізіялагічнага пункту погляду, але і ў паводзінах людзей, іх уяўленнях пра свет, маральных пачуццях, духоўнасці. Да таго ж «важную ролю ў фарміраванні стэрэатыпаў і эталонаў адыгрывае частотнасць сутыкненняў асобных аб'ектаў, з'яў у жыцці людзей, якая выражаецца ў больш працяглых чалавечых кантактах менавіта з дадзеным аб'ектам у параўнанні з іншымі, што і прыводзіць да стэрэатыпізацыі гэтых аб'ектаў» [7, с. 54]. Менавіта таму выкарыстанне саматычных лексем у якасці кампанентаў ФА характарызуецца высокай частотнасцю і складае амаль трэцюю частку ад агульнай колькасці ФА як у беларускай мове, так і ў англійскай. Большасць саматычных ФА абедзвюх моў з'яўляецца антрапацэнтрычнымі. Яны называюць, выяўляюць і характарызуюць фізічны і псіхічны стан чалавека, яго паводзіны, эмацыянальны стан, асаблівасці аблічча і г.д.

Назіранні за ФА, якія выражаюць канцэпт «страх, спалох», паказалі, што ў іх склад уваходзяць разнастайныя кампаненты-саматызмы: бел. *валасы / волас, вочы, душа, жылы, зубы, калені / каленкі, кроў, лоб, лыткі, паджылькі, паднябенне, пятка, скура, спіна, сэрца, цела, хвост, язык* і англ. *blood* 'кроў', *eye* 'вока', *feet* 'ступня', *hair* 'волас / валасы', *heart* 'сэрца', *knee* 'калена', *leg* 'нага', *mouth* 'рот', *skin* 'скура', *tail* 'хвост', *tongue* 'язык'. Як відаць, ахоп у якасці фарміравання фразеалагічнага вобраза найменняў частак цела чалавека ў беларускіх ФА з'яўляецца больш раўнамерным у параўнанні з кампанентамі-саматызмамі англійскіх ФА.

Аналіз ФА паказаў, што ў большасці з іх ілюструецца рэакцыя арганізма на пэўнае страшнае здарэнне. Так, ФА *валасы / волас становяцца / падымаюцца / устаюць дыбам / дыба / дуба / дубка; вочы на лоб лезуць; калені / каленкі / лыткі дрыжаць / трасуцца; язык адняўся; get cold feet* (дасл. – атрымаць халодныя ступні); *one's knees knock* (дасл. – чые-н. калені стукаюцца); *his / her, etc. tongue failed him / her, etc.* (дасл. – яго / яе і г.д. язык падвёў яго / яе і г.д.) і інш. рэпрэзентуюць фізіялагічнае праяўленне страху, якое шырока апісана ў спецыяльнай літаратуры і пацвярджаюць сутнасць паняцця «страх» як тэрміна псіхіятрыі: «страх у псіхіятрыі – беспрадметная, адмоўна афарбаваная эмоцыя ў хворага, якая суправаджаецца напружанасцю, пачуццём непасрэднай небяспекі для жыцця і разнастайнымі вегетатыўнымі парушэннямі» [8, с. 1175].

Стан страху можа праяўляцца ў рознай ступені інтэнсіўнасці і вар'іравацца ад спалоху да жаху. Параўн.: бел. *калені / каленкі / лыткі дрыжаць / трасуцца* і англ. *one's knees knock* (дасл. – чые-н. калені стукаюцца) 'хто-н. вельмі спалохаўся'; бел. *кроў ледзянее* і англ. *one's blood freezes / runs cold* (дасл. – чыя-н. кроў замярзае / стыне ў жылах) 'хто-н. адчувае моцны страх, жах'; бел. *ледзяніць кроў* і англ. *chill smb.'s blood* (дасл. – ледзяніць / астуджаць кроў) 'выклікаць у каго-н. жах, здранцвенне'¹.

Пэўныя беларускія і англійскія ФА выяўляюць тоесную альбо падобную семантыку, унутраную форму, структурна-граматычную арганізаванасць,

¹ Дэфініцыі фразеалагізмаў пададзены паводле слоўнікаў, у якіх яны зафіксаваны.

кампанентны склад і функцыянальна-стылістычную, суб'ектыўна-ацэначную і экспрэсіўна-эмацыянальную характарыстыкі. Напрыклад, бел. *калені / каленкі / лыткі дрыжаць / трасуцца* і англ. *one's knees knock* 'хто-н. вельмі спалохаўся'; бел. *кроў у жылах стыне / застыла* і англ. *one's blood freezes / runs cold* 'хто-н. адчувае моцны страх, жах'; бел. *сэрца абрываецца / ападае* і англ. *one's heart sinks* 'хто-н. адчувае моцны страх, трывогу, раптоўна адчайваецца'; бел. *валасы / волас становяцца / падымаюцца / устаюць дыбам / дыба / дуба / дубка* і англ. *one's hair stands on end* (дасл. – валасы становяцца дыбам) 'хто-н. адчувае моцны страх, жах' і інш.

У дзвюх мовах выдзяляюцца ФА, у якіх стан чалавека ў моманты адчування страху суправаджаецца крытычнай рэакцыяй арганізма, якая б у паўсядзённым жыцці магла прывесці да смерці. Да гэтай групы адносяцца ФА, якія ілюструюць уяўленні носьбітаў мовы пра асаблівасці работы сэрца ў момант перажывання страху: бел. *сэрца абрываецца / ападае* 'хто-н. адчувае моцны страх, трывогу, раптоўна адчайваецца'; *сэрца ледзянее* 'хто-н. адчувае моцны страх, жах' і англ. *one's heart misses a beat* (дасл. – сэрца прапускае ўдар) 'хто-н. вельмі спалохаўся'; *one's heart stands still* (дасл. – сэрца замірае) 'хто-н. вельмі спалохаўся'.

Асобныя ФА беларускай мовы маюць агульны план зместу з англійскімі ФА, але адрозніваюцца ў плане выражэння кампанентамі, замена якіх адзін другім не лічыцца нормай для носьбітаў беларускай мовы. Напрыклад, ФА *душа ў пятках* 'хто-н. вельмі спалохаўся' мае аналаг у англійскай мове *have one's heart in one's mouth / boots* (дасл. – мець сэрца ў роце / ботах) 'спужацца, напалохацца'. Падабенства ўнутранай формы дзвюх ФА выяўляецца ў тым, што эмацыянальнай рэакцыяй душы і сэрца з'яўляецца змена іх лакалізацыі. Першае адрозненне датычыць розных СК: *душа* і *heart* 'сэрца'. Другая адметнасць заключаецца ў разуменні прадстаўнікамі розных нацый знаходжання сэрца / душы ў момант адчування моцнага страху. Для беларусаў крайнім (крытычным, гранічным) месцам перамяшчэння душы з'яўляецца пята, для англічан – рот ці боты. Відавочна, што пяткі, з аднаго боку, – месца, адкуль найцяжэй будзе дастаць душу, самае патаемнае месца ў целе чалавека, якое, да таго ж, з'яўляецца сімвалічнай зброяй, з дапамогай якой знішчаецца нячыстая сіла [9, с. 8]. Праз пятку чалавеку «перадаецца сіла глебы» [10, с. 179], нават зыходзячы з міфалагічных уяўленняў славян аб пяце як «аб ніжняй граніцы цела чалавека», менавіта яна ўтварае своеасаблівы клапан, які «не выпускаць перапалоханую душу з цела» [9, с. 8]. З другога боку, стан чалавека, у якога душа ў пятках, «з'яўляецца бліжэй смерці, бо пяткі – найбольш аддаленае ад грудзей (цэнтра чалавечага цела) месца» [11, с. 198]. У англійскай ФА *mouth* 'рот' ці *boots* 'боты' – гэта тыя месцы, праз якія лягчэй за ўсё пазбавіцца сэрца (рот адкрываецца, боты лёгка здымаюцца; параўн. з рускай прымаўкай *душа бы выскочила, если бы не зубы*) [12, с. 214].

Беларуская ФА *вочы на лоб лезуць* (лезлі, палезуць, вылазяць, вылазілі) 'хто-н. выказвае вялікае здзіўленне, моцны спалох, страх' (2-е значэнне)

і англійская ФА *eyes on stalks* (дасл. – вочы на сцёблах) ‘вочы поўныя страху, здзіўлення, цікаўнасці’ адлюстроўвае стан органаў зроку. Пералічаныя ФА па-рознаму вербалізуюць протасітуацыю, пакладзеную ў іх вобразную аснову: беларуская ФА ўспрымаецца літаральна – унутраны стан чалавека апісваецца праз яго знешні выгляд, выкліканы пачуццём страху; у аснове англійскай ФА знаходзіцца нерэальны вобраз, заснаваны на прыпадабненні вачэй да лісця расліны, пялёсткаў альбо кветак, апорнай базай для якіх з’яўляюцца сцёблы. У той жа час у англійскай мове існуе ФА *one’s eyes stand out of one’s head* (дасл. – вочы па-за галавой) ‘вочы палезлі на лоб (ад болю, здзіўлення і да т.п.)’, значэнне якой, аднак, канкрэтна не характарызуе знаходжаньня чалавека ў стане страху.

Рэакцыя на страх можа пазбавіць чалавека голасу, альбо паўплываць на выразнасць маўлення. Такая, рэлевантная для беларускай і англійскай лінгвакультур, рэакцыя рэпрэзентуецца ў ФА *язык адняўся* ‘хто-н. раптоўна змоўк, страціў здольнасць гаварыць (ад страху, здзіўлення і пад.)’; *язык прысох / прыліп* <да зубоў, да паднябення> ‘хто-н. раптоўна страціў здольнасць гаварыць (ад страху, здзіўлення і пад.)’; *his / her, etc. tongue failed him / her, etc.* (дасл. – язык падвёў яго / яе і г.д.) і *one’s tongue cleaved / glued itself to the roof of one’s mouth* (дасл. – чый-н. язык прыліп да паднябення) ‘хто-н. раптоўна страціў здольнасць гаварыць (ад страху, здзіўлення і пад.)’.

У бел. ФА *падтульваць / падціскаць хвост / хвасты* ‘спалохаўшыся чаго-н., станавіцца больш асцярожным, трапіць самаўпэўненасць’ і англ. ФА *get / have one’s tail down* (дасл. – апусціць хвост) ‘згубіць мужнасць; спалохацца’; *with one’s tail between one’s legs* (дасл. – з хвостом між ног) ‘прыніжана; спужаўшыся’ знаходзіць праяўленне асэнсаванне чалавека ў катэгорыях жывёльнага свету, заснаванае на ўяўленні адзінства чалавека з жывымі істотамі. Ужыванне кампанентаў-найменняў частак цела звяроў, птушак, рыб, паўзуноў, насякомых у якасці частак цела чалавека абумоўлівае негатыўную канатацыю ФА. Так, у прыведзеных прыкладах негатыўная канатацыя выяўляецца за кошт пераўвасаблення, пераносу паводзін сабакі на чалавека. Адмоўныя асацыяцыі выклікае сам вобраз сабакі, які ў славянскай ментальнасці адначасова са станоўчай здаўна надзяляўся і негатыўнай ацэнкай [12, с. 443–444].

У вобразе яшчэ адной беларускай ФА *заячая / заечая душа* ‘вельмі баязлівы чалавек’ адлюстравана зааморфная метафара на аснове прыпадабнення чалавека да зайца, уяўленні пра якога звязаны з назіраннямі чалавека за яго паводзінамі, выдзяляючы найперш такую асаблівасць як баязлівасць. Наяўнасць кампанента *душа* ў ФА амаль заўсёды звязана з вызначэннем рыс характару, унутраных якасцей чалавека, яго эмацыянальнага стану. У дадзенай ФА спалучэнне кампанента-назоўніка *душа* з кампанентам-прыметнікам *заячая* раскрывае сутнасць чалавека, а ФА ў цэлым выступае ў ролі стэрэатыпнага ўяўлення аб баязліўцу. Заўважым, што гэтая ФА характарызуецца адсутнасцю тоесных альбо падобных фразеалагізмаў у межах саматычнай фразеалогіі англійскай мовы.

Аналіз фразеалагічнага матэрыялу ілюструе той факт, што адчуванне страху амаль заўсёды суправаджаецца хваляваннем і адмоўнымі эмоцыямі: бел. *паджылкі трасуцца* ‘хто-н. адчувае вялікае хваляванне, вельмі спалохаўся’; *мароз па скуры / па спіне / па целе* <*прабягае / ходзіць / дзярэ*> ‘у каго-н. узнікае непрыемнае адчуванне ад раптоўнага страху, хвалявання і пад.’ і англ. *one’s heart sinks* (дасл. – чыё-н. сэрца тоне) ‘хто-н. адчувае моцны страх, трывогу, раптоўна адчайваецца’; *jump / start out of one’s skin* (дасл. – выскокваць са скуры) ‘здрыгануцца, падскочыць ад спалоху, нечаканасці і да т.п.’. Апошняя ФА ілюструе рэакцыю арганізма як на адмоўную протасітуацыю, так і на станоўчую, напрыклад, на пэўны розыгрыш альбо сюрпрыз. Параўн.: *Suddenly... he heard someone running after him. Then a hand was laid on his own. He started almost out of his skin and swung round.* (A. J. Cronin, ‘A Thing of Beauty’, part III, ch. III) (дасл. – Раптам... за спінай у Стывена пачуліся таропкія крокі, і чыясьці рука дакранулася да яго локця. Здрыгануўшыся ад нечаканасці, ён павярнуўся.) і *She almost jumped out of her skin with joy.* (дасл. – Яна ледзь да столі не падскочыла ад радасці.).

Праяўленне страху заўсёды выклікае ў носьбітаў мовы неадабрэнне, а часам іронію, што падкрэсліваецца ў беларускіх ФА з дапамогай саматычных лексем: *паджылкі трасуцца* ‘хто-н. адчувае вялікае хваляванне, вельмі спалохаўся’; *лыткі дрыжаць / трасуцца* ‘хто-н. вельмі спалохаўся’.

Такім чынам, відавочна, што саматычная рэакцыя арганізма на страх, якая закадзіравана ва ўнутранай форме ФА, з’яўляецца ўніверсальнай для прадстаўнікоў дзвюх лінгвакультур, бо заснавана на агульнасці рэпрэзентацыі жэстаў і мімікі людзей. Агульнымі для беларускай і англійскай фразеалогіі з’яўляюцца протасітуацыі, у якіх стан страху праяўляецца праз дрыжанне, работу сэрца, сістэмы кровазвароту, органаў зроку і г.д. У моманты адчування страху чалавек можа паводзіць сябе разнастайна і нават апазіцыйна праяўляць эмоцыі: рабіць пэўныя рэзкія / паўтараючыся рухі альбо не рабіць (не мець магчымасці зрабіць) ніякіх рухаў. У той жа час у беларускай і англійскай мовах ФА, унутраная форма якіх рэпрэзентуе канцэпт «страх, спалох», ілюструюць адметнасці канкрэтнай рэакцыі ці спецыфічны стан асобы, якая адчувае дадзеную эмоцыю, альбо раскрываюць сутнасць баязлівага чалавека, метафарычна называючы яго.

ЛІТАРАТУРА

1. *Попова, З. Д.* Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2003. – 59 с.
2. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М : АТС : Восток – Запад, 2007. – 314, [6] с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
3. *Степанов, Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2004. – 992 с.
4. *Пименова, М. В.* Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 176 с.

5. Конвенциональные фразеологизмы с соматизмами в современном французском языке : пособие по курсу «Лексикология французского языка» для студентов специальности 1-02 03 06-04 – Французский язык. Английский язык / М-во образования Респ. Беларусь, Гроднен. гос. ун-т ; [авт.-сост. Е. З. Ленец]. – Гродно : ГрГУ, 2007. – 143 с.
6. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гносиз, 2007. – 288 с.
7. Оксенчук, А. Е. О роли соматической фразеологии в репрезентации эталонов и стереотипов наивной картины мира / А. Е. Оксенчук // Веснік ВДУ імя П. М. Машэрава. – 1998. – № 1. – С. 52–55.
8. Покровский, В. И. Энциклопедический словарь медицинских терминов / В. И. Покровский. – М. : Медицина, 2005. – 1591 с.
9. Валодзіна, Т. В. Фразеалагічная «анатомія» беларусаў: пята / Т. В. Валодзіна // Актуальныя праблемы славянскай фразеалогіі : матэрыялы Міжнароднага навучнага канфэрэнса, Гомель, 16–17 лістапада 1999 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт; рэдкал.: В. І. Коваль (адв. рэд.) [і др.]. – Гомель, 1999. – С. 6–9.
10. Бидерман, Г. (Biedermann, H.) Энциклопедия символов : пер. с нем. / Г. Бидерман; общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. – М. : Респ., 1996. – 335 с.
11. Кабакова, С. В. Душа <сердце> в пятки уходит / ушла <ушло> / С. В. Кабакова // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол.: В. Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд. стер., – М., 2006. – С. 197–198.
12. Кулік, Л. У. Саматычны кампанент *душа* ў беларускіх фразеалагізмах / Л. У. Кулік // Хрысціянскі гуманізм і яго традыцыі ў славянскай культуры : сб. навуч. тр. / М-во адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны; рэдкал.: Т. Н. Усольцева [і др.]. – Гомель, 2011. – Вып. 3. – С. 212–215.

СЛОЎНІКІ

1. Корсак, Л. Д. Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу / Л. Д. Корсак, Л. С. Марціновіч. – Мінск : Выш. шк., 1984. – 122 с.
2. Кулік, Л. У. Англа-беларускі слоўнік саматычных фразеалагізмаў; Беларуска-англійскі слоўнік саматычных фразеалагізмаў / Л. У. Кулік, В. А. Ляшчынская; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. – Гомель : ГДУ, 2010. – 84 с.
3. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 5-е изд., стер. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2004. – 512 с.
4. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь : ок. 20 000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. – 5-е изд., испр. – М. : Живой яз., 1998. – 944 с.
5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў: у 2 т. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008.

- Т. 1. – Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
Т. 2. – Беларуская Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
6. *Литвинов, П. П.* Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений / П. П. Литвинов. – М. : Яхонт, 2001. – 400 с.
7. *Cowie, A. P.* Oxford dictionary of current idiomatic English : Phrase, clause and sentence idioms : Vol. 2 / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford : Oxford Univ. press, 1994. – 685 p.
8. Macmillan English dictionary : for advanced learners / Macmillan Education. – 2nd ed., enlarged. – China [etc.] : Macmillan Publishers Limited; AandC Black Publishers, 2008. – 1748 p.
9. The Penguin concise English dictionary / compiled by G. N. Garmonsway with J. Simpson. – London : Claremont Books, 1995. – 842 p.

The article presents a comparative research of the phraseological representation of the concept “fear, fright” by native speakers of the Belarusian and English languages. It is concluded that the representation of the somatic reaction of the body to fear is universal for both linguistic cultures, while the representation of a person’s state of fear illustrates different and even contrasting manifestations of emotions.

Поступила в редакцию 05.09.18

Л. П. Морозова, Л. А. Федоренко

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ *ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ*, *ДИАЛОГИЧНОСТЬ*, *ПОЛИФОНИЯ*

Существующие в современной научной литературе понятия *диалогичность*, *интертекстуальность*, *полифония*, *прецедентность* объединены идеей межтекстового взаимодействия, сформулированной еще в прошлом веке М. М. Бахтиным. Однако использование этих терминов не является однозначным и связано либо с отождествлением скрывающихся за ними понятий, либо с их разграничением на основе противоречивых критериев. Целью данной статьи является очертить содержание терминов *диалогичность*, *полифония* и *прецедентность*, а также предложить критерии их разграничения.

Идея межтекстового взаимодействия, сформулированная М. М. Бахтиным в виде понятия диалогизма, оказалась в научном отношении столь притягательной, что дала толчок к развитию целых направлений в исследовании текста не только в литературоведении, но и в лингвистике. При этом их создатели, отталкиваясь от общей бахтинской идеи, приходили к прямо противоположным заключениям: от постулирования «смерти автора» (Р. Барт), основанного на характерном для постмодернистов утверждении о том, что любой создаваемый текст пронизан другими, уже существующими в культуре текстами, до признания полисубъектности текстов, наличия в них наряду с авторским голосом других голосов, вплетающихся в ткань текста и придающих ему полифоническое звучание.

Межтекстовые связи нашли выражение одновременно в нескольких терминах: *диалогичность* (М. М. Бахтин), *интертекстуальность* (Ю. Кристева), *полифония* (М. М. Бахтин). Позднее российскими учеными было введено понятие прецедентного текста и прецедентности. Использование данных терминов в исследованиях межтекстового взаимодействия отличается необычайной пестротой, связанной либо с отождествлением скрывающихся за ними понятий, либо, наоборот, со стремлением их разграничить, при этом, в зависимости от автора, граница проводится по-разному и на основе разных критериев, часто прямо противоположных [1; 2; 3]. Во многих исследованиях наблюдается циркулярность определений данных понятий, т.е. определение одного из понятий дается через другое, что отнюдь не позволяет с необходимой строгостью очертить их содержание.

Расхождения в толковании современными учеными понятий *диалогичность*, *интертекстуальность*, *полифония* во многом обусловлены тем, что в своих трудах М. М. Бахтин не дает их четкого теоретического обоснования и употребляет эти термины метафорически [1, p. 25].

Циркулярность определений диалогичности и интертекстуальности наблюдается, в частности, уже в работах Ю. Кристевой, которая, развивая теорию диалога М. М. Бахтина, вводит понятие интертекстуальности, определяя ее как межтекстовый диалог. Так, для нее художественный текст – это «место *пересечения текстовых плоскостей*»¹, «диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [4, с. 428]; «...всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [Там же, с. 432], поэтому «на место понятия *интерсубъективности* [диалога. – Л. М.] встает понятие *интертекстуальности*» [Там же, с. 429].

Вместе с тем между диалогом М. М. Бахтина и интертекстом Ю. Кристевой существует кардинальное различие, заключающееся в том, что межсубъектное взаимодействие М. М. Бахтина – «диалог сознаний» [5, с. 106] – заменяется взаимодействием текстов, самостоятельно, без участия автора, генерирующих смысл. Так, читаем у М. М. Бахтина: «логические и предметно-смысловые отношения, чтобы стать диалогическими... должны воплотиться, то есть должны войти в другую сферу бытия: стать *словом*, то есть высказыванием, и получить *автора*, то есть творца данного высказывания» [6, с. 206]. Очевидно, что утверждение Ю. Кристевой, что «такое понятие, как “лицо – субъект письма”, начинает тускнеть» [4, с. 432], не соответствует тому, как диалог мыслится М. М. Бахтиным.

При попытке теоретического обоснования содержания понятий диалогичности и интертекстуальности необходимо учитывать широкую и узкую трактовку интертекстуальности. В рамках широкой концепции, разработанной французскими постструктуралистами (Ж. Деррида, Р. Барт), интертекстуальность понимается как общий принцип существования текстов, при этом постулируется существование глобального текста культуры, в основе

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш. – Л. М., Л. Ф.

которого лежат множественные культурные коды. Это позволило Р. Барту утверждать: «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение: всякие поиски “источников” и “влиятельных” соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – и цитат без кавычек» [7, с. 417]. Столь широкая трактовка интертекстуальности, согласно которой *«каждый текст является интертекстом»*, делает изучение данного явления беспредметным и не позволяет выявить определяющие его признаки в сравнении с такими видами межтекстового взаимодействия, как полифония и прецедентность.

Заслуга в теоретической разработке и систематизации межтекстовых отношений и определении содержания понятия интертекстуальность в узком значении принадлежит, как известно, Ж. Женетту, предложившему пятичленную классификацию. Согласно этой классификации интертекстуальность понимается как межтекстовое взаимодействие, при котором межтекстовые связи эксплицитно выражены, т.е. в тексте содержатся конкретные отсылки к предшествующим текстам [8]. Очевидно, что данная трактовка интертекстуальности, получившая широкое распространение в лингвистических исследованиях, существенно отличается от диалогичности М. М. Бахтина, который подчеркивал, что диалогические отношения «глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям. Это особый тип *смысловых* отношений, членами которых могут быть только *целые высказывания*... Два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.)» [9, с. 303–304]. «Любые два высказывания, если мы сопоставим их в смысловой плоскости (не как вещи и не как лингвистические примеры), окажутся в диалогическом отношении» [Там же, с. 313]; «общность проблемы порождает здесь диалогические отношения» [Там же, с. 321].

Таким образом, можно сделать вывод, что, согласно М. М. Бахтину, диалогичность – это имплицитное межтекстовое взаимодействие, «смысловая перекличка» [5, с. 107].

Подобные рассуждения мы находим у французских и скандинавских авторов – исследователей наследия М. М. Бахтина. Так, анализируя термины *диалог*, *диалогичность*, *диалогизация*, Ж. Брес отмечает необходимость различать диалог как обмен репликами и диалогичность, на чем всегда настаивал М. М. Бахтин, говоря о том, что диалогические отношения не совпадают с отношениями между репликами реального диалога – они гораздо шире, разнообразнее и сложнее. Выделяя три вида диалогичности – интересубъектную, интердискурсивную и интрасубъектную, – Ж. Брес отмечает, что трудность формального выявления диалогичности в определении М. М. Бахтина («диалогические обертоны», «рефлексы других голо-сов») «обусловлена не поверхностным характером взаимодействия между

высказыванием автора и другими высказываниями, а, напротив, глубинным характером этого взаимодействия: оно затрагивает глубинные слои смысла и стиля»¹ [2, р. 53]. Сложность определения диалогичности в терминах языковых средств признает также представитель скандинавской школы *ScaPoLine* М. Ольсен: «Представляется, что это явление [диалогичность], которое, согласно Бахтину, характеризует некоторых авторов (Достоевского в отличие от Толстого, а также других, например, Томаса Манна), не поддается формальному определению», «...его нельзя определить в терминах языковых единиц»² [10, р. 2].

Содержание понятия *диалогичность* убедительно, на наш взгляд, раскрыто Р. Амосси. В своих рассуждениях она основывается на четком разграничении интересубъектной и интердискурсивной диалогичности. Интересубъектная диалогичность выражается, по ее мнению, в ориентации на «конструируемого» адресата, учете его знаний, верований, мнений, а также его реакций и возможных возражений. В отличие от интересубъектной, интердискурсивная диалогичность не есть преднамеренный выбор автора, при котором он берет на себя ответственность за свои высказывания, выражая свою позицию по отношению к уже существующим точкам зрения. Такого рода диалогичность является не «местом принятия решений и выработки позиций в полностью осознаваемом диалоге с другим, а тем местом, в котором индивидуальный дискурс создается в языковой среде своей культуры, ... пробивая себе дорогу сквозь то, что уже было сказано, следуя движению, частично ускользающему от четкого осознания. ... Интердискурсивная диалогичность – это канва, сформированная очевидными истинами, верованиями, представлениями, аргументами, внутри которых ориентируется говорящий субъект, для того чтобы реализовать себя в дискурсе» [3, р. 68], и она носит доксический характер.

Таким образом, сопоставление определения *диалогичности* в работах М. М. Бахтина с ее интерпретацией перечисленными выше авторами позволяет сделать вывод о том, что эти понятия как в интересубъектном, так и в интердискурсивном измерениях не совпадают по своему содержанию с интертекстуальностью в узкой трактовке, понимаемой как эксплицитные следы присутствия одного текста в другом.

Не менее сложным оказывается определение соотношения понятий *диалогичность* и *полифония*, получивших весьма противоречивую интерпретацию в трудах ученых, развивающих идеи М. М. Бахтина. Многие современные исследователи говорят или о диалогичности, или о полифонии, забывая или игнорируя второе понятие.

Как известно, М. М. Бахтин использовал понятие *полифония* только в книге «Проблемы поэтики Достоевского», определяя это явление как

¹ Здесь и далее перевод наш. – Л. М.; Л. Ф.

² Ce phénomène [le dialogisme], qui d'après Bakhtine caractériserait certains auteurs (Dostoïevskij opposé à Tolstoï, mais d'autres aussi, comme Thomas Mann) ne semble pas pouvoir se définir formellement», «... [il] ne se laisse pas définir par des moyens linguistiques».

«множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [6, с. 3]. Очевидно, что полифония отнюдь не тождественна тому содержанию, которое М. М. Бахтин вкладывал в понятие диалогичности.

В работах французских и скандинавских исследователей, разрабатывающих теорию полифонии применительно к разным типам дискурса, в основном проводится линия на разграничение диалогичности и полифонии: полифония понимается как «актуализация нескольких голосов в одном и том же тексте» [10, р. 3], как «множественность голосов в высказывании» [1, р. 25]. Характерны при этом существенные расхождения в понимании явлений диалогичности и полифонии: одни авторы ограничивают сферу полифонии художественными текстами и рассматривают ее как художественный метод, используемый в романах; диалогичность определяется ими как свойство высказывания в любых типах текстов [1, р. 25]. Другие, напротив, считают, что способность к актуализации нескольких голосов в рамках одного высказывания – полифония – заложена в самом языке и наблюдается в рамках отдельного высказывания в разных стилях и жанрах [3; 11; 12; 13].

Убедительными представляются критерии разграничения диалогичности и полифонии, предложенные Р. Амосси. Как уже было сказано, по ее мнению, в основе интердискурсивной диалогичности лежит *doxa*, поскольку отношение любого высказывания к предыдущим высказываниям проявляется в подчиненности речи общим представлениям, мнениям, верованиям. Поэтому известный пример О. Дюкро *Pierre a cessé de fumer* ‘Пьер бросил курить’ иллюстрирует не полифонию, а диалогичность. В этом высказывании нет другого «голоса», сообщающего о том, что Пьер курил: говорящий исходит из знания, присутствующего в пресуппозиции и разделяемого адресатом. В то же время высказывание выражает мнение говорящего субъекта, имеющее доксическую основу, которая и обеспечивает его возможность. Действительно, оно имеет смысл только потому, что существует общее представление о вреде курения. Точно так же коммуникативно приемлемым оказывается высказывание *Pierre a cessé de boire* ‘Пьер бросил пить’ в отличие от *Pierre a cessé de manger* ‘Пьер бросил есть’. Из этого она делает вывод: диалогичность проявляется в том, что «говорящий одновременно состоит из слов Другого, проникающих в него без его воли», тогда как полифония имеет место в том случае, когда «субъект преднамеренно мобилизует голоса и точки зрения с целью оказания воздействия на адресата» [3, р. 69].

Согласно исследованиям, проведенным на материале различных типов дискурса, полифония достигается за счет полисубъектности (множественности повествующих инстанций) [14], а в моносубъектном дискурсе – путем прямого и косвенного цитирования; металингвистического отрицания [13], общих вопросов; использования дейктиков, эмоционально окрашенной и оценочной лексики, посредством которых повествующая инстанция (говорящий субъект – *субъект знания*) параллельно формирует собственное умозаключение и самоидентифицируется как *субъект оценки* и *субъект модуса* [15, л. 51].

Если рассматривать проблему соотношения полифонии и интертекстуальности (в узком значении), то очевидно, что эти два понятия пересекаются в той части, в которой речь идет об эксплицитно выраженных межтекстовых связях, т.е. конкретных отсылках к предшествующим текстам в виде прямого и косвенного цитирования. В таком случае интертекстуальность оказывается одним из средств создания полифонии.

Что касается прецедентности, то это понятие обнаруживает самую тесную связь с интертекстуальностью, обладая при этом рядом признаков, отличающих его от полифонии и характеризующих его как особый вид межтекстового взаимодействия. Прецедентность понимается как специфическая разновидность «цитирования», которая выделяется на основе особых критериев, в частности таких, как способность актуализировать в сознании говорящего субъекта скрытые смыслы, а также эмоциональная и познавательная значимость [16; 17, с. 82; 18, с. 29]. Для прецедентности характерен семиотический способ существования, «когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты» [16, с. 217]. Таким образом, отличительной чертой прецедентности следует считать свернутость содержания, актуализируемого в «принимающем» дискурсе прецедентной единицей, которое раскрывается путем рождаемых ею ассоциаций, при этом прецедентные единицы представлены не только прецедентными высказываниями, но и прецедентными именами, названиями, датами, аллюзиями.

Явления диалогичности, полифонии и прецедентности обнаруживаются в различных типах современного дискурса и наиболее наглядно представлены в медийном, в частности телевизионном, дискурсе, поскольку отвечают задачам, которые ставят перед собой создатели медиадискурса. Они позволяют, с одной стороны, донести свою точку зрения до аудитории, используя при этом минимальные лексические средства в условиях ограниченного времени; с другой – скрыть свою субъективность, ссылаясь на авторитет третьих лиц, включить в свою речь языковые коды, которые будут понятны только определенной категории адресатов, сделать ссылку на уже существующие тексты или события.

Как уже было отмечено, одним из средств создания полифонии является прямое и косвенное цитирование, которое также входит в число способов апеллирования к прецедентным текстам. Совпадая по форме, цитирование, придающее словам говорящего субъекта полифоническое звучание, и цитирование как явление прецедентности различаются объемом содержания и функцией. Рассмотрим это на примерах из французских телевизионных ток-шоу.

Так, в ток-шоу «On n'est pas couché» накануне президентских выборов один из приглашенных участников, бывший заместитель председателя Национального фронта, Флориан Филиппо доказывает, что Национальный фронт разработал достойную программу для будущего Франции: *On va continuer à convaincre sur nos idées, parce que j'ai le sentiment que dans cette*

campagne présidentielle, on sera les seuls, en tout cas parmi les grands candidats, à avoir un vrai projet pour la France, cohérente, « une vision », comme disait Rama Yade. Elle a dit : « Marine le Pen est la seule candidate à avoir une vision pour la France, les autres sont les gestionnaires 'Мы будем продолжать убеждать в своих идеях, потому что у меня впечатление, что в этой президентской кампании мы единственные, во всяком случае, среди серьезных кандидатов, у кого есть реальный проект для сплоченной Франции, «видение», как говорит Рама Яд. Она говорит: «Марин ле Пен является единственным кандидатом, у кого есть видение Франции. Все остальные – просто управляющие»?

Здесь Ф. Филиппо цитирует видного политика Раму Яд с целью придания большей авторитетности и объективности своей точке зрения. Объем смыслового содержания данной цитаты не выходит за пределы семантико-синтаксического содержания цитируемого высказывания. Цитата эксплицитна, так как говорящий субъект преднамеренно апеллирует к голосу авторитетной личности, чтобы оказать воздействие на аудиторию.

Голос Другого для создания полифонии может также вводиться посредством косвенного цитирования. Как и в случае с прямым цитированием, косвенное цитирование эксплицитно. Например, в ток-шоу «On n'est pas couché» Ян Муакс, обращаясь к министру комплексных экологических преобразований, говорит: *Vous vous inscrivez un peu dans la mouvance de Léon Bourgeois qui a fondé le mouvement solidariste. Il considérait que l'individu isolé n'existant pas, il fallait pratiquer une politique de la main tendue et que la solidarité était quelque chose qui se constituait de droits et de devoirs* 'Вы частично вписываетесь в направление Леона Буржуа, который основал движение солидаризма. Он считал, что в силу того, что отдельный индивид не существует, нужно проводить политику помощи, и что солидарность состоит из прав и обязательств'. В высказывании Яна Муакса отчетливо слышится голос Леона Буржуа, лауреата Нобелевской премии мира за 1920 год. Ведущий апеллирует к его авторитету, чтобы подкрепить собственную точку зрения, когда речь идет о том, что нужно исключить деление общества на тех, кто живет в пределах Парижа, и тех, кто живет за чертой кольцевой дороги.

Прецедентное цитирование представляет собой цитирование иного рода: оно имплицитно и всегда актуализирует скрытый смысл, обладая при этом познавательной и эмоциональной значимостью. Так, например, ведущий ток-шоу «Salut les terriens», Тьерри Ардиссон, комментируя речь французского президента Эммануэля Макрона в защиту Европы, характеризует ее следующим образом: *Le discours de Macron sur l'Europe, c'est courageux. Son centre cède, sa droite recule, la situation est excellente, il attaque* 'Речь Макрона о Европе – это смелый поступок. Его центр теряет позиции, правый фланг отступает, ситуация превосходная, он идет в атаку'. Изначально это высказывание принадлежит генералу Ф. Фошу во время Первой мировой войны при сражении на Марне, которое принесло победу Франции: *Mon centre cède, ma droite recule, la situation est excellente, j'attaque* 'Мой центр сдает позиции,

правый фланг отступает, ситуация превосходная, я иду в атаку'. Цитата, приводимая Т. Ардиссоном, обладает всеми признаками прецедентности: 1) она имплицитна и требует знания первоисточника; 2) знание авторства и ситуации, в которой эта фраза была произнесена, позволяет понять скрытый смысл – за этим высказыванием последует победа; 3) цитата основывается на игре слов, которая создает параллельность контекстов: Э. Макрон использует выгодную для него политическую ситуацию в стране, потому что центр (т.е. центристы) сдал свои позиции на выборах, правые «отступили», потерпели поражение. Ситуация «отличная», и Э. Макрон может идти в политическое наступление. При этом, как и в случае с генералом Фошом, у него есть шансы на успех. Эта прецедентная цитата, в отличие от прямого и косвенного цитирования при полифонии, имеет несомненную познавательную значимость, поскольку оживляет в сознании адресата реальную историческую ситуацию.

Прецедентные цитаты различаются степенью известности и, соответственно, доступностью для понимания. Широко известные цитаты, ставшие афоризмами, часто подвергаются перефразированию, как, например, в комментарии журналиста Эмерика Карона по поводу ораторских качеств Марин ле Пен: *Je ne l'ai pas trouvée bonne oratrice pendant les débats* 'Я не увидел в ней хорошего оратора во время дебатов'. В ответ издатель и телеведущий Эрик Нолло возражает: *Sur ce plateau il y a des représentants de l'école philosophique qui dit : « Je parle donc je suis »* 'В этой студии есть представители философской школы, которая считает: «Я говорю, значит, я существую»'. Несмотря на то что цитата вводится посредством прямой речи, она остается имплицитной. Первоначальное высказывание принадлежит Рене Декарту *Je pense, donc je suis* 'Я мыслю, значит, я существую'. Перефразированная цитата – квазичитата – не только указывает на параллельность контекстов, но и привносит в высказывание иронический оттенок. Противопоставляя способность мыслить, сущностную характеристику человека, способности говорить, Э. Нолло выражает негативное отношение к политикам, которые за красивыми речами скрывают свою неспособность мыслить и действовать.

Диалогичность, понимаемая как имплицитная межтекстовая связь, как «смысловая перекличка» [5, с. 105–116], не имеет, как уже было сказано, специфических способов языкового выражения. В медийном дискурсе она проявляется в том, что в высказываниях аксиологического содержания имплицитно отражаются официальные или неофициальные, но принимаемые всем обществом, политические или идеологические убеждения, оценки, верования, которые не обязательно имеют объективные основания. Так, в одном из выпусков ток-шоу «On n'est pas couché» французская певица и актриса Франсуаза Арди, комментируя происходящие в Сирии события, говорит: *Evidemment, il y a une utilisation des armes chimiques. Cela justifie des frappes* 'Ясно, что имеет место использование химического оружия. Это оправдывает авиаудары'. А ведущий Лоран Рюкье продолжает: *Cela reste quand même son peuple contre lequel il (Bachar) est en guerre aujourd'hui et contre lequel il utilise les armes chimiques* 'Башар ведет войну против своего же

народа, против него он использует химическое оружие'. В обоих высказываниях просматривается распространяемое официальными кругами через средства массовой информации представление о том, что Башар Асад тиран, враг своего народа и поэтому нужно его уничтожить. Это оправдывает бомбежки, даже если под бомбами погибают мирные жители, и дает основание принимать как аксиому тот факт, что использовалось химическое оружие, не требуя для этого никакого объективного расследования и подтверждения.

Рассмотренные нами дискурсивные явления направлены на решение разных коммуникативных задач: если в задачу прецедентности входит сказать многое, используя при этом штрихи, коды, отсылки, то задача полифонии заключается в том, чтобы дать возможность максимально отчетливо услышать голоса, вплетенные в конечное высказывание. Поэтому центральными понятиями в прецедентности выступают прецедентные феномены и апеллирующие к ним прецедентные единицы, тогда как в полифонии центральными понятиями оказываются участники коммуникации и высказываемые ими точки зрения. В отличие от полифонии и прецедентности, диалогичность предстает как непреднамеренная «перекличка» смыслов, в основе которой лежит существующая в обществе на определенном этапе система представлений и верований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nowakowska, A.* Des textes russes de M. Bakhtine à la linguistique contemporaine / A. Nowakowska // Dialogisme, polyphonie: approches linguistiques / Centre culturel intern. de Cerisy-la-Salle ; ed.: J. Bres [et al.]. – Paris, 2010. – P. 19–33.
2. *Bres, J.* Savoir de quoi on parle: dialogue, dialogal, dialogique / J. Bres // Dialogisme, polyphonie: approches linguistiques / Centre culturel intern. de Cerisy-la-Salle ; ed.: J. Bres [et al.]. – Paris, 2010. – P. 46–71.
3. *Amossy, R.* De l'apport d'une distinction: dialogisme vs polyphonie dans l'analyse argumentative / R. Amossy // Dialogisme, polyphonie: approches linguistiques / Centre culturel intern. de Cerisy-la-Salle ; ed.: J. Bres [et al.]. – Paris, 2010. – P. 63–73.
4. *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – С. 427–457.
5. *Кремнева, А. В.* Основные направления интертекстуальных исследований и возможные перспективы дальнейшего изучения проблемы межтекстового взаимодействия / А. В. Кремнева // Известия ВГПУ. Филол. науки. – 2017. – № 3. – С. 105–116.
6. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. словари: Языки слав. культуры, 2002. – Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. – 800 с.
7. *Барт, Р.* Избранные работы. Поэтика. Семиотика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

8. *Женетт, Ж.* Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт. – М. : Наука, 1982. – С. 213.
9. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
10. *Olsen, M.* Remarques sur le dialogisme et la polyphonie / M. Olsen // Polyphonie – linguistique et littéraire: Documents de travail. – Nov. 2002, No 6: Les polyphonistes scandinaves. – Samfundslitteratur Roskilde. – P. 1–3.
11. *Ducrot, O.* Description argumentative et description polyphonique: le cas de la négation / O. Ducrot, M. Carel // Le sens et ses voix: dialogisme et polyphonie en langue et en discours : actes du colloque / ed. L. Perrin. – Paris, 2006. – P. 215–242.
12. *Anscombre, J.-Cl.* Les objets de la polyphonie / J.-Cl. Anscombre // Français moderne. – 2006. – Vol. 74. – P. 30–61.
13. *Nólke, H.* Types d'êtres discursifs dans la ScaPoLine / H. Nólke // Lang. française. – 2009. – Vol. 164. – P. 61–97.
14. *Харитонов, О. А.* Композиционный полифонизм: генезис и структурные модификации: на материале романной прозы XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / О. А. Харитонов. – Елец, 2009. – 170 л.
15. *Лапунова, О. В.* Полифоничность французского новостного телевизионного дискурса в функциональном аспекте: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.05 / О. В. Лапунова. – Минск, 2014. – 129 л.
16. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : URSS, 2010. – 264 с.
17. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / В. В. Красных [и др.] // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст./ редкол.: В. В. Красных [и др.]. – М., 1997. – С. 82 – 103.
18. *Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 139 с.

The notions of dialogism, polyphony and precedence are associated with the idea of intertextual interrelation put forward by M.M. Bakhtin. The use of these terms is not synonymous and is connected either with the identification of their hidden meanings or with their differentiation on the basis of contradictory criteria. The aim of the article is to define the content of the terms *dialogism*, *polyphony* and *precedence* and suggest criteria for their differentiation.

Поступила в редакцию 26.07.18

Т. А. Сысоева

ПРИМЕР В ПОДДЕРЖКУ АВТОРСКОГО МНЕНИЯ: АПЕЛЛЯЦИЯ К ФАКТУ В МЕДИАТЕКСТЕ

В статье рассматривается апелляция к факту как необходимое условие успешной аргументации в медиатексте аналитического характера. Сопоставление текстов жанра газетной дискуссии из белорусских и американских изданий позволило заключить, что в ходе рассуждений авторы публикаций приводят примеры, маркируя их соответствующими языковыми средствами, при этом они обращаются как к личному опыту, так

и к чужому, зачастую противопоставляя их. Однако в русскоязычных текстах больший акцент делается на обобщениях без конкретизации, опыте не только отдельных людей, но и целых групп. В свою очередь, для англоязычных публикаций характерна апелляция к опыту конкретного человека, его детализация, приведение количественных данных, сведений о противоборствующих силах при описании участников конфликта.

Интерес исследователей к медиатекстам разных жанров обусловлен рядом факторов, среди которых – их роль в жизни социума: в микро- и макроструктуре текста фиксируется «то, как ментально обрабатываются сведения о мире, и то, какие цели преследуют коммуниканты, решая конкретные когнитивные и коммуникативные задачи» [1, с. 24–25]. Массмедиа позволяют координировать деятельность разных общественных институтов, но в то же время медийная сфера становится «центром столкновения интересов влиятельных субъектов социального пространства» [2, с. 105]. Таким образом, медиатексты отражают частные точки зрения различных социальных групп или даже индивидов, благодаря чему мы можем наблюдать в них целый спектр мнений [Там же, с. 107]. В подобных условиях фундаментальным свойством медиатекста становится диалогичность, т.е. «выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения» [3, с. 28].

В результате анализа и сопоставления медийных сообщений, порожденных «в разных языковых культурах в разных дискурсивных условиях по разным поводам и для разных целей» [1, с. 23–24], был выделен ряд параметров, общих для актуальных медиатекстов: безапелляционность суждений, доминирование генерализации (обоснованной или необоснованной), ориентация на одну версию, интерпретацию события, подаваемую как единственно возможную, и др. Иными словами, субъективность может быть обозначена как определяющий признак современного медиадискурса.

Данное явление часто анализируется в свете категории субъективной модальности, которая передает отношение говорящего к содержанию высказывания и создается специфическими словами с модальным значением (*к счастью, к сожалению, увы, ведь* и др.) [4, с. 64]. Субъективная модальность «выражает оценку говорящим описываемых фактов (в плане уверенности или неуверенности, согласия или несогласия, положительной или отрицательной оценки)» [5, с. 641]. Арсенал языковых средств, актуализирующих категорию субъективной модальности на уровне текста, весьма богат и во многом определяется личностью его автора. «...Под давлением жизненного материала (идеи, содержания, которые уже сложились в сознании, в воображении) автор ищет, нащупывает соответствующую ему форму, т.е. форму представления этого материала. Как писать? Выявляя свое личностное начало или скрывая его, отстраняясь от написанного, будто бы это вовсе и не его, автора, создание» [4, с. 65]. При этом исследователи признают эксплицитную манифестацию авторского «я» в газетном тексте закономерной: «изображение событий <...> дается через “призму” автора, через его опыт, мировоззрение. <...> Вполне естественно, что автор публикации

подает сообщение, сопровождая его своим субъективным отношением» [6, с. 287]. Такая открытая субъективность медиатекста объясняется принципиальным совпадением производителя речи и ее субъекта. «Автор медиатекстов, в отличие, например, от автора художественного произведения, не условный образ, это конкретная личность со своими вкусами и пристрастиями» [2, с. 106]. Максимально выраженное авторское присутствие закономерно находим в аналитических медиажанрах – корреспонденции, комментарии, статье [7, с. 108].

Статья – это «аналитический жанр, в котором представлены результаты исследования, события или проблемы» [8, с. 103], а ее основная целевая установка состоит в том, чтобы убедить читателя согласиться с мнением автора, продемонстрировать причинно-следственные отношения событий, показать их взаимосвязь, а также спрогнозировать возможные варианты развития событий. Несмотря на то, что доминантой жанра выступает субъективность, персональное мнение автора должно подкрепляться наглядными примерами из жизни, чтобы быть достаточно убедительным. В целях аргументации могут приводиться непреложные истины, мнения авторитетов, статистика, ссылки на первоисточники и т.д. [Там же, с. 107–111], при этом действенным средством выступают отсылки к собственному опыту автора сообщения или опыту его знакомых. Далее на примере газетных текстов жанра *дискуссия (спор)* рассмотрим, какие именно средства апелляции к факту позволяют адресанту наиболее выигрышно представить собственную точку зрения и, возможно, победить в «виртуальном» споре.

Материалом исследования послужили публикации из американских изданий «The Washington Post», «USA Today» и русскоязычного белорусского издания «Народная газета» (а также их интернет-версий) за 2016–2018 гг. Анализируемые тексты относятся к «гибридному» жанру газетной дискуссии. С одной стороны, они представляют собой статьи аналитического характера, посвященные актуальным проблемам, в которых авторы высказывают собственное мнение по поводу обсуждаемой темы. С другой стороны, эти публикации не являются самостоятельными: они тематически связаны с другими статьями, в которых предлагаются альтернативные точки зрения по тому же самому вопросу. Такой «обмен мнениями» – это своего рода виртуальный диалог, который может осуществляться в разных форматах. Издание «Народная газета» отличается тем, что в споре принимают участие два эксперта, профессионально связанные с определенной сферой деятельности (медицина, образование, экономика, искусство и пр.). Приглашенные высказывают собственную точку зрения самостоятельно, однако затем две публикации размещаются в рубрике *Спор* на одной газетной странице под общим заголовком. Это могут быть как «полярные» точки зрения, так и взаимодополняющие. В свою очередь, на сайте американского издания «The Washington Post» статьи размещаются в разделе *Opinion*, где читатели могут ознакомиться с разными точками зрения по поводу актуальной проблемы, перейдя по ссылке *Read more on the topic*. Издание «USA today»

действует аналогичным образом, однако помечает высказываемые мнения как *Our view* и *Opposing view*. Читатель может сравнить альтернативные статьи, оценить убедительность подачи разных мнений и таким образом определить для себя победителя виртуального спора.

Как отмечалось выше, аргументация не будет успешной без иллюстративного материала: конкретных фактов, статистики и даже примеров из личного опыта автора. Рассмотрим, каким образом маркируются приводимые адресантом примеры на двух языках. Прежде всего, это вводные слова (*for instance*; например, в частности): Меня, **например**, не все спектакли этого года на фестивале «Teарт» устроили. В русскоязычных статьях это также могут быть различные словосочетания с существительным *пример*: **Приведу поучительный пример из истории**. Иллюстрация может маркироваться формой повелительного наклонения (*take the case of, just look at, представьте*) или придаточным предложением времени (*When I worked..; Когда мы жили...*): **When I went to college there were no degrees in editorial cartooning**. О том, что автор сообщения приводит пример, свидетельствуют соответствующие обстоятельства времени, причем речь может идти как о прошлом (*last week, last summer, last year, in 1938; раньше*), так и настоящем либо относительно недавнем периоде (*today, this year, so far this year, lately; сегодня, сейчас, на данный момент, в последние годы*): **Сегодня** подобные объекты продаются на аукционах. Иногда автору важно подчеркнуть длительность, повторяемость, периодичность происходящего (*every month, every so often; всегда, во все времена, порой, долгие годы*), указать место происходящих событий (*на Западе*) или акцентировать распространенность, повсеместность некоторого явления (*Many families...*). При этом для англоязычных текстов специфична конструкция с формальным подлежащим *There was*, тогда как в русскоязычных текстах употребительно сочетание местоимения первого лица с глаголами речемыслительной деятельности (*Я помню...*).

Отдельно стоит выделить маркеры, вводящие статистику, количественные данные или указывающие на источник информации. Для англоязычных текстов это следующие существительные: *investigation, survey, studies, report, research, statistics, figures, numbers, data, evidence*. Приведем примеры их контекстного употребления: *According to **data** from the Economic Policy Institute, the real earnings of low-wage workers in Alabama are down 6 percent compared with 1979...; According to a **report** filed by the Westlake Police Department...; But, as the **report** noted, only in 29 percent of the relevant **cases** studied....* В русскоязычных текстах набор подобных существительных ограничен (*данные, количество, исследования*): **По данным** доктора наук Анатолия Тарасовича Федорука, на Гродненщине сохранилось около 600 усадеб и дворцово-парковых комплексов. Выявленное различие связано с тем, что для статей из белорусских изданий более характерны обобщения, генерализация (*Исследования показали, что...*) в противовес большей детализации и конкретизации, свойственным американским изданиям, в которых чаще упоминается точное название или имя, дата публикации каких-либо сведений и т.д.

Приведение примера неизбежно связано с указанием исполнителя действий, причем речь не обязательно идет о конкретном человеке. Автор обозначает определенные социальные группы, выделенные по профессиональным (*doctors, physicians, medical practitioners, educators, academics, professors, students, lawmakers, police, cops*; ученые, промышленники, инвесторы, музыканты, певцы, актеры, филологи, демографы, социологи, философы, психологи, методисты, диетологи, предприниматели, чиновники, работники), гендерным (*women*), возрастным (*kids, young people, older people*; люди среднего или старшего поколения, старики) и иным признакам: ***Police, judges and the government*** have joined in that effort; ***City lawmakers*** began to adopt higher wage floors at the local level more than a decade ago; Barely a third of ***Millennials*** in the *Porch.com* survey knew how to cook poached eggs; Сегодня многие **артисты**, наверное, в глубине души пытаются повторить успех «Песняров»; Сегодня подобные объекты продаются на аукционах, но условия, на которых это происходит, совершенно неприемлемые и неподъемные для **инвесторов**. Речь также может идти о политических предпочтениях, гражданской позиции, правовом статусе (*citizens, voters, administration, officials, community leaders, conservatives, democrats, conservative Christians, environmentalists*; граждане, меценаты, патриоты) или семейном положении (*parents, families, lonely people*; родители, дети, супруги). Для исследуемых англоязычных текстов специфична отсылка на поколенческую теорию при указании возраста (*Baby Boomers, Millennials*), тогда как в русскоязычных текстах употребительны существительные, выражающие идею собирательности, обозначающие совокупность лиц: *государство, бизнес, обслуживающий персонал, общество, общественность, руководство, большинство, молодежь*. Если для англоязычных текстов характерно описание расстановки сил в сложившейся конфликтной ситуации (*activists, supporters, proponents, opponents, critics, competitors*), то в русскоязычных текстах на первый план чаще выходят ситуативные роли участников: *туристы, посетители кафе, гости и организаторы торжества*. Общим является то, что в обоих языках используются существительные, передающие авторскую субъективную оценку участников событий или их действий: *smart people, intelligent people, experts, pundits*; *эксперты, специалисты, эстеты, творцы, бандиты*.

Говоря об апелляции к опыту, следует отметить, что для статей из американской периодики одинаково характерны отсылки как на собственный опыт автора, так и чужой (по 50 % исследуемых примеров соответственно). В статьях из белорусской периодики наблюдается небольшой перевес случаев апелляции к личному опыту (56 % примеров по сравнению с 44 % соответственно). Автор может рассуждать о своем далеком или недавнем прошлом: *Over the past year, I have spoken to dozens of college students from the heartland to the coasts about their career aspirations*; *Сам недавно с этим столкнулся*; *Помню, произошел у меня забавный случай*; *В Несвиже я видел макеты приспособлений, которые использовались в XVII–XVIII веках для создания театральных эффектов*. Однако гораздо важнее то, что адресант

рассматривает имеющийся у него опыт как достаточное основание для выражения субъективной точки зрения: *As a Louisiana native, and my state's interim lieutenant governor at the time of the Deepwater Horizon tragedy, I fully understand the importance of worker safety and environmental protection; But as a proud parent of three college graduates, I have wondered if we'd really gotten our money's worth; Я могу утверждать на собственном опыте, что нам есть чем гордиться; Достаточно долго я проработала актрисой, у меня был большой актерский опыт в театре.*

Если в том, как авторы статей на двух языках апеллируют к собственному опыту, выявлено больше сходств, нежели различий, то апелляция к чужому опыту специфична для представителей двух лингвокультур. Так, при отсылке к чужому опыту в статьях из американских изданий речь идет о персоне (друге, знакомом автора и т.д.): *One friend spent a year working as a paralegal, which confirmed she didn't want to be a lawyer; As an employer who has interviewed thousands of people over the years, he said he was never interested in "what did you study or what degree do you have".* В свою очередь, в статьях из белорусских изданий авторы приводят в пример опыт целой страны, региона и др.: *В качестве примера можно рассмотреть американский опыт; Для этого надо изучить опыт соседей – Польши, Литвы; Опыт ЕС широкого притяжения трудовых мигрантов показывает....* При этом для статей на обоих языках характерны противопоставления, когда личный опыт автора сравнивается с чужим опытом (*I've been taunted and threatened in bathrooms many times, and, while I've never been assaulted, some of my friends have been*) или события в стране сравниваются с опытом зарубежных стран: *The United States took the opposite approach in the past; У нас ситуация диаметрально противоположная; Во многих европейских странах он [туризм] привязан к культуре, событиям. У нас – больше к спорту; В Беларуси в отличие от стран Центральной Европы почти каждый многоэтажный дом является совместным домовладением...* Противопоставление опыта разных стран чаще приводится в русскоязычных текстах.

Таким образом, аналитическая статья как жанр характеризуется не только апелляцией к мнению, но и апелляцией к факту. Приведение примера из жизни, статистики и иных сведений абсолютно необходимо для повышения убедительной силы текста, даже если категория субъективности является его доминантой. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении исследуемых статей из американской и белорусской периодики, носящих сложный характер. Будучи аналитическими по своей сути, они в то же время не являются самостоятельными и могут быть в полной мере восприняты и оценены читателями только в контексте «виртуального спора», разворачивающегося между экспертами из разных сфер деятельности или журналистами издания. При этом сам процесс приведения примера сходен в двух лингвокультурах и характеризуется рядом общих признаков. Во-первых, пример маркируется посредством вводных слов, наречий, существительных с соответствующей семантикой. Во-вторых, в тексте дается указание на исполнителей действий

или участников событий (как правило, некую группу людей, выделенную по тем или иным социальным признакам). В-третьих, авторы текстов на двух языках апеллируют как к собственному опыту, так и чужому. Вместе с тем был выявлен ряд различий, обусловленных лингвокультурной принадлежностью адресанта. Так, для русскоязычных текстов характерна генерализация, отсылка на ситуативные роли участников, обращение к опыту целых государств (в первую очередь, соседних), тогда как англоязычные тексты отличаются большей детализацией в плане приведения статистики, конкретных сведений. Для них также более характерно указание противоборствующих сил, участвующих в конфликтной ситуации, и апелляция к опыту конкретного человека, будь то сам автор статьи или его знакомый.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гришаева, Л. И.* Соотношение эксплицитного и имплицитного в актуальных медиатекстах / Л. И. Гришаева // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г. / редкол.: Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 23–25.
2. *Байдина, В. С.* Свойства медиатекста и свойства социального времени: проблематика отражения и восприятия темпоральности в журналистике / В. С. Байдина // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 105–108.
3. *Мельник, Г. С.* Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 27–29.
4. *Валгина, Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
5. *Сподарец, О. О.* Субъективное и объективное в новостном жанре / О. О. Сподарец // Вестн. Башкир. уни-та. – 2010. – Т.15, №3. – С. 641–643.
6. *Ткаченко, А. И.* Textoобразующая роль модальности в газетной статье / А. И. Ткаченко // Учен. зап. Казан. уни-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153, № 2. – С. 286–291.
7. *Медведева, Е. А.* Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «автор» и «адресат» / Е. А. Медведева, Н. В. Соловьёва // Вестн. Челяб. гос. уни-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 32 (286), вып. 71. – С. 107–111.
8. Современный медиатекст: учеб. пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.

The paper considers appealing to facts as tactics indispensable for opinion articles. A comparison of American and Belarusian printed editions reveals some common principles as well as culturally specific ways of providing examples to illustrate the author's point of view.

Поступила в редакцию 20.09.18

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. И. Бартенева

ЭВОЛЮТИВНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются прямо и косвенно кореферентные номинации в специализированном тексте, которые обозначают изменения, происходящие с объектом в реальности по законам природы или под воздействием человека. Для этого выделяются цепочки данных номинаций, объединяющиеся либо коррелятивными, либо анафорическими отношениями, создающими, в свою очередь, единое эволютивно-референциальное пространство текста. Анализ примеров показал, что, независимо от типа эволюционного референта, номинации цепочки связаны преимущественно косвенной кореференцией, имеющей в своей основе причинную зависимость от смыслового источника. Установлено, что корреляция номинаций оказывается доминирующей для создания семантического единства специализированного текста.

В специализированных текстах описываются объективные изменения внеязыкового/реального референта, за процессом которых человек может наблюдать или принимать в нем непосредственное участие. Эти изменения обозначаются прямо и косвенно кореферентными номинациями, которые объединяются коррелятивно-анафорическими отношениями в единое эволютивное пространство [1, с. 2]. Семантико-синтаксический анализ наиболее логично начинать со специализированных текстов, так как их особенностью является то, что они описывают процессы изменения внеязыкового/реального объекта. «Эволютивный референт предполагает процессуальную динамичность обозначаемого именем объекта, представление в тексте разных стадий эволюции или преобразований последнего и одновременно сохранение идентичности его материальной (природной) сущности» [1, с. 6].

В специализированном тексте по биологии, ботанике, химии, физике, кулинарии или в тексте инструкции по изготовлению чего-либо представление природных законов или целенаправленной деятельности человека ставит разные задачи: ознакомить со стадиями эволюционного процесса; объективно и логично обозначить реакции; дать рекомендации; раскрыть последовательность операций и способы их реализации и т.п.

Биологическая эволюция не зависит от воздействия человека (его физических, умственных, творческих усилий): она является результатом саморазвития: «ensemble des transformations élémentaires des êtres vivants dues aux mutations génériques, en liaison avec la sélection qu'opère le milieu de vie» [2, p. 583].

Текст

(1) *De l'œuf du ver à soie sort une chenille qui se nourrit de feuilles de mûrier. Elle grossit en subissant des mues successives. Son corps est formé d'anneaux. La chenille tisse un cocon où elle reste enfermée à l'état de*

chrysalide. *A l'intérieur du cocon, la chrysalide se transforme en papillon. Après sa sortie du cocon, le papillon pond ses œufs et meurt* (E. Carron) представляет саморазвитие бабочки: яйцо шелковичного червя имеет своей последующей стадией гусеницу, которая прядет кокон и остается какое-то время внутри его в состоянии куколки, а затем куколка превращается в бабочку. После выхода из кокона бабочка способна вновь откладывать яйца (œufs), после чего она умирает: яйцо же дает новое саморазвитие. Коррелятивно-анафорическая цепочка *l'œuf du ver à soie – une chenille – elle – la chenille – un cocon – elle – l'état de chrysalide – du cocon – la chrysalide – du cocon – le papillon – ses œufs* последовательно эксплицирует стадии, каждая из которых предполагает форму, отличающуюся от предыдущей внешне и по функциям: гусеница уже ничем не напоминает яйцо; кокон и по внешнему виду, и по функциям отличается от гусеницы и т.д. И, наконец, появляется бабочка – завершающая стадия биологического процесса, а новое яйцо продолжает саморазвитие. Яйцо как начальная стадия специфична для биологического процесса многих животных и насекомых: «Œuf – corps organique contenant une cellule-œuf ou un embryon, et pondu par les femelles de beaucoup d'animaux» [3, p. 633]. Поэтому в цепочке именно смысловой компонент предопределяет вид как конечный результат:

(2) **Le hanneton** que nous venons de décrire n'a pas toujours été ainsi. Depuis sa sortie de l'œuf jusqu'à ce qu'il devienne un insecte muni d'ailes et de pattes, il subit de grandes transformations (E. Carron).

В коррелятивно-анафорической цепочке *le hanneton – l'œuf – il – un insecte – il* исходная номинация является смысловым компонентом и обозначает эволюционный референт: *майский жук* как вид насекомых.

Исходная номинация может называть и эволютивный референт, но в этом случае начальная стадия его развития уточняется (*l'œuf du ver à soie*). Корреферентные цепочки связаны различными отношениями: *le hanneton – un insecte, l'œuf – une chenille – un cocon – la chrysalide* – коррелятивными; соответственно *le hanneton – il – il; une chenille – elle – elle* – анафорическими. Цепочки квалифицируются как прогрессирующие, передающие референциальные истории эволюции живого существа (например, насекомых – бабочки или жука).

Цикл референциальной истории эволюции земноводного (animal «qui peut vivre dans l'air et dans l'eau» [3, p. 36]) представлен в следующем тексте:

(3) **La grenouille** vit dans l'air et dans l'eau. Elle respire par des poumons. Elle pond des œufs qui donnent naissance à des têtards. Le têtard ne vit que dans l'eau et respire par des branchiers. Il subit des métamorphoses pour se transformer peu à peu en grenouille (E. Carron), где отображены все стадии саморазвития лягушки: яйцо (œuf) дает жизнь головастику (têtard), который, претерпевая метаморфозы (у него появляются лапки, легкие), постепенно трансформируется в лягушку (grenouille). Каждая стадия саморазвития есть переход в новую форму и приобретение новых функций.

Насекомое (*hanneton, papillon, grenouille, fourmi*) не имеет возможности вернуться к предыдущей стадии эволюции. Вместе с тем *майскому*

жуку/бабочке/лягушке/муравью – результату биологической эволюции – свойственна природная обратимость, специфика которой состоит не в воссоздании, а в бесконечном саморазвитии: новое *яйцо* дает жизнь новому организму (ср. *œuf – première cellule d'un être vivant* [4, p. 1301]).

Референциальные биологические истории, создавая семантическую (тематическую) и синтаксическую (формальную) связность специализированного текста: 1) *l'œuf du ver à soie – une chenille – elle – la chenille – un cocon – elle – à l'état de chrysalide – du cocon – la chrysalide – du cocon – le papillon – ses œufs*; 2) *le hanneton – l'œuf – il – un insecte – il*; 3) *la grenouille – elle – elle – des œufs – qui – des têtards – le têtard – il – en grenouille*, дают полную информацию читателю о стадиях эволюции разных представителей насекомых (*бабочки, майского жука, лягушки*).

В тексте, где присутствует экспериментальная история,

(4) *L'hydrogène, en brûlant, a donné de l'eau. L'hydrogène dans cette combustion, se combine à l'oxygène de l'air pour donner de l'eau. Nous pouvons dire encore que l'eau est une combinaison d'hydrogène et d'oxygène* (А.Срос) речь идет об опытном получении *воды*: химический элемент *водород*, сгорая, соединяется с *кислородом*, входящим в состав *воздуха*. Это *соединение* обращается в *воду*. Коррелятивно-анафорическая цепочка включает номинацию, обозначающую сущность реакций, – *соединение*. Таким образом, кореферентная цепочка *l'hydrogène (en brûlant) – l'eau – l'hydrogène – cette combustion – l'oxygène – l'eau – l'eau – une combinaison d'hydrogène et d'oxygène* передает операции химического эксперимента и тем самым – референциальную историю *воды*. Завершающим этапом является обращенный референт *l'eau*: «liquide incolore, inodore, transparent et insipide», «corps composé résultant de la combinaison de deux volumes d'hydrogène à un volume d'oxygène» [3, p. 296].

В тексте

(5) *Dans un petit flacon, mettons un peu de limaille de fer et de fleur de soufre. Bouchons et agitons. Nous obtenons ainsi un mélange. Plaçons le mélange de soufre et de fer dans un tube à essais ou sur une brique et chauffons-le en un endroit. Nous voyons bientôt apparaître un petit point rouge. Retirons la flamme. A la place du fer et du soufre, nous avons maintenant un corps solide, dur, de couleur gris foncé. Le fer et le soufre ne sont plus reconnaissables. Il nous serait impossible de les séparer. C'est vraiment un corps nouveau que nous avons obtenu. Il résulte de l'union ou, comme l'on dit, de la combinaison du soufre avec le fer. On l'appelle sulfure de fer, nom qui rappelle bien qu'il contient les deux substances qui l'ont formé* (А. Срос) дается инструкция для обращения *железа* и *серы* в *сернистое железо*. Смесь двух веществ через нагревание превращается в новое твердое тело с совершенно новой окраской: *железо* и *сера* уже неузнаваемы, их невозможно отделить друг от друга. Вещество *sulfure de fer* – «composé du soufre avec un métal ou un cation complexe» [4, p. 2359] не встречается в природе: это результат опытного соединения двух элементов, поэтому номинация обращенного референта включает обозначения двух элементов.

Коррелятивно-анафорическая цепочка *(de) limaille de fer et (de) fleur de soufre – un mélange – le mélange de soufre et de fer – (chauffons-le) – un petit point rouge – (retirons la flamme) – du fer et du soufre – un corps solide – le fer et le soufre – les – un corps nouveau – il – l'union – la combinaison du soufre avec le fer – la – le – sulfure de fer – il – les deux substances – le* передает более сложную (удлиненную) референциальную историю обратимости двух веществ (*железа и серы*) в одно новое – *сернистое железо*. Основные моменты взаимодействия веществ, их реакций, т.е. перехода в другую форму, отмечены номинациями *le mélange, l'union, la combinaison*. Безусловно, сам эксперимент выполняется человеком, решающими действиями которого становятся *chauffons-le* и *retirons la flamme*. В результате *un petit point rouge* превращается в *un corps nouveau*.

Реакция как физико-химическое взаимодействие между веществами предполагает минимум два вещества (*водород и кислород, сера и железо*), поэтому в коррелятивной цепочке смысловых источника два: их прямой повтор (*l'hydrogène и l'oxygène, le soufre и le fer*) в референциальной истории неизбежен.

Коррелятивно-анафорические отношения предопределены реальной последовательностью и предсказуемостью физических и химических законов как результат реакции: «*réaction – phénomène qui se produit entre des corps chimiques mis en contact et qui donne naissance à de nouvelles substances*» [3, p. 777].

В специальных текстах использование разных наименований живого существа, химического вещества, реакции невозможно: однозначность объекта/операции необходимо сохранить. Следовательно, повторы номинаций обязательны для прозрачности описания процедуры.

Инструктивная, или креативная, история раскрывается в следующем примере:

(6) *D'une page d'un journal j'ai fait un avion de papier* (G. Lakoff).

Номинация *un avion de papier* – *бумажный самолетик* является креативным референтом. *Самолетик* создается из *бумаги (une page d'un journal)*, то есть речь идет о материальной идентичности.

К инструктивному тексту, описывающему разные процедурные операции, относится и «письменное указание для приготовления того или иного блюда» [5, с. 1135], т.е. рецепт. Кулинария – это тоже своего рода наука или искусство.

В тексте с кулинарной историей

(7) *La veille: mettre les pruneaux à tremper dans de l'eau tiède. Etaler le morceau de porc sur la table, le recouvrir de pruneaux, le rouler et le ficeler. Faire revenir les oignons hachés dans le beurre, puis y faire dorer le rôti. Lorsqu'il est bien coloré, mouiller avec le vin blanc, saler, poivrer, ajouter les pruneaux restants couvrir et cuire à feu doux pendant environ 2 h.* (Ch. Esquines) даются инструкции по приготовлению *жаркого*: *кусоч свиной превращается в свиное жаркое* после нескольких операций: *свернуть в рулет, перевязать и слегка поджарить*.

Коррелятивно-анафорическая цепочка *le morceau de porc – le – (recouvrir de pruneaux) – le – (rouler) – le – (ficeler) – (faire dorer) – le rôti – il* передает превращение эволютивного референта *le morceau de porc* в трансформированный *le rôti*.

Цепочку кулинарной истории обеспечивают анафорические отношения: прямо кореферентные местоимения *le – le – le* отсылают к антецеденту *le morceau de porc*, *il* – к новому антецеденту *le rôti*; и коррелятивные: *le rôti* косвенно кореферентно смысловому источнику *le morceau de porc*. Эволютивный референт *le morceau de porc* проходит через определенные операции: повторы местоимения *le – le – le* связывают номинацию эволютивного референта с обозначениями операций (*le recouvrir de pruneaux, le rouler, le ficeler*). Операция *faire dorer* становится решающей, после которой *кусок* туши убитого животного (*свиньи*) превращается в *поджаренный кусок мяса*, употребляемый в пищу. Можно взять *кусок* туши любого животного и приготовить по этому рецепту *мясное блюдо*.

В инструктивном тексте

(8) *Prenez les têtes (de 24 écrevisses), mettez-les par 3 ou 4 dans le mortier, pour les réduire en pâté à l'aide d'un pilon de marbre. Au fur et à mesure qu'elles sont écrasées, portez-les dans une casserole. Quand ce travail est fini, couvrez-les au ras, avec de l'eau de court-bouillon pour les y faire mijoter pendant 20 minutes sur un feu doux. Remuez-les pour que cette pâte se délaie, puis passez au travers d'une passoire-tamis fine posée sur un récipient. Appuyez le résidu (sic) avec le pilon, réservez ce coulis* (Votre cuisine en famille) в кулинарной истории *les têtes (de 24 écrevisses) – les – les – pâté – elles – les – les – les – cette pâte – ce coulis* номинации *les têtes (de 24 écrevisses) – pâté – cette pâte – ce coulis* косвенно соотносятся с одним и тем же эволютивным референтом как результаты разных операций: сами номинации объединены коррелятивными отношениями (следствия).

Повторы местоимений *les – les – les – les – les* становятся указателями на соответствующие обозначения операций – *mettez-les, pour les réduire, portez-les dans une casserole, couvrez-les au ras, les y faire mijoter, remuez-les*. Все местоимения 3-го лица множественного числа синтаксически и семантически связаны с эволютивным референтом и производимыми с ним операциями. Причем даже в соотнесенности *les* с *en pâté/cette pâte* (неисчисляемыми существительными): «Pâté – **préparation** de viande, de poisson ou de légumes hachés» [2, p. 1207]; «Pâte – **substance** de consistance analogue, résultat d'une préparation» [Там же] местоимения указывают на множественное число *les têtes (de 24 écrevisses)*.

Итак, коррелятивно-анафорические цепочки специализированных текстов имеют свое особое тематическое назначение: они передают разные истории – биологическую, экспериментальную, инструктивную (креативную), кулинарную.

Биологическая история создается в основном коррелятивными отношениями номинаций, фиксирующих последовательность стадий развития

с конечным результатом – новым эволюционным референтом: *l'œuf (du ver à soie) – une chenille – (elle) – la chenille – un cocon – elle – du cocon – la chrysalide – du cocon – le papillon.*

Прямо кореферентные анафорические местоимения обеспечивают не только семантическую, но и синтаксическую связь между номинациями стадий.

Экспериментальная история предполагает как минимум два смысловых источника – обозначения эволютивного референта (вещества/элемента) – и включает номинации (заместители глаголов-трансформаторов), фиксирующие момент (реакцию) превращенности эволютивных референтов в один обращенный: *de limaille de fer et de fleur de soufre – un mélange – le mélange de soufre et de fer – (chauffons-le) – un petit point rouge – du fer et du soufre – un corps solide – le fer et le soufre – les – un corps nouveau – il – l'union – la combinaison du soufre avec le fer – la – le – sulfure de fer.*

В данном случае доминируют коррелятивные отношения, указывающие на семантическую связность текста.

В кулинарной истории ключевой номинацией становится обозначение стадии перехода модифицированного референта в трансформированный. Кулинарные кореферентные цепочки предполагают определенные операции человека (в отличие от реакции в экспериментальных): *les têtes d'écrevisses – (mettre) les – les (réduire) en pâté – elles (écraser) – (porter) les – (couvrir) les – les (faire mijoter) – (remuer) les – cette pâte (se délayer) – (réserver) ce coulis.*

Повторы местоимений *le – le – le, les – les – les* свидетельствуют о преобладании анафорических отношений, одновременно передающих семантическую и синтаксическую связность текста и указывающих на необходимость эксплицировать операции человека.

Независимо от типа эволюционного референта номинации цепочки связаны преимущественно косвенной кореференцией, имеющей в своей основе причинную зависимость от смыслового источника: в этом плане корреляция номинаций оказывается доминирующей для создания семантического единства текста.

Семантико-синтаксическая организация специализированного текста обеспечивается логической взаимообусловленностью линейных коррелятивно-анафорических отношений языковых знаков. Формируемые ими кореферентные цепочки отражают природную повторяемость и последовательность стадий биологической эволюции живых существ (их необратимость, но закономерность саморазвития); регулярность повторения и следования операций приготовления того или иного блюда или поделки; наконец, регулярность действия физических и химических законов как реакции обратимости природных (минимум двух) веществ/элементов в одно новое вещество, в один новый элемент. Именно такая закономерность процессов, имеющих место в объективной действительности, их автономность (стадии эволюции), независимость от человека (эксперименты, реакции, инструкции по изготовлению поделки), предписание способов

приготовления разных блюд (рецепты) предопределяет и правила формирования коррелятивно-анафорических цепочек языковых знаков, обеспечивающих семантическую и синтаксическую целостность специализированного текста.

Преимущественно прогрессивный характер коррелятивно-анафорических цепочек в специализированных текстах, прямой повтор и закономерность предсказуемости линейного расположения номинаций практически исключают творческую активность производителя текста. Однозначность референциального образа (растение, животное, бумага, пластик, газ, лед, яблоко, картофель и т.д.) требует терминологических номинаций, обозначающих родовидовое единство, зависимость биологических стадий, химических элементов, материальное единство [1, с. 9].

В специализированном тексте коррелятивно-анафорические цепочки, отражая закономерности преобразований природных объектов, передают биологические, экспериментальные, инструктивные (креативные) и кулинарные истории и включают номинации стадий развития эволютивного лингвистического референта, его химических реакций или операций, производимых человеком, конечным результатом которых являются номинации эволюционного, обращенного, модифицированного (креативного) или трансформированного лингвистического референта [1, с. 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартенева, И. И.* Эволютивное пространство коррелятивно-анафорических отношений в текстах современного французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / И. И. Бартенева; МГЛУ. – Минск, 2007. – 22 с.
2. *Dictionnaire Hachette encyclopédique / réd. J.-P.Mével (réd. en chef) [et d'autres].* – Paris: Hachette, 2001. – 1858 p.
3. *Dictionnaire encyclopédique pour tous. Nouveau Petit Larousse en couleurs / C.Dubois (réd. en chef) [et d'autres].* – Paris: Librairie Larousse, 1971. – 1680 p.
4. *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le Petit Robert / préface par P. Robert, réd.: A. Rey [et d'autres].* – Paris: Le Robert, 1977. – 2174 p.
5. *Советский энциклопедический словарь / редкол.: А. М. Прохоров (гл. ред.) [и др.].* – М. : Сов. энцикл., 1974. – 1600 с.

This article deals with the particular qualities of the evolving and referential continuity of the texts of biology, chemistry, the texts of recipes, instructive texts, etc. The transformations of the referent in these texts can be done by nature (caterpillar → butterfly) or by man (potatoes → puree). The question is whether the referent remains the same, a new referent appears or whether this is the same referent with modifications, i.e. an evolving referent.

Поступила в редакцию 31.08.2018

Е. П. Бобрикова

СИСТЕМНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

В статье исследуется потенциал внутренней формы слова и деривационных семантических моделей в систематизации лексики на материале английских лексем со значением неопределенного количества в ретроспективном диахроническом освещении. Рассмотрены случаи народной этимологизации и семантических сдвигов, предпринята попытка уточнить этимологию слов с использованием деривационных семантических моделей. В заключение делается вывод о прогностическом и системообразующем потенциале деривационных семантических моделей.

Факт системности языка уже давно никто не подвергает сомнению. По мнению Д. Н. Шмелева, «требование системного изучения лексики стало почти аксиомой» [1, с. 14]. Еще в 30-х годах XX в. Л. В. Щерба называет лексику «системой слов» [2].

В начале XX в. Г. Пауль, хотя и отрицал закономерность системных семасиологических явлений, высказывал мнение о том, что «если история развития значений слов станет когда-нибудь самостоятельной отраслью науки, то она должна будет самым тщательным образом исследовать эти соотношения. Таким образом, и здесь находит свое подтверждение наше основное положение, что отдельные языковые явления можно исследовать только при постоянном учете всей совокупности языкового материала, что только таким путем можно прийти к познанию причинной связи» [3, с. 17]. Русский ученый М. М. Покровский неоднократно отмечал системность лексики, подчеркивая то, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью», а объединяются в различные «группировки» по основанию сходства или противоположности, а слова в данных группах имеют сходные семасиологические изменения и могут влиять друг на друга [4, с. 82].

Тот факт, что лексика – система упорядоченная, со своими законами и внутренними отношениями, признает большинство современных лингвистов (Ю. Д. Апресян, Р. А. Будагов, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.). Такая системность проявляется в распределении лексики по частям речи, т.е. по лексико-грамматическим классам; в синонимических и антонимических рядах (лексико-семантических и предметно-тематических группах); в словообразовании и в дистрибутивных и семантических связях [5, с. 14]. Система языка есть «скрытая реальность, которая находится в сознании человека и дана ему эмпирически» [6]. Она включает в себя весь инвентарь языковых единиц, представленных системно на разных уровнях, и обладает определенными механизмами внутри- и межуровневых отношений. Системность лексики представляется сложной и порою противоречивой. Цель статьи – показать прогностические и системные возможности деривационных моделей на примере народной этимологизации и случайных семантических сдвигов. Актуальность обусловлена ретроспективным диахроническим подходом к материалу, представ-

ленному английскими субстантивными лексемами с количественным значением, которые рассматривались в диахронии с целью выявления деривационных моделей. Методом сплошной выборки были отобраны лексемы с интегральной семой неопределенного количества. С помощью дефиниционного, компонентного и корпусного анализа была изучена семантика лексем.

Теоретической базой послужили идеи Г. Пауля о вторичной семантизации слов [3], Г. Стерна, С. Ульмана, теория семантических прототипов Д. Геераертса [7], «семантический закон» Г. Шпербера, работы таких ученых, как Ю. Д. Апресян, В. В. Виноградов, Е. Л. Гинзбург, И. А. Стернин, Д. Н. Шмелев, А. Е. Супрун, которые изучали механизмы возникновения переносного значения и их влияние на всю лексико-тематическую группу слов.

В настоящее время все больше внимания уделяется изучению семантики с обращением к диахронии, и негласный запрет «на использование данных истории языка при синхронном анализе оказался преодолен: ведь, в конечном счете, постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» [8, с. 325]. Еще В. В. Виноградов подчеркивал, что в «синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на его будущее развитие» [9, с. 17]. Именно изучение истории слова, по мнению Е. С. Яковлевой, может «помочь в уяснении его смысла, закономерностей употребления и на синхронном уровне не нуждается в особых доказательствах» [10]. «Старое» знание помогает нам представить и понять новое, поэтому используемые понятия и значения при усвоении и понимании нового служат не более как «смысловыми знаками» (согласно А. А. Потебне) этого нового содержания, позволяющими нам представить и понять воспринимаемый предмет со всеми имеющимися в этом восприятии или представлении признаками. Внутренняя форма слова – это мысль в действии, направленном на представление, понимание и познание нового явления; это поступательное движение мысли. Можно предположить, что развитие лексической семантики действительно обусловлено внутренней формой слов, что, в свою очередь, отражается на деривационных моделях. Если бы модели деривации обладали абсолютной продуктивностью, то «семантика лексем позволяла бы предсказать парадигму семантической деривации, единую по крайней мере для тематического класса или подкласса» [11, с. 151]. Одной из продуктивных деривационных моделей является модель семантических сдвигов, которые осуществляются по аналогии и закладываются этимологией и внутренней формой. Роль аналогий в семантике выражается в логичном упорядочении значений синонимичных слов и слов одного тематического класса. Например, когда по каким-либо причинам общество утратило в своем сознании связь слова с его этимологией, то носители языка стремятся объяснить его через уже известное им представление, опыт. Такая произвольность толкования может привести к *народной этимологии* – преобразованию слов в сторону их сближения с другими словами, которые представляются (в силу сходства значений, формы или различных ассоциаций) родственными [12, с. 596–597].

Народная этимологизация часто наблюдается при заимствованиях «чужой», «непонятной» лексики, когда наивное сознание «с трудом воспринимает то, что «в различных языках для обозначения одной и той же вещи применяются совершенно различные звуковые комплексы» [13]. Об этом явлении упоминал еще Ф. де Соссюр, подчеркивая, что в нем «обнаруживаются попытки приблизительного объяснения малопонятного слова путем сопоставления его с чем-либо хорошо знакомым» [14]. Народная этимология выступает только в исключительных случаях и затрагивает лишь редкие слова, технические термины или заимствования из других языков, с трудом осваиваемые говорящими. Не удивительно, что механизм такой этимологизации «одинаков для самых разных культур» [13]. Случаи закрепления народной этимологии в узусе немногочисленны. Можно предположить, что слово в какой-то степени имеет возможность «восстановить» некоторое утраченное или «угасшее» значение по аналогии благодаря своей внутренней форме и моделям семантической деривации. Аналогичное развитие слов считается рациональным, обоснованным, в то время как народная этимология несет в себе иррациональное начало и «действует на авось» [14]. Ф. Соссюр сравнивал явления народной этимологизации и процессы аналогии с «забвением» и «воспоминанием», поскольку эти феномены в языке отличаются тем, что именно лежит в основе анализа, а в остальном они одинаково используют «предоставляемые языком элементы» [14].

Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что аналогия (по Г. Стерну) и явления народной этимологии (по Г. Ульману) представляют собой типы семантической деривации [15].

В истории английского языка были случаи, когда в силу народной этимологии слово «теряло» связь с внутренней формой, однако со временем оно «выравнивало» свое развитие под влиянием модели семантической деривации и аналогии.

Рассмотрим развитие семантики английской лексемы *tempest*. Она произошла от латинского слова *tempestās* ‘погода, шторм’ [16], поэтому существовала вероятность того, что лексема сразу начала бы развивать свою семантику по аналогии с синонимичными единицами по модели ‘ветер, гроза (шквалистые природные условия) → резкие порывы, движения → беспорядки, волнения → множество, совокупность людей (неодобр.)’. Таким образом, лексема *tempest* вследствие народной этимологизации имеет отличающуюся от типичной деривационную модель: ‘шквалистый ветер, порыв → резкие движения → период времени → ураган → движущаяся толпа (неодобр.)’ [16].

В XIII в. в семантику английской лексемы *tempest* входила сема ‘ветер, воздушные массы’ и факультативные семы ‘осадки’ и ‘гроза’. В XIV в. она имела значение ‘волнение, беспорядки’ [16]. В конце этого же века вследствие народной этимологии из-за сходства со словом лат. *tempus* ‘время’ лексема приобретает новое значение ‘время, период, случай’, однако оно вскоре становится неактуальным, устаревшим, и дальнейшего развития этого

ЛСВ не происходит. Постепенно семантика слова «выравнивается» и развивается по ожидаемой, спрогнозированной модели. Так, в XVI в. лексема обозначает такое явление, как *thunder-storm* (досл. ‘гром и *шторм*, ураган’), что указывает на возвращение к этимологическому значению языка-донора, а в XVIII в. происходит метафоризация семантики лексемы: развивается количественная номинация множества людей с негативной оценкой: ‘хаотичная толпа, толчея; сборище; яростно настроенная толпа’ [16].

Таким образом, если народная этимологизация не находит широкого употребления и поддержки языкового коллектива, то семантика лексемы стремится эволюционировать по деривационной модели, подсказанной внутренней формой слова, его этимологией и принадлежностью к определенной лексико-тематической группе. Развитие по деривационным моделям может не только задать тенденцию изменения семантики слова, но и определить его дальнейшее функционирование и сочетаемость: «изначальная принадлежность лексем к единой когнитивной области, определяемая общностью их внутренней формы, в дальнейшем программирует их развитие и словообразование» [17, с. 181].

Случай, когда при сдвиге доминантной семы семантика «перестраивается» на новую деривационную модель, можно проиллюстрировать на примере английской лексемы *tide*, семантика которой соответствует деривационной модели: ‘промежуток времени → прилив/отлив моря → наплыв или поток чего-либо’.

Изначально в семантической структуре лексемы доминантной была сема ‘время’. По мнению И. А. Стернина, семы в составе значения могут актуализироваться, ослабляться или усиливаться, расщепляться, конкретизироваться, модифицироваться и т. д. [18, с. 106–121]. В данном случае с XIV в. доминантная сема ‘время’ была тесно связана с обозначением времени прилива и отлива морей, т.е. с семой ‘движение жидкости’, что, вероятно, произошло под влиянием средненижненемецкой лексемы *getide* ‘движение моря’ [16], которая также существовала в виде заимствования в английском языке того периода. Как следствие, постепенно произошел сдвиг доминантной семы на компонент значения ‘движение жидкости’, что отразилось на дальнейшем развитии семантической структуры лексемы и ее функционировании: лексема *tide* «переняла» модель развития лексем с интегральной семой ‘движение жидкости’ и стала развиваться по аналогии с группой лексем с примарным природным значением, объединенных интегральной семой ‘движение жидкости’, наметилась тенденция к метафорической номинации количества. Такие лексемы, как *current, flood, torrent, afflux* и др., осуществили метафорический квантитативный перенос значения в период Средневековья, как и синонимичная лексема *tide* (нач. XVI в.), которая также переняла некоторые их синтагматические свойства. Например, стали допустимыми сочетания с одушевленными существительными для обозначения неопределенного количества: *The tide of men swelled with added numbers* (Наплыв людей возрастал и преумножался) [19].

Внутренняя форма позволяет прогнозировать пути семантического развития, в то время как деривационные модели осуществляют это семантическое преобразование. Утрата связи с внутренней формой есть «отсутствие внутриязыкового “ключа” к употреблению слова» [20].

Изучение этимологии и внутренней формы слов, а также выявление деривационных моделей может прояснить некоторые вопросы происхождения того или иного значения слова. Проиллюстрируем потенциал семантической деривационной модели количественных лексем совокупности: ‘территория; место, где находится группа одушевленных лиц или предметов или выполняется какое-то действие → совокупность’. Сравним эволюцию семантики лексем *commune* и *camp*.

Лексема *commune* была заимствована из французского языка в XVIII в. в значении ‘территориальное деление после революции’, а само французское слово восходит к среднефранцузской единице, имевшей значение ‘свободный город и жители в нем’, первое употребление которой приходится на XII в. Собственно значение совокупности (‘община, простолудины, третье сословие’) появляется в семантике английской лексемы *commune* в начале XIX в. Следует отметить, что смысловая структура французского слова восходит к значению латинского субстантивированного прилагательного *communia* ‘то, что общее’, и представление об общности сопровождает семантическую эволюцию как французской лексемы, так и английской. Таким образом, семантика лексемы *commune* развивалась по модели ‘территория → совокупность лиц (пренебр.)’.

По модели ‘место, пространство, территория → совокупность людей и/или вещей’ развивается группа из 23 лексем: *allocation, barracks, camp, bench, fund, gallery, forum, colony, conclave, bourgeoisie, tribe, town, village, lobby, hamlet, massacre, slaughterhouse, estate, field, place, room, slum, space* (в современном английском в их смысловой структуре есть сема ‘совокупность’), – в этимологии, во внутренней форме которых заложена пространственная сема и сема ‘общности одушевленных и/или неодушевленных предметов на данной территории’.

В словарной статье Оксфордского словаря (OED) [16] лексемы *camp*₁, *camp*₂, указаны как омонимичные, однако нам думается, что это стадии эволюции одного и того же многозначного слова. На такой вывод подталкивает выше описанная деривационная семантическая модель (по аналогии с лексемой *commune* и др.). Сравним семантические структуры данных омонимов и обоснуем предположение о роли семантических моделей в прояснении лексикографических и этимологических вопросов.

По данным словаря OED, лексема *camp*₁ появилась в результате заимствования в древнеанглийский период древнегерманского слова *kampf* ‘бой, сражение, состязание’, которое было германизированной адаптацией латинского слова *camp(-us)*, содержащего в семантике значения ‘поле боя или сражения’ и ‘дуэль, сражение, борьба, война’. Ф. Клуге настаивал на прагерманском происхождении лексемы *camp*₁ и ставил под сомнение связь семантики английской лексемы с латинской, поскольку германские племена имели и без того много слов, обозначающих войну, сражение, и им незачем

было заимствовать еще один синоним [16]. Таким образом, модель эволюции семантики лексемы следующая: ‘? Поле боя → бой, сражение, война (X) → спортивная игра с участием большого количества людей (XVII)’.

Лексема *camp*₂ была заимствована из французского языка, и ее значение восходит к латинскому слову *campo, campus* ‘поле для игр, тренировки’. По одной из версий Э. Литтре, лексема имеет нормандский корень, происходя от слова *champ*, однако данное предположение не подтверждается лингвистическими фактами [16]. Изучив эволюцию семантики данной лексемы по материалам словаря OED, можно вывести модель: ‘место дислокации военных подразделений; военное подразделение, солдаты, живущие и передвигающиеся вместе; лагерь, временное проживание людей; толпа, армия доводов, аргументов; поле, пространство, поверхность (XVI) → военная служба (XVIII) → совокупность людей, проживающих вместе (сер. XVIIIв.) → совокупность людей, приверженцев какой-либо доктрины, теории (XIX) → лагерь (людей) (XX)’.

Как видно, на входе в деривационной модели представлено несколько значений, однако общими для них являются семы ‘место’ и ‘люди’. Начиная с XVIII в. лексема *camp*₂ активно формирует сочетания и употребляется атрибутивно.

Вероятно, данные омонимы генетически связаны, о чем свидетельствует их семантическое развитие и интегральные семы совокупности. Это позволяет вывести для данных лексем общую модель деривации: ‘Место → место и люди на данной территории → совокупность людей (по какому-либо признаку) → совокупность лиц’.

В табл. 1 приведен сравнительный анализ лексем *camp*_{1,2}, который наглядно демонстрирует их семантическую близость.

Т а б л и ц а 1

Сравнительный анализ лексем *camp*_{1,2}

Лексема	Этимология	X в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	XIX в.
<i>Camp</i> ₁	‘Поле боя’	‘Бой, сражение’		‘Спортивная игра с участием большого количества людей ’		
<i>Camp</i> ₂	‘Поле’ ?		‘Место дислокации военных и военные’, ‘толпа, армия доводов’, ‘пространство’		‘Военная служба’, ‘ Совокупность людей , приверженцев какой-либо идеи’	

Омонимы могут возникать при расхождении их семантики в процессе развития языка. Поэтому внутренняя форма таких слов может быть одинакова, однако их значения могут очень сильно разойтись, из-за чего теряется связь этих слов. Процесс разграничения полисемии и омонимии не прозрачен, иногда лексикограф колеблется при установлении того, имеет ли он дело с одним словом или двумя, с полисемией или омонимией [21].

Таким образом, лексемы *camp*_{1,2} содержат в своей внутренней форме сему 'территория', и в ходе эволюции их семантика пополнялись семой 'совокупность лиц'. При этом данные совокупности имеют смысловые привязки: совокупность лиц связана с определенной территорией или характеристикой группы лиц.

В Оксфордском словаре лексема *camp*₃ также помечена как омоним, при этом никаких этимологических и иных исторических данных не указано. Ее происхождение до сих пор не установлено, вероятно, это диалектное слово [16]. В XVIII в. в семантике данной лексемы было только одно значение 'куча, из картофеля или репы, конической формы или в виде гребня горы, покрыта соломой или почвой для хранения на зиму', т.е. совокупность предметов на определенном месте, укрытых для хранения. Однако сравнительный анализ деривационных процессов трех лексем дает нам возможность предложить гипотезу о происхождении лексемы *camp*₃. Ее единственное значение 'совокупность предметов определенной формы для хранения' развилось в семантике данной лексемы или на основе метонимического переноса от значения 'совокупность людей, проживающих вместе', принадлежащего семантике лексемы *camp*₂, которое было зафиксировано уже в XVII в. (1); или, если предположить, что *camp*₃ имеет общую этимологию с лексемами *camp*_{1,2}, то значение развилось от этимологической пространственной семы 'поле, территория' (2).

В первом случае номинация переносится с совокупности лиц на предметы. Данная деривация семантики слов нетипична, однако в редких случаях можно наблюдать такую деривацию, особенно при дифференциации синонимов и «лексической борьбы» исконных лексем с заимствованиями. Например, смысловая структура лексемы совокупности *throng* развивалась именно в таком направлении: 'толпа людей, давка (XIV) → большая совокупность **предметов** (XVI) → большое количество **вещей** или абстрактных понятий (работы, дел)'. Подобное развитие наблюдается у лексемы *crowd*: 'толпа, толчея (XVI) → большое количество **вещей** (XVII) → большая совокупность людей или **предметов**'.

Если предположить, что пространственная сема 'поле' была мотивирующей, то деривация семантики лексемы *camp*₃ основывается на метонимическом переносе: 'поле' как пространство или место для хранения и складирования.

В любом случае есть вероятность того, что и лексема *camp*₃ не является омонимом по отношению к лексемам *camp*_{1,2}. Сравнительный анализ деривации лексем представлен в табл. 2.

Сравнительный анализ деривации лексем *camp*_{1,2,3}

Лексема	Этимология	X в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	XIX в.
<i>Camp</i> ₁	‘Поле боя’	‘Бой, сражение’		‘Спортивная игра с участием большого количества людей ’		
<i>Camp</i> ₂	‘?Поле’		‘Место дислокации военных и военные’, ‘толпа, армия доводов’, ‘пространство’		‘Военная служба’, ‘ Совокупность людей , проживающих вместе’	‘ Совокупность людей , приверженцев какой-либо идеи’
<i>Camp</i> ₃	‘?’				‘ Куча овощей особой формы’	

Дальнейшее развитие значения ‘совокупность предметов определенной формы’ в семантике лексемы *camp*₃ не наблюдалось, поскольку, в отличие от лексем *camp*_{1,2}, сема ‘вертикальная форма’ ограничивает ее сочетаемостные возможности с семой ‘лицо, одушевленный предмет’ [22].

В результате диахронического ретроспективного анализа стало возможным прояснить некоторые лексико-семантические явления, этимологические лакуны, «восстановить пропущенные звенья мотивационных процессов» [17, с. 180] на примере слов со значением неопределенного количества. Благодаря выявлению семантических моделей деривации обнаруживается системный характер лексики, в том числе подчеркивается системность диахронии. Исходное значение слова, этимон, его внутренняя форма являются «памятью» [23], которая влияет на употребление слова, пути его семантического развития. Алгоритмы семантических переходов помогут спрогнозировать тенденции изменения значений в «чистом», прототипическом виде при условии отсутствия случайных факторов. При каких-либо «сбоях» в развитии семантики слов (народная этимологизация, коррупция значения или случайные экстралингвистические сдвиги) будет по возможности происходить «систематизация» значений согласно логическим структурам человеческого сознания, которые в лингвистике выражаются в виде аналогичных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики : на материале русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
2. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука. Ленинград. отд-ние, 1974. – С. 265–304.
3. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 470 с.
4. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
5. Черкасова, Е. Т. История лексики русского языка конца XVII – начала XIX века / Е. Т. Черкасова. – М. : Наука, 1981. – 134 с.
6. Бондаренко, Е. В. Эволюция языковой системы в диахронии / Е. В. Бондаренко. – Белгород: Логия, 2005. – 150 с.
7. Geeraerts, D. Diachronic Prototype Semantics / D. Geeraerts. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 224 p.
8. Плунгян, В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. – М. : Рус. словари, 1998. – Вып. 36. – С. 324 – 386 с.
9. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // История слов / В. В. Виноградов. – М. : Толк, 1994. – С. 5–38.
10. Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопр. языкознания. – М. : Наука, 1998. – № 3. – С. 43– 73.
11. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 607 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
13. Алпатов, В. М. Народная лингвистика в Японии и России / В. М. Алпатов // «Народная лингвистика» : взгляд носителей языка на язык. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 7–10.
14. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М. : УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.
15. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 19–20.
16. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [at al.]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2007. – 1 CD-ROM.
17. Кожина, А. А. Когнитивная лингвистика и этимология / А. А. Кожина // Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik-Славянские языки в когнитивном аспекте / Т. Анштат, Б. Норман. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2010. – S. 179–196.
18. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.

19. British National Corpus [Electronic resource] / Oxford Univ. Computing Services; Univ. of Oxford, 2009. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Date of access : 07.12.2017.
20. Григорян, О. Аспекты мотивированности и функционирования слова / О. Григорян // *Вопр. языкознания* [Электронный ресурс]. – М. : Наука, 1980. – № 2 – Режим доступа : [http://raber.asj-oa.am/2712/1/1980-2\(32\).pdf](http://raber.asj-oa.am/2712/1/1980-2(32).pdf). – Дата доступа : 28.03.2017.
21. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // *Новое в лингвистике*. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.
22. Бобрикова, Е. П. Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество» / Е. П. Бобрикова // *Учен. зап. УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сб. науч. трудов*. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – Т. 20 – С. 301–308.
23. Зализняк, А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // *Вопр. языкознания*. – М. : Наука, 2001. – № 2 – С. 13–25.

The article looks at the potential of words' inner form and derivational semantic models and their capability to systematize the vocabulary, which is illustrated with English lexemes denoting fuzzy numbers and uncertain quantities seen from a retrospective and diachronic approach. The research examines the cases of folk etymology and semantic shifts. An attempt has been made to clarify etymology of some words by means of derivational and semantic modeling. The article concludes that derivational semantic models may possess a prognostic and system-generative potential.

Поступила в редакцию 10.07.18

С. В. Кондракова

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАКОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИЧАСТНЫХ УНИВЕРБОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье раскрывается сущность семантики причастных универбов, эквивалентных по своему содержанию целым предложениям, выявляются семантико-синтаксические типы связи между компонентами этих сложных слов. Установлено, что особенности семантики композитных причастий обуславливают специфику их функционирования в художественном тексте, где они служат для различных прагмакоммуникативных целей.

Мотивированные предикативными комплексами *причастные универбы* эквивалентны по своему содержанию целым предложениям и могут рассматриваться как универбированные синтаксические словосочетания [1, с. 242]. Если тесная связь словообразования с синтаксисом очевидна в сфере сложных слов, то в единицах-универбах она особенно ярко выражена, поскольку речь идет о комплексных наименованиях, явно отражающих определенные синтаксические отношения между их составляющими. В этих образованиях

и усматривается мощное средство перекаатегоризации единиц, осуществляющееся через универбализацию синтаксических конструкций [2, с. 211], в результате чего достигается «выражение одним словом (производным или сложным) комплекса значений, передаваемых ... сочетаниями слов» [3, с. 261]. Это значит, что естественным итогом процесса универбации становится конденсированная семантика в виде «компрессии информации» [4, с. 123], «сжатия развернутого содержания» [5, с. 24], компактного выражения, согласно П. Ф. Поленцу, многочленных синтаксических связей в одном слове (“durch kompakten Ausdruck mehrgliedriger syntaktischer Verbindungen in einem einzigen Wort”) [6, S. 178].

Содержание номинации конденсирует значение высказывания таким образом, что «структуру многих производных можно рассматривать как своеобразное свертывание в семантическую компрессию иного синтаксического целого» [1, с. 233]. В результате подобной семантической конденсации высказываний появляются именные «гиперзнаки», позволяющие «употреблять целые предложения как прилагательные или существительные и вводить их в этом новом качестве в другие предложения» [7, с. 256].

Что касается лексического значения, то формально оно образуется у этих причастий из соединения значений компонентов. Но подлинная семантика единиц, ведущих свое начало от синтаксических сочетаний, значительно сложнее. И эта сложность предопределяется тем, что за синтаксическим сочетанием, являющимся по существу строительным блоком предложения, стоит семантико-синтаксическая структура целого предложения, в условиях которого блок сочетания сформировался, чтобы впоследствии универбироваться. Раскрытие такой структуры осуществляется, как это принято в языкознании последних десятилетий, через восстановление глубинной структуры предложения, фактически аргументного состава его предиката, представленного в основе причастия соответствующим глаголом.

Как и предложение, универб является номинативно-языковым эквивалентом определенной ситуации действительности. В нем заложена структура, которая повторяет до известной степени структуру внеязыковой ситуации. «Внеязыковая ситуация состоит из некоторого события (процесса, действия, состояния, свойства) и его партиципантов (участников). В семантическом представлении такую внеязыковую ситуацию отражает пропозиция, состоящая из предиката и его аргументов» [8, л. 5]. Иными словами, ситуация разложима на элементы, соотносимые с логическими коррелятами, которых и представляют в анализе предикат и аргументы или глубинные падежи.

К настоящему времени разработаны многочисленные наборы аргументов, очень разные содержательно и количественно, но априори возможно отобрать и принять за основу такой перечень, который вместил бы все характерные семантико-синтаксические роли. Он представляется в следующем виде: *агентив* – инициатор, производитель действия; *субъектив* – одушевленный носитель стательного и процессуального признака; *бенефактив* – участник, в пользу которого или в ущерб которому совершается действие; *экспериенсив* – одушевленный участник, воспринимающий совершаемое действие; *элементив* – неодушевленный производитель действия, неодушевленный субъект состояния; *объектив* – реальность или сущность, подверга-

ющаяся воздействию (изменению); *пацентив* – одушевленный объект воздействия или отношения; *фактитив* – объективная сущность, становящаяся в результате действия психическим или физическим состоянием; *инструментатив* – средство осуществления действия (или процесса); *каузатив* – мотив, причинный фактор действия; *локатив* – место или направление действия; *темпоратив* – временной ориентир действия, процесса, состояния; *компаратив* – объект для сравнения; *комплементив* – квалификатор семантики предиката; *финитив* – целевой ориентир.

Ретрансформация причастных универбов в соответствующие словосочетания и дальнейшее развертывание в предложения выявляют расхождения между этими сложными словами и их прототипами. Анализ позволяет вскрыть наличие в универбах, в отличие от развернутых синтаксических конструкций, имплицированных значений и выявить семантико-синтаксические типы связи между их компонентами, обуславливающие структурно-семантическую емкость этих единиц языка. Основными типами внутренних отношений оказываются объектный, субъектный, инструментальный, каузальный, компаративный и т.п.

Главным номинативным поводом для появления обсуждаемого типа причастных слов в художественном тексте служит формирование метасодержания через единицы с насыщенной семантической информацией, обогащаемой в контексте образностью и экспрессивностью. Это отражено даже в примерах, взятых изолированно от контекстов: *zähneklappernder Tag, dunstgeschwängerte Stadt, blumengesprenkelte Wiese, lebensentscheidende Trennung, eisenbenagelter Schritt, windüberatmete Straße, mädchenklirrende Nächte, sonnenbrennende Straße, blaubeschneite Augenhöhlen*. Все эти единицы-универбы являются окказиональными образованиями, отвечающими сущности данного стиля, т.е. заключенной в нем мотивации образного воздействия на реципиента. Именно такие окказиональные слова способны генерировать в тексте, наряду с содержательной актуальностью, интенционально стимулируемую экспрессивность, а также нести в себе собственное оценочное отношение [9, л. 57]. Сказанное подтверждают нижеследующие фрагменты, представляющие уже контексты функционирования единиц:

(1) *So oder so ähnlich verlieben unsere Nachmittage, Abende und Nächte während meines Wienaufenthaltes. Bis zu jenem Montagmorgen um sechs Uhr, als wir beide von einem **herz- und nervenzerreibenden** Alarmgeläut aufgeweckt wurden* [J, S. 201].

(2) *Die Künstler der Stadt liefen inzwischen wie **märchenverlorene** Kinder von einer Theke zur anderen und suchten ihre alten Hoffnungen, aber jetzt spielte eine andere Musik, da war Verzweiflung und Resignation* [F, S. 166].

В первом контексте это универбы *herzzerreibend* и *nervengerreibend*, созданные параллельно на метафорической основе. Ими предопределяется перлокутивный эффект всей информации, т.е. ее воздействие на адресата. Выстраивание информации таково, что начало имеет объективно констатирующий характер со спокойно-позитивной тональностью, конец же снабжен контрастной эмоциональной тональностью с негативной оценочностью,

которой отмечены названные универбы. Именно сильно воздействующее смысловое звено, размещенное ближе к концу, автор облакает в структурную модель причастных универбов с функцией определения. И каждое образующееся через атрибутивную связь словосочетание (по сути их два) концентрирует глубинную предложенческую семантику, объединяющую действие – *zerreiben*, интенсивность и необратимость которого эксплицируется префиксом *zer-*, неодушевленного инициатора действия – *Geläut* (аргумент элементив), мотив действия – *Alarm* (аргумент каузатив) и объект направленного действия – *Herz, Nerven* (аргумент экспериенсив). Прагматика же этого сложного семантического комплекса, создающего образ, обеспечивается метафорой.

Во втором контексте в начало помещен универб, созданный на основе образного сравнения, а смысловая необычность атрибутивного словосочетания *märchenverlorene Kinder*, подчеркивая состояние собственной потерянности описываемых лиц, служит призмой, через которую просматривается конец фрагмента, дающий причинную мотивацию такого состояния – *Jetzt spielte eine andere Musik*. В самом словосочетании как смысловом звене заключена глубинная структура предложенческой семантики с действием в ее ядре – *sich verlieren*, субъектом – носителем состояния *Kinder* (аргумент субъектив) и местом действия – *im Märchen* (аргумент локатив). Прагматика же этого звена идет от сравнения *Künstler wie Kinder*, и развитие перлокутивного эффекта проходит по всему контексту.

В рассмотренных контекстах звеньями оценки объектов ситуативного события со стороны производителя речи (автора или описываемого им лица) служат выделенные универбы, они же являются и ключом к ее раскрытию со стороны реципиента речи.

Важным номинативным поводом к созданию рассматриваемых единиц в художественном тексте может быть потребность привнесения дополнительной информации в отдельные участки основной смысловой линии развертывания контекста, хотя для художественного текста понятие дополнительной информации чаще весьма условно. Например, при описании того или иного предмета и лица значимыми могут стать различные добавляемые признаки с целью создания многоплановой характеристики. Как реализуют себя в этом плане причастные универбы, демонстрируют текстовые фрагменты:

(1) *Desgleichen gehörten, neben dem Notwendigsten in einem **strohgeflochtenen** Koffer, ein Laib Brot, ein Einmachglas voller Schwarzsauer vom Schwein und ein Netz Äpfel zu ihrem Gepäck* [G, S. 116].

(2) *Er hatte sich, ich wusste nichts davon, schon Tage zuvor von Postmeister Couvet Schneereifen ausgeliehen und war mit den **holz- und schnurbestückelten** Flächen querfeldein aufgebrochen, einer **selbstaufferlegten** Tradition folgend, an jedem Jahresletzen eine große Wanderung zu unternehmen* [J, S. 147].

В обоих контекстах дополнительная информация затрагивает признаки не самих описываемых лиц, а используемых ими предметов и привычек, для характеристики которых эффективными единицами являются как раз универбы. Их смысловая насыщенность очевидна: сочетание с универбом *strohgeflochtener Koffer* есть результат сжатия семантики предложения

Jemand hat den Koffer aus Stroh geflochten с восстанавливаемой глубинной структурой: действие – *flechten*, агентив – *jemand*, инструментатив – *Stroh*, объектив – *Koffer*. В словосочетаниях с параллельными универбами *holzbestückelte Flächen*, *schnurbestückelte Flächen* концентрированная семантика структурирована аналогично, но при этом агентив эксплицирован в поверхностной структуре – *er*, тогда как в первом фрагменте он не эксплицируется, хотя подразумевается как производитель действия *flechten*. Слово сочетание *selbstaufgelegte Tradition* имплицитно семантику предложения *Er erlegte die Tradition sich selbst auf*, которая в свою очередь имплицитно опирается на глубинную структуру действия *auflegen*, агентив – *er*, объектив – *Tradition*, локатив *sich selbst*. Во всех этих употреблениях универбы создают нужный смысловой эффект, маркируя значимые в ситуациях предметы (*Koffer*, *Flächen*) и привычки (*Tradition*), без взаимодействия с образностью и экспрессией, будучи окрашены нейтрально-стилистической тональностью.

Если в рассмотренных примерах причастные универбы реализуют с синтаксической точки зрения функцию согласованного определения, то в двух далее следующих примерах это уже иная функция, реализуемая несогласованным предикативным определением:

(1) *Der Fahrer saß kopfschüttelnd hinter der Zeitung, die Glatze bewegte sich hin und her, was in der Welt doch so alles geschah* [F, S. 31]; ср.: *Der Fahrer saß hinter der Zeitung, wobei er den Kopf schüttelte...* Или: *Der Fahrer saß hinter der Zeitung und schüttelte dabei den Kopf.*

(2) *Der Versammlungsleiter rief händeringend: “Meine Damen, meine Herren...”* [K, S. 215]; ср.: *Der Versammlungsleiter rief, wobei er die Hände rang.* Или: *Der Versammlungsleiter rief und rang dabei die Hände.*

Оба контекста выстроены каждый вокруг определенного лица, для характеристики действия которого употреблены причастные универбы в постпозиции к существительному-лицу. Они осуществляют двойную синтаксическую связь, определяя и лицо, и производимое им действие или состояние: *der kopfschüttelnde Fahrer* + *der Fahrer saß kopfschüttelnd* – в первом примере; *der händeringende Versammlungsleiter* + *der Versammlungsleiter rief händeringend* – во втором примере. Глубинная структура семантики основообразующих предложений одинакова: *Der Fahrer schüttelte den Kopf*; *Der Versammlungsleiter rang die Hände*. Она включает действие – *schütteln*, агентив – *der Fahrer*, объектив – *der Kopf*; действие – *ringen*, агентив – *der Versammlungsleiter*, объектив – *die Hände*. Благодаря концентрации смысла в обоих случаях достигается очень выпуклая характеристика того и другого лица в динамике описываемой ситуации. Именно черта динамичности, присутствующая несогласованному определению, способствует выпуклости образа, определяя прагматический компонент содержания.

In dem turbulenten Durcheinander nahm Gertrud mit dem Mut und der kühlen Alltagsvernunft der Unbezahlten ein Paket blutgetränkter Geldscheine vom Sekräter, ging zur Bankfiliale an der Ecke, sagte, sie habe sich mit dem großen Küchenmesser geschnitten, die Bankangestellten sahen nur das Blut und tauschten die Scheine rasch um [F, S. 242].

Ранее, в предтексте, была представлена следующая информация:

Als ein Päckchen einmal die Treppe herabfiel, sah sie auf einer aufgerissenen Seite Geldscheine... Der Graf blieb sitzen und äußerte mokant: Alles Irdische ist nur ein Gleichsinn, setzte elegant die Mündung einer perlmuttbesetzten Pistole an die Grafenkrone auf seiner Brust und drückte ab. Das Blut spritzte weit [F, S. 241].

Становится понятной анафорическая направленность продуцируемой причастным универбом связи. Это как раз случай, когда с точки зрения номинации поводом создания универба явилась способность таких единиц сжимать информацию, которая была развернута ранее. Компрессированный способ языкового именованя актуален, как было показано, и сам по себе, но он становится еще более актуальным за счет того, что единицы «впитывают» дополнительные семантические компоненты, обусловливаемые контекстом [10, S. 25–28]. Иначе говоря, эксплицитно выражаемые компоненты значения переходят в имплицитные, делая возможным увеличение объема семантики в связи с появлением имплицитных значений, часто активизируемых «содержательно-подтекстовой информацией» [11, с. 28]. Это полностью относится к универбу *blutgetränkt*, прямо «вырастающему» из предшествующей информации. И в этом новом контексте словосочетание *blutgetränkte Geldscheine* основывается на гиперболе как эффективном стилистическом средстве, использование которого, несомненно, отвечает интенции автора – произвести сильное воздействие именно этим звеном информации на адресата текста. Словосочетание опирается в импликации на предложение *Jemand tränkte Geldscheine mit Blut*, а предложение имплицитно структурировано: действие – *tränken*, агентив – *der Graf*, объектив – *Geldscheine*, инструментив (средство) – *Blut*.

Как правило, заключая в себе пропозиции с левосторонней коммуникативной направленностью, анафорически ориентированные единицы указывают на предыдущее содержание и тем самым связывают смысловые отрезки текста, в то же время вбирая в себя образность и экспрессию. Создание таких образований диктуется не только необходимостью восстановить информацию, которая на данном участке текста отмечена низкой степенью коммуникативного динамизма, но и подчеркнуть ее особую актуальность.

Итак, в художественном тексте причастные универбы служат выполнению в глобальном аспекте текста различных прагмакоммуникативных заданий: во-первых, они формируют метасодержание посредством семантически объемных номинаций; во-вторых, они передают дополнительную информацию во взаимодействии с образностью и экспрессивностью; в-третьих, формально-структурно универбы осуществляют принцип экономии – достижение сжатости, концентрированного представления глубинного пропозитивного комплекса в поверхностной структуре высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация: Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 222–303.

2. Харитончик, З. А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование / З. А. Харитончик; редкол.: А. В. Зубов (отв. ред) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2004. – 367 с.
3. Гак, В. Г. Лексическое значение слова / В. Г. Гак // Языкознание. Большой энцикл. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : БРЭ, 1998. – С. 261–263.
4. Харитончик, З. А. Производность, мотивированность и системность лексических единиц / З. А. Харитончик // Словообразование и лексические системы в разных языках. – Уфа, 1996. – С. 123–128.
5. Глушак, Т. С. Номинационный потенциал субстантивного композита в немецком языке / Т. С. Глушак, М. А. Черкас // Номинация и словообразование: сб. науч. ст. / отв. ред. Е. В. Розен. – Калинин: КГУ, 1989. – С. 20–26.
6. Polenz, P. V. Wortbildung / P. V. Polenz // Lexikon der Germanistischen Linguistik : Studienausg / hrsg. Н. Р. Althaus, Н. Henne, Н. Е. Wiegand. – 2., vollst. neu bearb. u. erw. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – S. 169–180.
7. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
8. Швидкая, Л. В. Семантические и синтаксические особенности субъекта вторичной предикативности (на материале причастий II современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. В. Швидкая. – Киев, 1995. – 141 л.
9. Баталов, О. Г. Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. Г. Баталов. – Н. Новгород, 2004. – 242 л.
10. Polenz, P. V. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / P.v. Polenz. – 2., durchges. Aufl. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1988. – 392 S.
11. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 144 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

F – *Forte, D.* Auf der anderen Seite der Welt / D. Forte. – Frankfurt a. Main: Fischer Verl. GmbH, 2004. – 343 S.

G – *Grass, G.* Der Butt / G. Grass. – 1. Aufl. – Göttingen: Steidl Verl., 1993. – 645 S.

J – *Jungk, P. S.* Die Unruhe der Stella Federspiel / P.S. Jungk. – 2. Aufl. – München: Paul List Verl., 1996. – 242 S.

K – *Kant, H.* Die Aula / H. Kant. – 1. Aufl. – Berlin: Aufbau-Verl. GmbH, 1995. – 463 S.

The present article reveals the nature of the semantics of participial univerbes, equivalent in content to whole sentences. The analysis shows the semantic-syntactic types of connection between the components of the complex words. The peculiarities of the semantics of composite participles predetermine their specific functioning in the fictional text in which they perform various pragma-communicative tasks.

Поступила в редакцию 25.09.18

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ В БИБЛИИ ЛЮТЕРА

В данной статье речь пойдет о весьма распространенном, но недостаточно исследованном классе самостоятельных причастий немецкого языка, а именно – субстантивированных. Особенности их функционирования описаны в современном немецком языке, однако историческое развитие этого класса слов осталось за пределами внимания ученых, что делает актуальным настоящий анализ.

Статья посвящена исследованию семантических особенностей указанного вида грамматического явления. В процессе работы над проблемой осуществлен семантический анализ данного класса слов, в результате чего удалось сделать вывод об особенностях их функционирования в Священном Писании.

В качестве источника текстовой выборки послужил перевод Библии, сделанный Мартином Лютером, заложившим начало становлению современного литературного немецкого языка [1].

Для перевода Нового Завета Мартин Лютер использовал греческий корпус *Textus Receptus*¹, ветхозаветные тексты же он переводил, опираясь преимущественно на древнееврейский текст. Все субстантивированные причастия Библии реформатора были соотнесены с аналогичными позициями первоисточников, в результате чего для некоторых из них были найдены полные или частичные семантические соответствия. При этом было выявлено, что некоторые из исследуемых единиц вовсе не имеют указанных соответствий в текстах-первоисточниках.

В процессе рассмотрения названных признаков субстантивированных причастий в Священном Писании на основе принципа семантических соответствий появились основания для разделения всех причастных субстантивов на следующие группы:

1) причастные субстантивы, семантически полностью совпадающие с аналогичной лексемой первоисточника;

2) причастные субстантивы, имеющие в качестве соответствия синонимичные единицы;

3) субстантивированные причастия, не имеющие соответствий в тексте первоисточника.

В первую группу причастий вошли 23 единицы (25 %), среди них такие, как *die Berufenen* ‘призванные’ – *κλητοῖς* ‘призванным, званным’ (Откр. 17, 14); *zum Gefährten* ‘к спутнику’ – *συνέκδημος* ‘спутник’ (2Коринф. 8, 19); *den Gekreuzigten* ‘распятого’ – *ἑσταυρωμένον* ‘распятого’ (Ев. от Матф. 28, 5); *die Sterbenden* ‘умирающие’ – *ἀποθνήσκοντες* ‘умира-

¹ Также для анализа адъективированных причастий в настоящей статье используется не только вышеназванный греческий первоисточник, в исследование включены также LXX (Septuaginta) [2] и «The Greek New Testament» под редакцией К. Аланда [3], представляющий собой наиболее точное издание Нового Завета.

ющие' (2Коринф. 6, 9); *die Beschnittenen* 'обрезанные' – פְּרָעִים 'обрезанных' (Иер. 9, 25); *das Gemästete* 'упитанное, откормленное' – פְּרָעִים 'откормленных' (Иез. 34, 3); *den Nackenden* 'голового, нагого', – עָרְוִים 'голый, нагой' (Иез. 18, 16); *die Trunkenen* 'пьяные, опьяненные' – שִׁכְּוִים 'пьяный' (Притчи 26, 9); *die Verfluchten* 'проклятые' – לְלֹאֵי 'проклятые' (4Цар. 9, 34), – *κατηραμένοι* 'проклятые'¹ (Ев. от Матф. 25, 41); *die Zerstreueten* 'рассеянные' – עָרְוִים 'рассеянный' (Ис. 11, 12).

Некоторые примеры являются убедительным свидетельством использования для перевода древнееврейского текста. Так, в одном из стихов встречаем причастную форму *den Beraubten* 'ограбленного' (Иез. 24, 12), причем в тексте Вульгаты в этой позиции представлена форма *oppressum* 'угнетенных'. Однако в масоретском тексте здесь использована пассивная форма породы *Qal* глагола לָבַד 'грабить'. Аналогичным примером является причастие *der Geliebte* 'возлюбленный' (Ис. 41, 8), имеющее соответствие в Вульгате *amicus* 'друг, приятель', однако в масоретском тексте здесь причастие породы *Qal* от глагола אָהַב со значением 'любимый, возлюбленный'. Лютер также использовал это причастие в Новом Завете (Ефес. 1, 6; Колосс. 3, 12) для перевода греч. *ἠγαπημένοι* 'возлюбленный'.

Заслуживает отдельного внимания следующий случай синонимии: причастию Библии Лютера *den Gelehrten* 'мудрым' в древнееврейском тексте соответствует существительное חָכֵם переводимое как 'мудрец' (Дан. 2, 27). В указанных стихе и главе Вульгаты присутствует лексема *sapientes* с аналогичным значением 'мудрый'. В настоящий момент рассматриваемое причастие *der Gelehrte* входит в состав словарей и имеет значение 'ученый' [4, с. 365]. Функционирование в тексте немецкого реформатора в значения 'мудрый' связано с историческим значением причастия, отраженного словарем средневерхненемецкого языка: *gelêret* [5, S. 103], переводимого на современный немецкий язык как *weise* – 'мудрый' [4, с. 952]; *erfahren* – 'опытный, сведущий' [Там же, с. 278], *gebildet* – 'образованный' [Там же, с. 351], *belesen* – 'начитанный' [Там же, с. 147]. Как видно, первое значение, отраженное историческим словарем, полностью соотносится со значением слов в корпусах текстов-первоисточников. Значение 'образованный' является лишь третьим из возможных, при этом именно оно имеет общую сему с современным значением рассматриваемого причастия и расходится со значением причастия исследуемого немецкого корпуса.

Опираясь на приведенные примеры, можно утверждать, что часть причастий в тексте Библии Лютера возникает в качестве полных семантических эквивалентов для лексем древнееврейского текста, а также греческого *Textus Receptus*.

Далее приведены примеры субстантивированных причастий, выраженных в греческом тексте-первоисточнике синонимичными по отношению

¹ Здесь и в дальнейшем при анализе причастий, встречающихся как в книге Ветхого, так и в книге Нового Завета, приводятся соответствия из древнееврейского и древнегреческого текстов-первоисточников соответственно.

к немецким причастиям единицами и отнесенными в результате проведения классификации ко второй группе, их количество составляет 57 единиц (62 %).

К причастным субстантивам данной группы относятся: *der Allerverachtetste* ‘ненавидимый, презираемый всеми’, соответствие в древнееврейском тексте: $\text{לְכָל־אָדָם וְלְכָל־בְּשָׂר}$ ‘презираем и отвергнут всеми людьми’ (Ис. 53, 3); *die Besessenen* ‘одержимые, помешанные’, соответствие в греческом первоисточнике: $\delta\alpha\iota\mu\omicron\nu\iota\zeta\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma$ ‘одержимых бесами’ (Ев. согл. Матф. 4, 24); *die Erschlagenen* ‘убитые’ соответствие в древнееврейском тексте: $\text{לְכָל־אָדָם וְלְכָל־בְּשָׂר}$ ‘пронзенный, пораженный, убитый’ (Числа 23, 24); *vor Ersticktem* ‘от задушенного’, соответствие в греческом первоисточнике: $\pi\nu\iota\kappa\tau\acute{o}\nu$ ‘удушенный, удушенный, задушенного’ (Деян. 21, 25); *des Erwählten* ‘избранника’ соответствие в древнееврейском первоисточнике: בְּיָדֵינוּ ‘избранный’ (2Цар. 21, 6); *die Gefallenen* ‘павшие’, соответствие в древнееврейском тексте: לְשָׂרֵי ‘падающий’ (Иов, 4, 4); в греческом первоисточнике: $\acute{\alpha}\sigma\theta\epsilon\nu\omicron\upsilon\nu\tau\acute{\alpha}\varsigma$ ‘находящийся в слабости’ (Колосс. 1, 10); *Gehaßte* ‘презираемые’, соответствие в древнееврейском тексте: $\text{לְכָל־אָדָם וְלְכָל־בְּשָׂר}$ ‘быть ненавидимым’ (Ис. 60, 15); *der Gehenkte* ‘повешенный’, соответствие в древнееврейском тексте: לְשָׂרֵי ‘повешенный’ (2Цар. 21, 13); *den Geladenen* ‘приглашенного’, соответствие в греческом первоисточнике: $\kappa\epsilon\kappa\lambda\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota\varsigma$ ‘званным, приглашенным’ (Ев. от Луки 14, 17); *den Gereinigten* ‘очищенного’, соответствие в древнееврейском тексте: $\text{לְכָל־אָדָם וְלְכָל־בְּשָׂר}$ ‘быть очищенным’ (Лев. 14, 8); *die Gesandten* ‘посланники’, соответствие в греческом первоисточнике: $\pi\epsilon\mu\tau\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota\varsigma$ ‘посылаемым’ (Ев. от Луки 19, 32); *kein Gesäuertes* ‘ничего квашеного’, соответствие в древнееврейском тексте: לְשָׂרֵי ‘квасной хлеб’ (Второзак. 16, 3); *sein Gespeietes* ‘его заплеванное’, соответствие в древнееврейском тексте לְשָׂרֵי ‘блевотина’ (Притчи, 26, 11); *mit Gesticktem* ‘вышитым’, соответствие в древнееврейском тексте לְשָׂרֵי ‘узорчатый, вышитый’ (Иез. 16, 13); *der Schriftgelehrte* ‘книжник; законник’, соответствие в греческом первоисточнике: $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\acute{\epsilon}\upsilon\varsigma$ ‘книжник’ (Ев. от Матф. 2, 4), а также $\nu\omicron\mu\omicron\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\alpha\lambda\omicron\iota$ ‘законоучители’ (Ев. от Марка 1, 22); в древнееврейском тексте: לְשָׂרֵי ‘писец’ (Ис. 33, 18). Принимая во внимание все значения, фигурировавшие в текстах-первоисточниках, можно сделать вывод о том, что в данном случае Лютер путем создания сложного субстантивированного причастия передал общее значение слова, но не его структуру.

Во вторую группу субстантивированных причастий входят также *die Überbliebenen* ‘оставшиеся, оставшиеся в живых’, לְשָׂרֵי ‘остаток, уцелевшее’ (Соф. 2, 9), которым в греческом первоисточнике соответствует существительное: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\mu\mu\alpha$ ‘остаток’ (Римл. 11, 5); *den Unbekannten* ‘незнакомо́го’, соответствие в греческом первоисточнике: $\acute{\alpha}\gamma\upsilon\omicron\sigma\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ ‘неизвестные’ (2Коринф. 6, 9); *ein Ungeachteter* ‘неуважаемый’, соответствие в древнееврейском тексте $\text{לְכָל־אָדָם וְלְכָל־בְּשָׂר}$ ‘быть ненавидимым, презираемым’ (Дан. 11, 21); *Ungeschicktes* ‘неловкое, неумелое, нерасторопное’, соответствие в греческом первоисточнике: $\acute{\alpha}\tau\omicron\pi\omicron\nu$ ‘неуместное, непристойное, плохое’ (Ев. от Луки 23,

41); *das Ungesäuerte* ‘незаквашенное’, соответствие древнееврейском тексте לֶחֶם מֵיֶמֶע ‘опресноки, пресный хлеб’ (Судьи 6, 20); *dem Unterdrückten* ‘угнетенному’, соответствие древнееврейском тексте: גִּבּוֹל ‘угнетенный, подавленный’ (Ис. 1, 17); *der Verschnittene* ‘обрезанный’, соответствие в древнееврейском тексте: существительное $\text{ד' הַבְּנִיחַ$ ‘бевнух’ (Ис. 56, 3).

К единицам второй группы также можно отнести субстантивированное причастие *das Versmachtete* ‘изнемогающее, умирающее’. Значение основообразующего глагола отражает словарь средневерхненемецкого языка: *versmahten* [5, S. 415] с соответствующим значением в современном немецком языке *versmachten* – ‘томиться ожиданием; изнывать (от тоски); умирать (от жажды, от жары)’ [4, с. 920].

Так, в тексте Библии Лютера данное субстантивированное причастие находит отражение дважды:

(1) *...komme ich in die Stadt, so liegen da vor Hunger Versmachtete...* (Иер. 14, 18) ‘Я вхожу в город, где лежат умирающие от голода’ (здесь и далее перевод наш. – Т. Л.).

В соответствующей позиции древнееврейского текста присутствует словосочетание $\text{סוֹכְרוּשֵׁי אֶרֶץ מִצְרָיִם}$ ‘страдающие от голода’. В данном стихе реформатор, как видно из примера, использует причастие с зависимыми словами *vor Hunger Versmachtete* ‘измученные от голода’ для максимально точной передачи словосочетания греческого корпуса.

Во втором примере у Лютера появляется причастие *das Versmachtete*, воссоздающее значение греческого слова κατακλινησεν ‘сокрушенного’ (Зах. 11, 16):

(2) *Denn siehe, ich werde Hirten im Lande aufwecken, die das Versmachtete nicht besuchen...* ‘Потому что я разбужу пастухов на земле, которые не посещают сокрушенного...’.

Во втором стихе нет зависимых слов, но в обоих примерах причастные единицы реализуют значение, основное содержание которого сводится к словам *измученный, сокрушенный*.

Универсальность контекстной реализации характерна для причастной единицы *vom Gebackenen*¹ ‘от печеного’. Следует отметить, что в исследуемом корпусе данное причастие выполняет универсальную функцию, выражая при этом различные оттенки значений, о чем свидетельствуют приведенные ниже контексты:

(3) *Will er aber kein Speisopfer tun vom Gebackenen im Ofen...* ‘Он не хотел приносить жертву от печеного в печи...’ (Лев. 2, 4);

(4) *Ist aber dein Speisopfer etwas vom Gebackenen in der Pfanne...* ‘Если же твоя жертва что-то от печеного на сковороде...’ (Лев. 2, 5).

Причастию из первого примера в греческом корпусе соответствует словосочетание $\text{לֶחֶם מִבְּנֵי הַתּוֹרֵן}$ ‘печеное в печи’ (Лев. 2, 4), в то время как на месте

¹ В словаре современного немецкого языка существует субстантивированное причастие *das Gebackene* и переводится как ‘печенье; хлебобулочные изделия, выпечка’ [4, с. 349].

второго словосочетания в указанном источнике присутствует словосочетание *לֶחֶם מִן הַמִּזְבֵּחַ* ‘жертва, печеная на сковороде’ (Лев. 2, 5). Как видно, оба словосочетания являются синонимами.

В двух следующих примерах рассматриваемое субстантивированное причастие реализует иные оттенки значения:

(5) *Sie sprach: So wahr der HErr, dein GOtt, lebet, ich habe nichts Gebackenes ohne eine Handvoll Mehls im Kad und ein wenig Öl im Kruge...* ‘Она сказала: «Живет Господь – Бог твой, у меня нет ничего печеного без горсти муки в сосуде и небольшого количества масла в кувшине»’ (3Цар. 17, 12);

(6) *...doch mache mir am ersten ein kleines Gebacknes davon und bringe mir’s heraus; dir aber und deinem Sohn sollst du danach auch machen...* ‘Но сделай мне немного печеного и вынеси мне, затем сделай то же самое для себя и сына своего’ (3Цар. 17, 13).

Для первого из приведенных причастий в Textus Receptus присутствует соответствие в виде слова *לֶחֶם* ‘печеное, выпечка’ (3Цар. 17, 12), для второго – *לֶחֶם* ‘лепешка’ (3Цар. 17, 13). В двух приведенных стихах речь идет о синонимах, при этом очевиден факт семантического расхождения в тексте-первоисточнике с двумя приведенными выше примерами.

В результате изложенного можно говорить о том, что Лютер в тексте своего Священного Писания наделяет универсальностью абстрактное причастие *das Gebackene* ‘печеное’, о чем свидетельствуют приведенные примеры контекстуальной реализации.

Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что перечисленные лексические единицы Библии Лютера хоть и не являются полными эквивалентами греческим, все же обозначают синонимичные понятия.

Далее приведены причастия, имеющие в греческом корпусе *синонимичные значения*, при этом синонимия не столь очевидна, как в проиллюстрированных выше примерах, в связи с чем они требуют дополнительного толкования.

Причастному субстантиву *sein Gepflühtes* ‘вспаханное’, в используемом в качестве источника верификации древнееврейском корпусе соответствует словосочетание *וַיָּשֶׂה אֶת הַיָּגוּד עַל שֵׁינוֹ* ‘положил тяготы на спину нашу’ (Псалт. 65, 11). В данном случае синонимия обусловлена значением, заложенным в основу причастия однокоренным существительным (основообразующий глагол в словаре средневерхненемецкого языка не зафиксирован) *pfluo*, *pflûc*, *pflües*, *pflûc*, имеющем в современном немецком языке значение *Pflug* – ‘плуг’; *Pflüger* – ‘пахарь’ [5, S. 245].

Следующей единицей, причисленной в ходе анализа ко второй группе, является субстантивированное причастие *den Verlassenen* ‘покинутым, оставленным’, имеющее в Textus Receptus значение *זָרְקוּ* ‘быть оставленным’. Несмотря на различие единиц по принципу активности-пассивности действия, обе лексемы имеют общую сему.

Свои семантические особенности проявляет и причастие *dieser Rasende* ‘этот неистовый, бешеный; буйный’. В греческом корпусе текста ему соответствует словосочетание *זָרְקוּ* ‘сумасшедший, безумный, неистовый’.

В данном случае смысловое соответствие лексем обусловлено существовавшими историческими значениями основообразующего глагола (непосредственно причастие *rasend* в словарях отсутствует). Итак, за основообразующим глаголом закреплены следующие значения: *râsen* [5, S. 192], что переводится на современный немецкий язык как *toben* бушевать; неистовствовать; свирепствовать; шуметь, буйствовать [4, с. 843], *rasen* 'неистовствовать; безумствовать; буйствовать, бушевать'; '(бешено) мчаться, нестись' [Там же, с. 685]. Присутствуют в одном из включенных в исследование словарей такие значения для глагола *râsen*, *rôsen* [5, S. 259], как *verrückt sein* 'быть сумасшедшим' [4, с. 910], *toll sein* 'быть сумасшедшим, безумным' [Там же, с. 844].

Принимая во внимание значение исторических словарей, можно констатировать реализацию данным причастием одного из возможных значений, соотносящихся семантически с аналогичной позицией Textus Receptus.

Заслуживает более детального рассмотрения и следующий случай синонимии – субстантивированное причастие *ein Verlobter* (Судьи, 13, 5), имеющее в современном немецком языке значение 'обрученный, жених'. В Textus Receptus в аналогичной позиции встречается слово $\eta\eta$ 'назорей', то есть обещанный на служение [2, с. 856]. В данном случае особый интерес вызывает механизм формирования семантики указанной причастной единицы в современном немецком языке. В качестве причастия данная единица фиксируется уже историческим словарем: *verlobet* [5, S. 409], при этом дефиниция для единицы отсутствует, однако толкуется значение основообразующего форманта: *verloben*, *vorlaben* [Там же], переводимое на современный немецкий язык как *aufgeben* – 'отказываться' [4, с. 92], *verzichten auf* – 'отказываться от чего-либо' [Там же, с. 920], *verbieten* – 'запрещать' [Там же, с. 894], *versprechen* – 'обещать; обручиться' [Там же, с. 914]. Вероятнее всего одно из возможных значений образующего форманта, а именно *versprechen* – 'обещать; обручиться' послужило поводом выбора причастия *verlobet* [5, S. 409] для передачи значения греческого словосочетания. Здесь также есть основание предполагать, что появление указанного причастия в Библии Лютера в данном значении обусловило формирование его основной семантики в современном немецком языке.

К третьей группе субстантивированных причастий относятся единицы, не имеющие в Textus Receptus семантических соответствий. Данная группа включает в себя 5 причастий, что равно 5,4 %.

Среди них можно выделить субстантивированное причастие *dem Benannten* 'именованному; нареченному', не имеющее в тексте Textus Receptus соответствия.

(7) *Ausgenommen der Priester Feld, das kaufte er nicht; denn es war von Pharao für die Priester verordnet, daß sie sich nähren sollten von dem Benannten, das er ihnen gegeben hatte; darum durften sie ihr Feld nicht verkaufen* (Быт. 47, 22) 'За исключением поля священников, которое он не покупал, поскольку оно было назначено фараоном священникам, чтобы священники смогли прокормиться благодаря названному, которое было им отдано, поэтому им не разрешено было продавать поле'.

В древнееврейском корпусе существительному *das Feld* ‘поле’, встречающемуся у Лютера дважды, соответствует лексема רֶחֶל ‘участок, удел’ (Быт. 47, 22), под которым и понимается земельный участок. Как видно, в аналогичном стихе греческого первоисточника соответствующее существительное занимает две позиции.

Здесь появляется основание для предположения, что реформатор использует субстантивированное существительное *dem Benannten* во втором случае во избежание лексического повтора. Известно, что ранний нововерхненемецкий период символизирует становление национального литературного языка. «В течение этого периода создаются первые предпосылки для развития общенационального литературного языка, новой и на сегодняшний день существующей формы языка» [6, с. 189]. Приведенный выше пример наглядно демонстрирует участие Мартина Лютера в его формировании. Как известно, «...в отношении выбора лексики и словотворчества Лютер – смелый, оригинальный мастер языкового творчества» [Там же, с. 203].

Есть в корпусе случай семантического несовпадения, обусловленный антонимией: соответствием причастному субстантиву из Библии реформатора *der Verkaufte* ‘проданный’ в *Textus Receptus* является лексема τετιμημένον ‘оцененный’. В данном примере устанавливается явление конверсивной антонимии, связанной с названием взаимобратимых процессов.

В результате анализа *Textus Receptus* перечисленным выше причастным субстантивам не было найдено ни полных синонимов, ни частичных соответствий.

Среди рассматриваемых причастных единиц выделены причастия, которые в силу особенностей употребления невозможно отнести ни к одной из выделенных групп, в результате чего они *выходят за рамки разработанной классификации*. Было насчитано 7 субстантивированных причастий указанного типа, то есть 7,6 % от общего количества причастных субстантивов. К выделенным единицам относится субстантивированное причастие *dem Verborgenen* ‘тайному, скрытому’, встречающемуся в тексте Библии Лютера 14 раз, при этом 7 причастий из 14 не имеют даже частичных соответствий в греческом корпусе. Таким образом, наличие синонимов в текстах-первоисточниках отмечено у 7 причастий: ἡ κρυπτή ‘тайна, тайно’ (Ис. 45, 19; Ев. от Матф. 6, 6), ἐν τῷ κρυπτῷ ‘в тайном’ (Ев. от Матф. 6, 4; Ев. от Иоанна 7, 4; 18, 20); $\text{τὰ κρυπτὰ τῆς καρδίας αὐτοῦ}$ ‘тайное сердца его’ (1Коринф. 14, 25). Важным является факт присутствия в историческом словаре причастия *verborgen* [5, S. 402] с характерными для него значениями в современном немецком языке: *verborgen* – ‘скрытый; невидимый; тайный; неизвестный; сокровенный’ [4, с. 895], *versteckt* – ‘замаскированный; незаметный; скрытый; тайный’ [Там же, с. 915]; *unsichtbar* – ‘невидимый’ [Там же, с. 881]; *geheim* – ‘тайный, секретный; скрытый, затаенный’ [Там же, с. 359], *heimlich* – ‘тайный, секретный; негласный; скрытый; сокровенный’ [Там же, с. 428]. Здесь Мартин Лютер при написании текста Библии выбирает подходящее по смыслу и выражающие необходимые оттенки значений, соотносящиеся со словосочетаниями греческого корпуса. Ввиду всех перечисленных факторов видится целесообразным вынесение анализируемой причастной единицы за рамки классификации.

Свои особенности функционирования в исследуемых священных текстах имеет и субстантивированное причастие *das Geheiligte* – ‘священное, святое’, имеющее в двух стихах семантическое соответствие: ה' ש' ק' י' ה' ‘быть освященным; святить, освящать’ (2Паралип., 31, 6), ש' ק' י' ה' ‘святыня, святое, священное’ (Иез. 48, 18). При этом в тексте Библии Лютера встречается восемь фиксаций данного причастия, в то время как в первоисточнике соответствие наблюдается лишь в двух позициях.

Не во всех позициях текста-первоисточника имеет семантический эквивалент субстантивированное причастие *die Gefangenen* ‘заключенные, узники’. При общем количестве фиксаций – 35. Семь причастий из книг Ветхого Завета не имеют соответствий (2Цар. 23, 11; Псалт. 69, 34; Псалт. 146, 7; Ис. 1, 27; Иез. 11, 24; Иез. 11, 25; Дан. 5, 13). Во всех остальных контекстах данное причастие представлено синонимимами: ה' ק' י' ה' ‘быть заключенным’ (Быт. 39, 20), ה' ק' י' ה' ‘узник, пленник’ (Быт. 39, 22), ה' ק' י' ה' ‘пленение, узник, пленник’ (Числа 31, 12).

В результате анализа семантических особенностей субстантивированных причастий в Библии Лютера можно сделать следующие выводы. Прежде всего, очевидно формирование современной семантики многих причастий в указанный период исторического развития языка. Благодаря применению разработанной для указанной группы единиц классификации удалось установить следующие семантические особенности анализируемых причастных субстантивов: в исследуемом историческом тексте преобладают субстантивированные причастия, выраженные в греческом тексте-первоисточнике синонимичными по отношению к немецким причастиям единицами и отнесенными в результате проведения классификации ко *второй* группе, их количество составляет 57 единиц (62 %). Далее следуют причастные субстантивы, семантически полностью совпадающие с аналогичной лексемой первоисточника, их количество составляет 23 единицы (25 %). Самой немногочисленной является группа субстантивированных причастий, не имеющих соответствий в тексте первоисточника, она представлена пятью причастиями, что равно 5,4 %. Есть среди исследуемых единиц и те, которые в силу особенностей функционирования невозможно отнести ни к одной из указанных групп, в исследуемом корпусе текста их количество равно семи, что составляет 7,6 % от общего количества причастных субстантивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Luther, M. Biblia* [Электронный ресурс] // Die heilige Schrift. Text der unrevidierten Lutherbibel 1545. Altes Testament. – Режим доступа : <http://www.zeno.org/Literatur/M/Luther,+Martin/Luther-Bibel+1545>. – Дата доступа : 08.06.2018.
2. *Rahlfs, A. Septuaginta* / A. Rahlfs – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. – 941 S.
3. *The Greek New Testament* / K. Aland [et al.]. – 3rd ed. – Stuttgart : United Bible Societies, 1983. – 926 p.
4. Большой немецко-русский словарь / К. Лейн [и др.]. – 13-е изд. стер., – М. : Рус. яз. ; Медиа, 2006. – 1038 с.

5. *Beate, H. Kleines mittelhochdeutsches Wörterbuch / H. Beate. – Tübingen : Max Niemeyer Verl., 2007. – 499 S.*

6. *Москальская, О. И. История немецкого языка : учебник для ин-тов и фактов иностр. яз. / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1977. – 210 с.*

The article is devoted to the analysis of the substantivized participles and their semantics in Luther's Bible. It deals with the participles in their historical development. At the end of the article some relevant conclusions about the research issue are made.

Поступила в редакцию 28.06.18

Л. П. Морозова, В. В. Устинович

О СРЕДСТВАХ ФОКАЛИЗАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ УСТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

В статье рассматривается содержание понятий *фокус* и *фокализация* в их соотношении с понятиями *рема* и *рематизация*. На основании семантико-прагматического критерия – наличия/отсутствия особой пресуппозиции и дополнительных коннотаций – проводится разграничение фокуса и рематического ядра. Демонстрируется сложный характер взаимодействия синтаксической структуры и просодических характеристик при формировании фокуса во французском устном высказывании.

Изучение коммуникативной структуры (КС) высказывания, начало которому положила теория актуального членения предложения В. Матезиуса, получило новый толчок с развитием исследований дискурса. Одновременно это привело к еще большей терминологической неоднозначности в описании ее компонентов. В зависимости от научной школы два компонента, которые в работах В. Матезиуса определены как «исходная точка» и «ядро ситуации», получают соответственно разные наименования: *тема (топик)* и *рема (фокус, комментарий)*. Существующие чисто терминологические различия осложняются тем, что для описания коммуникативной структуры высказывания некоторые ученые, например М. Росси, используют четыре термина (*тема, топик, рема, фокус*), различая тему и топик, рему и фокус [1].

Исследования последних лет, выполненные на материале спонтанной речи, дополнили терминологический аппарат новыми понятиями, такими как *кулиса* (Е. В. Падучева), *преамбула, рамка, пострема* (М.-А. Морель, Л. Данон-Буало), которые требуют осмысления с точки зрения их соотношения с традиционной двухкомпонентной коммуникативной структурой.

В рамках данной статьи наше внимание будет сосредоточено на понятиях *фокус* и *фокализация*. В современной лингвистике для наименования компонента, который в работах В. Матезиуса определен как «ядро ситуации», в качестве синонимов используются, как уже было сказано, термины *комментарий, рема, фокус*. Если различия между *комментарием* и *ремой* носят чисто терминологический характер, то за понятиями *рема* и *фокус* (фокализация) скрывается, в зависимости от автора, разное содержание.

В интерпретации ряда исследователей, в особенности принадлежащих к британской традиции, под фокализацией понимаются «способы иерархизации информации в высказывании и выдвигание информации X на передний план» (перевод наш, если не указано иное. – Л. М., В. У.) [1, р. 117]. В таком случае фокализация и вытекающее из нее понятие *фокус* могут иметь значения, тождественные рематизации и реме (1), если рема понимается как то, что сообщается об исходном пункте высказывания (теме), или означать локальное выделение (2), т.е. подчеркивание отдельного информативно значимого слова:

(1) (*Que pouvez-vous dire à propos de Benoît Hamon?*) *Benoît Hamon est un vrai candidat de gauche* ‘(Что вы можете сказать о Бенуа Амоне?) Бенуа Амон – **настоящий кандидат от левых**’ (R=Focus);

(2) *...l’antisémitisme est au coeur de cette maladie de l’islam* ‘...антисемитизм – в самом **сердце** этой болезни ислама’.

Определение содержания понятия *фокус высказывания* непосредственно зависит от представления о его линейной протяженности. Согласно теории фокализации, предложенной Х. Нольке, следует различать «зону фокализации», предопределяемую синтаксической структурой высказывания, и «актуальный фокус», вычленяемый благодаря контексту. По мнению автора, в нейтральном утвердительном французском высказывании зона фокализации представлена отрезком, начинающимся от семантического глагола и заканчивающимся последним ударным элементом, и именно в рамках этого отрезка реализуется фокус, который может быть представлен группой слов (3, 4), одним словом (5) или частью слова (морфемой) (6):

(3) *Paul s’est promené dans la forêt* ‘Поль **прогулялся по лесу**’;

(4) *Paul s’est promené dans la forêt* ‘Поль прогулялся **по лесу**’;

(5) *Même Paul a compris* ‘Даже **Поль** понял’;

(6) *Pierre ne l’a pas confirmé, il l’a affirmé* ‘Пьер это не **подтверждал**, а утверждал’ [2, р. 66–67].

Поскольку со всей очевидностью понимаемая таким образом фокализация имеет разные последствия для формирования семантико-прагматического содержания высказывания, автор предлагает, исходя из интенции говорящего, различать нейтральный и специальный фокусы. Если единственной целью говорящего оказывается акт идентификации, то имеет место нейтральная фокализация; если к этой интенции добавляется какая-либо другая, то фокализация приобретает специальный характер. Подобной точки зрения придерживаются и другие авторы, которые выделяют *широкий* и *узкий* [3] фокусы, *контрастный* фокус, противопоставленный *презентационному* и *идентификационному* [4]. Выделение двух видов фокуса в целом соответствует существующему в научной литературе разграничению рематизации и фокализации, когда последняя понимается как специальное локальное выделение.

Представление о том, что в фокусе могут находиться несколько слов, предполагает, что все слова имеют одинаковый информативный вес (и, соответственно, одинаковую просодическую выделенность в устной

речи). С этим положением, однако, не соглашаются многие исследователи (см. [5; 6; 7]). Наблюдения над коммуникативной структурой разных языков свидетельствуют о существовании иерархии внутри ее компонентов: слова, образующие тему и ремю, обладают различной степенью коммуникативной и просодической рельефности, и в случае однословной темы и ремы выделяются *собственно тема* – слово, несущее главное ударение тематической синтагмы, – и *собственно рема* – слово, несущее главное фразовое ударение и рематический тон [8; 9]. Собственно тему и собственно ремю называют также ядром темы/ремы. Что касается других элементов, входящих в рематический компонент, степень их информативности, как полагает М. Росси, зависит от их близости к рематическому тону (СС – *conclusif majeur* ‘большая завершенность’) – рематическому ядру.

Справедливость утверждения о разной информативной значимости элементов ремы подтверждается трансформациями, происходящими в порядке следования элементов ремы при ее инверсии: в инициальную позицию помещается собственно рема, или ее ядро:

(7) *Sa robe était \noire.* – *\Noire était sa robe* ‘Ее платье было **черным.** – **Черным** было ее платье’;

(8) Девушку *охватил \страх.* – *\Страх охватил* девушку.

Выделение в рематическом компоненте ядра – носителя рематического тона – ставит вопрос о том, как оно соотносится с фокусом, если фокализация понимается как локальное выделение. Исследования семантики фокализации позволяют сделать вывод о том, что ее отличие от рематизации – формирования сообщения – состоит в «маркировке оценки говорящим особого информационного статуса текстового фрагмента» [10, с. 255], в «приращении» смысла, способности создавать в высказывании «ореол коммуникативных коннотаций, связанных с особой пресуппозицией» [11, с. 58]. Фокализация «выполняет семантико-прагматическую и экспрессивную функции» [12, р. 130] и передает отношения контраста [5; 6; 10] («контрастивная рематизация» у С. Робер), выбора из некоторого множества альтернатив [9; 4; 13], противоречия, эмфазы и т.п. Такая точка зрения созвучна понятию акцентного выделения, сформулированному Т. М. Николаевой [11; 14].

Как известно, средства выражения КС и, соответственно, фокализации различны в зависимости от языка, при этом одним из ведущих средств признается порядок слов, поскольку именно он отражает логику высказывания. Возможные модификации порядка слов без изменения КС оказываются ограниченными, в том числе и в языках со свободной синтаксической структурой. В связи с этим каноническим порядком следования компонентов КС является такой, при котором «данное» предшествует «новому», где «данное» выражено субъектом, а «новое» – предикатом. Изменение порядка следования субъекта и предиката в рамках двухкомпонентной коммуникативной структуры традиционно рассматривается как фокализация, поскольку порядок SP отражает «логическую прогрессию мысли... а нарушения данной естественной логики эмоционально маркируют» [15, р. 200]:

(9) (*Puisque je te dis que*) **braient** les ânes (*et non pas hénissent*) ‘(Я же тебе говорю, что) **икают** ослы (а не ржут)’.

В устной речи фокус имеет, кроме того, специальное просодическое воплощение, «активную для восприятия выделенность просодическими средствами <...> слова во фразе» [11, с. 58].

Соотношение синтаксических и просодических средств фокализации информации во многом определяется особенностями синтаксической структуры языка. По мнению некоторых авторов, во французском языке фокализация достигается, в отличие от английского, русского и других языков, преимущественно синтаксическими средствами [16]. Вместе с тем анализ имеющихся в научной литературе данных, а также наблюдения над звучащей речью показывают, что во французском языке вопрос о средствах фокализации информации в устном высказывании, в частности о соотношении просодии и синтаксических средств, не имеет однозначного решения. В частности, установлено, что инверсия сказуемого далеко не всегда приводит к фокализации, если исходить из того, что наличие фокуса служит показателем семантико-прагматической маркированности высказывания. В тетических высказываниях, не имеющих тематического компонента, инверсия сказуемого указывает не на особую пресуппозицию, а на пресуппозицию «по умолчанию» (10) и не является также показателем эмфазы; в определенных случаях она может привносить оттенки стилистических значений (11):

(10) *Dans le ciel, scintillait une étoile solitaire* ‘В небе мерцала одинокая звезда’;

(11) *Ô triste triste était mon âme à cause, à cause d’une femme* (Paul Verlaine) ‘Душа грустна и все грустней – моя душа грустит о ней’¹.

Французский язык располагает особыми лексико-синтаксическими выделительными конструкциями (*structures clivées*) *c’est... qui*, *c’est... que*, позволяющими сделать ремой подлежащее (12), которое в силу фиксированного порядка слов не может быть перенесено в конец предложения, каноническую рематическую позицию, а также второстепенные члены предложения, устраняя в этом случае возможную неоднозначность в определении рематического ядра (13):

(12) *Dans toutes les sociétés connues, ce sont les hommes qui ont l’initiative* ‘Во всех известных обществах **именно мужчинам** принадлежит инициатива’;

(13) *C’est eux que vous avez exonérés* ‘**Их** вы освободили’.

Традиционно эти конструкции наделяют фокализирующими свойствами и квалифицируют отрезок, помещенный внутри подобной конструкции, как фокус. Подобной точки зрения придерживаются преимущественно авторы, исследующие коммуникативную структуру высказывания на материале письменной речи. Между тем анализ просодической структуры фраз с *c’est... qui*, *c’est... que* свидетельствует о вариативном просодическом воплощении

¹ Перевод А. Гелескула.

данных конструкций. Так, А. Ди Кристо утверждает, что особое просодическое выделение элемента, помещенного в выделительную конструкцию, не является обязательным, этот элемент может нести как обычный рематический тон, так и фокализирующий, т.е. выделительная конструкция автоматически не формирует фокуса. Основными фактором, определяющим наличие или отсутствие фокуса в выделительных конструкциях, оказывается, по мнению А. Ди Кристо, контекст, ситуация: «Решающая роль <...> экстралингвистических факторов такова, что она может быть важнее той роли, которую выполняет формальная структура» [3, p. 283]. Например, ответная реплика на сообщение – *Fred a réussi son permis de conduire du premier coup. – C'est son père qui va être content* – ‘Фреду удалось сдать на права с первого раза. – Его отец будет доволен’ может быть интерпретирована как нейтральное утверждение (такая структура характерна для разговорной речи) или как передающая отношение контраста, если говорящий считает необходимым подчеркнуть, что именно отец будет доволен [Там же]. Это означает, что в зависимости от коммуникативного контекста говорящий наделяет высказывание, содержащее выделительную конструкцию, просодическими характеристиками, формирующими или не формирующими фокус. Такую же точку зрения высказывает С. Шмерлинг, объясняя ситуацией наличие или отсутствие фокализации в сходных конструкциях. Так, в высказываниях *This is the man I was telling you about/This is the doctor I was telling you about* ‘Это мужчина, о котором я говорил/Это доктор, о котором я говорил’ в обычной обстановке не требуется выделять *the man* и где-нибудь в госпитале *the doctor*. Но там, как пишет С. Шмерлинг, где мужчина (или доктор) редкость, выделение *the man* и *the doctor* необходимо [11, с. 58]. Из сказанного выше следует, что и во французском языке просодические средства могут самостоятельно формировать фокус высказывания вне зависимости от того, какова его синтаксическая структура. Как утверждает К. Мерийу, просодия может быть единственным маркером фокализации [17, p. 17], а синтаксические средства играют вспомогательную роль [1; 12; 17; 18].

Отсутствие прямой связи между лексико-синтаксической выделительной конструкцией и фокализацией ставит вопрос о просодических признаках, обеспечивающих дифференциацию фокализованных и нефокализованных высказываний с *c'est... qui, c'est... que*, а также о «дополнительных смысловых строках», появляющихся при наличии фокуса. Кроме того, требует уточнения вопрос о том, существует ли зависимость между тем, какой член предложения подвергается рематизации с помощью таких конструкций, и возможностью его фокализации. В частности, наблюдается ли двоякая – с маркированной КС (с фокализацией) и немаркированной КС (без фокализации) – реализация высказываний с *c'est... que*, в которых ремой становится дополнение или обстоятельство, и в каких случаях:

(14) *C'est d'Amsterdam que le Boeing de la Malaysia s'est envolé* ‘Из Амстердама вылетел «боинг» Малазийских авиалиний’.

Что касается инверсии дополнения и субъектно-предикатной части без выделительных конструкций, то, как отмечают французские исследователи, в таких случаях просодическое воплощение высказывания предопределено

его синтаксической структурой. Так, ссылаясь на К. Бланш-Бенвенист, Н. Танги отмечает, что во французском языке для элемента, находящегося в препозиции, возможны два вида просодической структуры: «интонация префикса в высказываниях типа *Du nom/je ne me rappelle plus* <...> и интонация ядра, если этот элемент <...> является носителем модальности фразы: *Une fortune, ça m'a coûté!*» [13]. В первом случае дополнение *Du nom* может быть опущено без потери смысла высказывания, так как этот элемент выполняет роль темы, или топики¹, по М. Росси, и, соответственно, произносится с восходящим тоном. Во втором случае опущение *Une fortune* делает высказывание бессмысленным, поскольку этот элемент является ремой, и просодически он реализуется посредством нисходящего, рематического, тона. Анализ семантико-прагматического содержания данного высказывания показывает, однако, что наблюдаемая в нем инверсия ремы, нарушающая канонический порядок слов, не отсылает к особой пресуппозиции и, соответственно, не создает фокуса.

Во французской устной речи частотными оказываются структуры с вынесением элемента в начало высказывания и его дублированием местоимением в рамках предикативной структуры. Антиципация (*dislocation à gauche*) позволяет выделить тему-субъект (*Marie, elle est à Paris* ‘**Мария** – в Париже’), а также тему, выраженную иными членами предложения (*Marie, je ne la connais pas* ‘**Марию** я не знаю’). Подобный процесс некоторые авторы, в частности М. Росси, называют топикализацией. В некоторых случаях в рамках тетического высказывания «влево» выносится часть новой информации, ремы (*Qu'est-ce qu'il y a? Pourquoi tu es triste? – Ma soeur, elle est à l'hôpital* ‘Что случилось? Почему ты грустный? – **Моя сестра**, она в больнице’). В такого рода тетических высказываниях вынесенный «влево» элемент не получает особого просодического выделения, так как не происходит смещения ядра ремы с прототипической конечной позиции, а в связи с тем, что отделенный элемент находится в позиции топики, его рематический вес снижен.

Таким образом, вопрос о фокусирующем потенциале синтаксических трансформаций остается открытым. Кроме того, неясно, при каких синтаксических трансформациях возможна фокализация посредством просодических средств, т.е. существуют ли в этом отношении ограничения со стороны синтаксиса, и каковы в этих случаях просодические признаки фокализованных высказываний.

Исследования на материале различных языков подтверждают необходимость различать фокализацию *ex-situ*, т.е. путем инверсии субъекта и предиката или дополнения и субъектно-предикатной части с использова-

¹ Le topique désignera désormais le constituant de tête qui acquiert une valeur contextuelle référentielle ou inférentielle à laquelle s'ajoute, comme une conséquence de la valeur première et de sa place dans l'énoncé, une valeur thématique (« ce dont on parle ») [1, p. 66].

‘Под топиком мы будем понимать начальный компонент, который приобретает контекстуальное референциальное или инференциальное значение, к которому добавляется, вследствие его первого значения и места в высказывании, тематическое значение («то, о чем говорится»)’.

нием или без использования особых лексико-синтаксических конструкций и просодического выделения, и фокализацию in-situ [19], которая достигается просодическими средствами с сохранением прямого порядка слов и конечной локализации рематического ядра (15):

(15) *Ce type est un appartchik depuis trente ans* 'Этот тип – аппаратчик вот уже тридцать лет'.

Фокализации при прямом порядке слов (in-situ) способствует также перемещение рематического ядра из конечной – канонической – позиции «влево»:

(16) *Le travail parlementaire est jugé trop lent aujourd'hui* 'Работа парламента расценивается как слишком медленная сегодня'.

В этом случае наряду с проблемой определения статуса отрезка высказывания, находящегося «справа» от рематического ядра, встает вопрос о том, приводит ли «автоматически» смещение ядра «влево» к фокализации в изложенном нами понимании, т.е. может ли фокус формироваться без участия специальных просодических средств, а также существуют ли определенные лексико-синтаксические условия, при которых это происходит, и какова роль контекста. Так, например, в устной речи смещение рематического тона на глагол отсылает, как правило, к особой пресуппозиции с изменением КС и тогда, когда отсутствуют просодические средства фокализации:

(16) *L'apprentissage a une certaine efficacité* 'Обучение имеет определенную эффективность'.

В данном случае высказывание с бинарной структурой становится верификативным при смещении рематического тона на глагол, при этом особого просодического выделения (выделительного ударения, контрастного тона) не требуется.

Исследователи отмечают также роль типа предиката (глагольный/именной) и семантики глагола в способности формировать фокус [2; 13; 20].

Таким образом, несмотря на то, что в современной научной литературе уже накоплены определенные данные относительно просодических средств фокализации во французском языке, они не дают необходимого представления о просодических признаках, лежащих в основе дифференциации нефокализованных и фокализованных in-situ высказываний, ни о спектре дополнительных значений, привносимых фокализацией.

Особое место в анализе проблемы просодических средств фокализации во французском языке занимает выделительное ударение, которое, по мнению большинства французских авторов, относится к числу ведущих средств фокализации. Специфика выделительного ударения во французском языке состоит в том, что оно не совпадает по месту с лексическим ударением и падает на первый (второй) слог многосложного слова. Характерно, что исследователи не разграничивают фокализацию, осуществляемую посредством выделения инициального слога слова (выделительного ударения), и фокализацию рематического ядра. Так в теории М. Росси средством фокализации является «фокализирующий акцент» (pitch accent (accent de focalisation) – AF), который он относит не к акцентуации, а к мелодическим

характеристикам речи и считает интонационной морфемой, план содержания которой – семантическая проминантность. По мнению автора, во французском языке наблюдается тенденция к смещению фокусирующего акцента «влево» от лексического ударения (17) и лишь в односложных словах они совпадают (18):

(17) ...il *disparaîtrait en tant que peuple distinct* ‘...он исчез бы как самостоятельный народ’;

(18) *les réactions xénophobes contre les Turcs* ‘ксенофобские реакции против турок’ [1, p. 118–119].

Кроме того, зона функционирования фокусирующего акцента не ограничивается рематическим компонентом, он наблюдается также в тематическом компоненте высказывания и возможен как на начальном слоге слова, представляющего собой ядро «топика» (19), так и на начальном и конечном слогах слов, находящихся внутри темы (20):

(19) *Oui, Monsieur Chevènement chante et fait du latin* ‘Да, месье Шевенман поет и изучает латынь’;

(20) *L’attention du monde entier a été attirée par...* ‘Внимание всего мира привлечено...’ [Там же, p. 120–121].

Такое широкое понимание фокализации не позволяет продемонстрировать очевидные различия между рассматриваемыми видами просодической выделенности ни с точки зрения их семантико-прагматического содержания, ни с точки зрения плана выражения. Фактически любое тонально-динамическое выделение слова квалифицируется как фокусирующий акцент, несмотря на то, что его вклад в прагматическое содержание высказывания может быть принципиально различным. При таком подходе в высказывании может оказаться несколько фокусов, соответствующих тонально-динамическим пикам, что размывает само понятие фокуса. М. Росси признает, что фокусирующий акцент сводится не только к семантической проминантности: при его совпадении с рематическим ядром он имеет значение контраста, однако в остальных случаях вопрос о семантике фокусирующего акцента остается открытым, учитывая то, что понятие семантической проминантности достаточно расплывчато.

Как показывает анализ исследований коммуникативной структуры французского высказывания, французский язык, несмотря на характерные для него особенности просодической организации, широко использует просодические средства иерархизации информации, в том числе для формирования фокуса. Многие французские авторы утверждают, что во французском языке понятие фокализации соотносится с выделением особыми просодическими средствами одного из элементов внутри компонентов коммуникативной структуры высказывания, создающим контраст между этим элементом и остальной частью компонента [1; 13; 21]. Иными словами, в высказываниях, в которых отсутствуют специальные просодические средства выделения, говорить о фокализации неправомерно.

Во французском языке фокус характеризуется, прежде всего, более высокой скоростью изменения значений ч.о.т. и увеличением интенсивности на последнем слоге фокализованного элемента [13; 21] по сравнению с ч.о.т.

и интенсивностью того же элемента в нефокализованной позиции. А. Лашере-Дюжур выделяет для французского языка 5 просодических моделей фокализации: 1) выделительное ударение на первом слоге слова, находящегося в фокусе, в сочетании со значительным положительным мелодическим контрастом; 2) значительное увеличение длительности конечного слога фокализованной лексемы; 3) значительное увеличение ч.о.т. ударного слога; 4) увеличение длительности конечного слога и расширение интервала изменения ч.о.т.; 5) общее изменение мелодии фокализованной лексемы и значительное увеличение длительности первого слога [18]. Остается открытым вопрос о том, как перечисленные просодические признаки соотносятся с элементами, составляющими речевой компонент, в частности с речевым ядром.

Таким образом, обзор имеющихся в научной литературе данных и наблюдения над французской речью позволяют очертить круг вопросов, связанных с проблемой фокализации во французском языке, которые еще не получили должного освещения. В их числе:

- содержание понятия *фокализация*: относятся ли к ней любые виды «семантической выделенности» или же о фокусе можно говорить лишь в том случае, когда он служит для указания на особую пресуппозицию, т.е. создает дополнительные смыслы;
- наличие связи между синтаксическим статусом элемента высказывания и возможностью его фокализации в определенной позиции;
- просодические признаки фокализованных (маркированных) высказываний в сравнении с немаркированными высказываниями идентичной лексико-синтаксической структуры;
- семантико-прагматическое содержание высказываний с фокусом *in-situ* и *ex-situ*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rossi, M. L'intonation, le système du français : description et modélisation / M. Rossi. – Ophrys, 1999. – 237 p.
2. Nølke, H. La focalisation : une approche énonciative / H. Nølke // La focalisation dans les langues. Trav. réunis par H. et A. Włodarczyk. – CELTA, Paris-Sorbonne, 2006. – P. 59–80.
3. Di Cristo, A. F. Les musiques du français parlé / A. F. Di Cristo. – De Gruyter, 2016. – 507 p.
4. Drubig, HB. Towards a typology of focus and focus constructions / HB Drubig. – Tübingen, 2000. – 113 p.
5. Dik, S. C. The theory of functional grammar / S. C. Dik. – 2nd, rev. ed. – Mouton de Gruyter, 1997. – Part 1 : The structure of the clause. – 512 p.
6. Prevost, S. Generating Contextually Appropriate Intonation / S. Prevost, M. Steedman // Sixth Conf. of the European Chapter of the Assoc. for Computational Linguistics (Utrecht, April 1993). – Utrecht, 1993.

7. *Gundel, J. K.* Topic and Focus / J. K. Gundel, T. Fretheim // *The Handbook of Pragmatics* / L. R. Horn, G. Ward. – Blackwell Publ., 2004. – P. 175–197.
8. *Падучева, Е. В.* Коммуникативная расчлененность и пути ее преодоления: инверсия подлежащего / Е. В. Падучева // *Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Коздасова*. – М., 2008. – С. 417–426.
9. *Янко, Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М. : Яз. слав. культуры, 2001. – 384 с.
10. *Кодзасов, С. В.* Исследования в области русской просодии / С. В. Кодзасов. – М. : Яз. слав. культур, 2009. – 496 с.
11. *Николаева, Т. М.* От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – 680 с.
12. *Godement-Berline, R.* L'emploi de la focalisation prosodique dans le jeu d'acteur / R. Godement-Berline // *Nouveaux cahiers de linguistique française*. – 2014. – № 31. – P. 129–139.
13. *Tanguy, N.* Focalisation averbale vs focalisation verbale en français parlé [Ressource électronique] / N. Tanguy // *Revue de linguistique, psycholinguistique et informatique*. – Mode d'accès : <https://discours.revues.org/7726>. – Date d'accès : 01.10.2016.
14. *Николаева, Т. М.* Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1982. – 104 с.
15. *Bonnot, C.* Ordre des mots et exclamation (à propos du russe moderne) / C. Bonnot, O. Seliverstova // *Faits de langues*. – 1995. – № 6. – P. 199–209.
16. *Larreya, P.* Grammaire explicative de l'anglais / P. Larreya, C. Rivière. – 3rd ed. – Pearson, Longman, 2005. – 445 p.
17. *Mérillou, C.* Une structure focalisante en voie de disparition ? / C. Mérillou // *Focalisation (s) saillance dans les langues : lexicque, syntaxe, prosodie*. – Presses Univ. de Rennes, 2012. – P. 15–33.
18. *Lacheret-Dujour, A.* Focalisation et circonstance : Que nous dit la prosodie du français parlé ? / A. Lacheret-Dujour // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. – Peeters, 2003. – T. 13. – P. 137–160.
19. *Reineke, B.* Focus et topique en tant que deux phénomènes pragmatiques dans les langues Oti-Volta orientales / B. Reineke // *GurPaper/Cahiers Voltaïques*. – 2006. – № 7. – P. 100–111.
20. *Fuchs, C.* La place du sujet nominal en français : de la syntaxe à l'énonciation / C. Fuchs // *Enonciation et syntaxe* / F. Hrubaru, A. Velicu. – Echinoc, 2006. – P. 9–25.
21. *Intégration discursive et intégration syntaxique* / L. Danon-Boileau [et al.] // *Langages*, 25e année. – 1991. – № 104. – P. 111–128.

The article discusses the content of the notions of *focalization* and *focus* and their correlation with the notions of *rhematization* and *rheme*. On the basis of semantic and pragmatic criterion, that is absence or presence of special presupposition and additional connotations, the difference between focus and rhematic nucleus is demonstrated. Oral speech analysis reveals the complex nature of syntax and prosody interaction in creating focus in French oral utterances.

Поступила в редакцию 30.07.18

С. Н. Панкратова, В. А. Сантарович

ДИСКУРСИВНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Современный французский рекламный текст обладает своими особенностями, связанными со спецификой национального менталитета. Это проявляется в трех лингвистических аспектах: семиотическом, дискурсивном и прагматическом. Поскольку ведущей целью рекламного сообщения является намерение не просто донести информацию, но и спровоцировать обратную позитивную реакцию потребителя (о чем свидетельствует наличие множества коммуникативно-лингвистических тактик и стратегий), необходимо отметить, что каждый современный французский рекламный текст обладает прагматической направленностью. Эта направленность является доминирующей в высказывании, определяя выбор вербальных и невербальных компонентов и их тесное взаимодействие, а также выбор четко встроенной аргументации рекламного текста.

С лингвистической точки зрения реклама представляет собой особую сферу практической деятельности человека, продуктом которой являются словесные произведения – рекламные тексты. Эти тексты характеризуются определенными признаками содержания и внешнего оформления, а также определенными функциональными признаками. Таким образом, рекламный текст занимает особое место в общей совокупности текстов любого языка.

Пытаясь раскрыть взаимоотношения вербальных и визуальных компонентов рекламы, необходимо рассматривать ее текст в трех аспектах: *семиотическом, дискурсивном и прагматическом.*

Знаки, из которых строятся сообщения, выполняют роль носителей определенных смысловых содержаний (значений). Именно благодаря им оказывается возможным кодирование передаваемой сообщением информации и реализация коммуникативного акта. Замысел и оценка отправителя информации воплощаются в лексическое понятие для соотнесения мысли с реальным предметом или фактом. Так коммуникативный знак становится словом, а процесс соотнесения лексического понятия с неким образом – **денотацией**.

Денотация противопоставляется **коннотации** как вторичный процесс. Во множестве речевых ситуаций важен не столько первичный, сколько вторичный смысл слов. Нередко, читая сообщение, адресат вообще не обращает внимания на буквальный смысл слов и ищет за ним вторичный. Следовательно, коммуникативный знак должен не только нести информацию об объекте, но и быть в любом случае доступен восприятию со стороны адресата. В то же время денотативный и коннотативный компоненты знака формируются из общих впечатлений социальной и культурной действительности, но воспринятых и пережитых так, как их воспринял и пережил данный индивид. Такой опыт не может быть полностью тождествен опыту другого индивида. Из этого следует, что любой коммуникативный знак воспринимается адресатами по-разному [1, с. 57].

Рекламное сообщение как иллокутивный акт обладает двумя свойствами: *интенциональностью* (цель говорящего, которая в соответствии с его замыслом должна быть распознана адресатом) и *конвенциональностью* (не зависящие от говорящего способы обеспечения этой цели адресатом) [2, с. 94].

Языковые единицы, перерабатывая содержание в информацию, становятся единицами речи и в силу своей комбинаторности могут обеспечить известную долю информации сверх той, которая заключена в содержании этой единицы [3, с. 8]. В речи, в зависимости от целеустановки данного сообщения, такие единицы приобретают **прагматическую** значимость.

Прагматическое значение формируется под влиянием «фактора адресата». Нередко при составлении рекламного текста адресант использует элемент неожиданности. Это может быть вариант семантической неожиданности, основанной на контрастности ожидаемого адресатом содержания и реального сообщения в данном высказывании. Прагматическая сила языковых единиц, отражающих явления эмоционально-волевой сферы психики субъекта речи, тем больше, чем менее они частотны и чем менее они ожидаемы (или чем более они неожиданны) в данной речевой ситуации [4, с. 19].

Прагматический аспект рекламного текста проявляется в его своеобразной организации: выбор грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особый синтаксис, использование элементов различных знаковых систем и т.п. «Важно сохранить первоначальную свежесть информации, донести ее взрывной потенциал, сосредоточив текст в нескольких легко усваиваемых и простых для запоминания словах» [5, с. 33].

Когда скрытые возможности языка используются адресантом для того, чтобы навязать адресату определенное представление о действительности, отношении к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающее с тем, какое адресат мог бы сформулировать самостоятельно, то принято говорить о власти языка, или **языковом манипулировании** [Там же, с. 36]. Языковые ресурсы позволяют не просто описывать какую-либо ситуацию внешнего мира, но и интерпретировать ее, задавая нужное говорящему видение мира, управлять восприятием ситуации и навязывать ее положительную или отрицательную оценку. Упор делается не на то, что буквально сказано в рекламе, а на умозаключения, которые потенциальный потребитель может вывести на основе рекламного сообщения.

Заголовок рекламы призван привлечь внимание читателя, поэтому во французском рекламном тексте он указывает на субъект рекламы, предлагает услугу, побуждает к действию. Например, следующий заголовок рекламы средства для похудения *Contrex: Ne me surestimez pas trop* выполняет одновременно следующие функции:

- название предмета рекламы;
- обращение к потребителю;
- подтверждение коннотативного элемента изображения;
- выражение идеи основного текста рекламы.

Основной текст рекламы – это непосредственно информация о рекламируемом товаре или услуге. Для французской рекламы характерны следующие схемы организации основного текста:

1) описание и перечисление:

Renault Mégane : *Nouvelle auto. Un freinage à toutes épreuves. ABS avec répartiteur électronique de freinage EBV. Assistance au Freinage d'Urgence... ;*

2) объяснение (ответ на вопрос заголовка):

Vous n'êtes pas du genre à avaler n'importe quoi ? La diététique « Gerblé » vous aide tous les jours à faire la différence en vous disant la vérité. Car gerblé est un produit parfaitement adapté;

3) проблема и решение, то есть задача и пути выхода с помощью рекламируемого товара:

*Vous n'en avez pas assez de ces magazines télé qui ne laissent pas de place au cinéma ? Le 7-ième art ça se respecte. Et le téléspectateur aussi. Retrouvez chaque jour dans **Télé-Loisirs**...*

С л о г а н – краткое образное выражение, афоризм, клише, призыв. Для того, чтобы он запомнился с первого раза, французские рекламодатели наиболее часто используют стилистические фигуры:

- аллитерацию (**Oscillococcinum** : *États grippaux ? Aussitôt Oscillo !*);
- синекдоху (**Yves Saint-Laurent** : *Tout le parfum en une lettre Y*);
- рифму (**Nectar** – *un plaisir rare !*);
- хиазм (*Ce n'est plus la pêche qui donne **La Truite**, c'est la Truite qui donne la pêche*).

Подбор слов во французской рекламе характеризуется формальными и смысловыми ограничениями. Морфологическая принадлежность заглавного слова, его валентность и управление часто копируются в основном тексте и слогане. Рассмотрим следующие примеры.

1. Заголовок: *Qui peut **le plus**, peut **le moins**.*

Текст: ***Plus** puissant... **plus** communicant... **plus** performant... **plus** ouvert... **plus** simple...*

Слоган: *Macintosh en fait plus. Macintosh est **moins** cher.*

2. Заголовок: ***Abonnez-vous** pour quelques centimes par jour !*

Текст: *Et **profitez** de tous ces avantages...* (magazine « **Ça m'intéresse** »).

По примеру заголовка в тексте автор употребляет глагол в повелительном наклонении.

В рекламных текстах переписываются и изменяются названия известных фильмов, книг, цитируются реплики известных людей или литературных героев. Такие рекламные сообщения быстрее запоминаются, так как производят эффект уже знакомой информации. Например:

Etnodex : « *À la recherche du teint perdu* » вместо « *À la recherche du temps perdu* »;

La bière Blonde : « *Il n'y a que les hommes qui préfèrent les blondes* » вместо « *Les hommes préfèrent les blondes* ».

Особенность французского рекламного нарратива состоит в том, что наряду с отображением реальной действительности в реальном времени зачастую наблюдается «игра времени»: люди и предметы изменены во времени и пространстве. Анализ таких текстов показывает, что в основном используются времена изъявительного наклонения (настоящее и будущее). Например, реклама «**Éco-Emballages**»:

« *Hier, pour la première fois vous vous servez d'une poubelle. Aujourd'hui vous jetez les emballages recyclables dans une poubelle à part* ».

Язык французской рекламы обнаруживает в себе черты различных стилей: публицистического, научного, научно-популярного, литературного, отчасти разговорного и делового. Средства различных стилей подчинены в рекламе прямой направленности – воздействовать на отношение читателя к рекламному объекту. Например, восклицательные предложения играют роль своеобразных сигналов, призывов к действию, имплицитно заложенных в высказывании:

« *Toutes les couleurs de vos vacances sont en Rhône-Alpes !* », т.е. *Allez à Rhône-Alpes !*

Повелительное наклонение часто используется при обращении к молодежной аудитории. Императив ориентирован на принятые в этой среде формы обращения «без церемоний»:

« *Nivea : prends soin de moi !* ».

«Вежливый» императив 2-го лица множественного числа обращен к более почтенной аудитории. Данная форма воспринимается как совет или приглашение. Рекламодатель дает понять, что оказывает клиенту ценную услугу, делая выгодное предложение:

La Tribune : « *Chaque vendredi, tirez profit de vos profits* »;

Leclerc : « *N'hésitez jamais à faire un cadeau à votre femme* ».

Характерной особенностью французской печатной рекламы является использование неопределенно-личного местоимения *on* и безличных оборотов *on peut, il faut*:

Yves Rocher pour sa crème au Rétinol Bio-Végétal : « *On ne peut pas forcer une peau à rajeunir, mais on peut l'aider à ne pas vieillir* »;

« *On porte des Rayban ou un K.-Way ! On déguste un Chivas en picorant des Vache qui Rit. On voyage avec sa Samsonite et son Mont-Blanc* ».

Высокое качество предмета рекламы передают степени сравнения прилагательных и наречий:

Olympus : *votre meilleur réflexe*.

При составлении рекламного текста автор использует лексические единицы, которые обладают выразительностью, экспрессивностью, оценочностью. Эмоционально окрашенные слова формируют образ предмета и позднее легко вызывают в сознании представление о нем. Поскольку рекламный текст должен содержать минимум слов и максимум информации, то в одном тексте комбинируется лексика, принадлежащая к разным группам (термины, разговорная лексика, поэтизмы).

Например, в тексте рекламы продуктов «**Pasta di Parma**» комбинируется лексика, связанная с кулинарией (*un cuisinier, la recette, une pâte, la farine, des oeufs*); и музыкальные термины (*des ténors, une voix, un refrain*). Экспрессивность тексту придают поэтизмы, сравнения, эпитеты (*les meilleures farines, une pâte dorée et fine comme une feuille d'or*).

В тексте, насыщенном прилагательными, проявляется стремление к динамизму, неординарности, намерении заинтриговать читателя и побудить его дочитать текст до конца:

Fiat : *Voici notre Seicento Hobby, un modèle « passe partout », extrêmement citadin. Sa petite taille vous permet de vous faufiler et de vous garer sans encombre. Son intérieur **spacieux** et **lumineux** vous offre un confort et une habitabilité incroyables... .*

Во французском рекламном объявлении можно увидеть заимствования из английского языка:

Suzuki : *so pretty et si sauvage.*

Реклама – один из источников неологизмов французского языка. Автор использует название рекламируемого товара для того, чтобы образовать глагол, наречие, нарицательное существительное, что привлекает внимание потребителя и способствует запоминанию марки продукта:

Rowenta : *Rowentez-vous la vie;*

C'est Entremont bon;

*Il y a les parfums et il y a **Hermes**;*

*On n'est jamais trop **Levi's**.*

Создавая рекламное объявление, автор преследует различные цели.

Он может использовать тактику «максимальной объективности». В этом случае воздействие на читателя осуществляется через беспристрастное предъявление фактов. Например: **Lepetit**, *le grand nom du camambert*.

Автор сообщения рассчитывает на то, что сыры марки «Камамбер» известны во всем мире.

Автор может использовать тактику «косвенного внушения». В рекламном объявлении иллюстрация и текст составляют таким образом, чтобы закрепить в подсознании читателя нужную рекламную мысль, т.е. внушение «растворяется» в тексте:

C'est une maison ou une boîte? C'est une boîte ou une maison C'est une boîte Pampers qui se transforme en maison.

Автор использует элемент «скрытого внушения», предлагая адресату самому выстроить логическую цепочку размышления и прийти к запланированному заключению.

Таким образом, наличие языковых особенностей французского рекламного текста, а также синтаксического построения и структурно-семантической организации рекламного объявления позволяют утверждать, что французский рекламный текст представляет собой особую функциональную разновидность французского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарков, Ф. И. Основы теории коммуникации / Ф. М. Шарков. – М. : Прогресс, 2009. – 230 с.
2. Апиева, Д. С. Текст как основа intersubъектной коммуникации / Д. С. Апиева // ВЯ. – 2000. – № 5. – С. 34–57.
3. Гальперин, И. Р. Информативность единиц языка / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1982. – 142 с.
4. Шатин, Ю. В. Построение рекламного текста / Ю. В. Шатин. – М. : Берастор-Пресс, 2002. – 98 с.
5. Репина, Е. А. Эпатажный текст как тип текста / Е. А. Репина // ВЯ. – 2002. – № 6. – С. 31–37.

The modern French advertising text has its own peculiarities, connected with the specificity of the national mentality. This is demonstrated in three linguistic aspects: semiotic, discursive and pragmatic. Since the leading purpose of an advertising message is not only to inform, but also to cause a positive feedback of the customer (it's evident by existence of multiple communicative-linguistic tactics and strategies), it should be noted that every modern French advertising text has a pragmatic orientation.

Поступила в редакцию 14.09.18

Л. В. Рускевич

ПРОСОДИЯ НЕКОНЕЧНЫХ СИНТАГМ В СПОНТАННОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ БИЛИНГВОВ

В статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования интонации неконечных интонационных групп (синтагм) в спонтанной речи русскоговорящих билингвов, свободно владеющих английским языком. Исследование показало, что при совпадении направления движения ядерных тонов в речи билингвов и носителя английского языка отличается их частотность, дистрибуция и конфигурация. Качество иноязычного акцента определяется умением точно воспроизводить фонетическую форму просодической единицы и соотносить ее с семантикой речевого отрезка.

Экспериментальные исследования в области фонетической интерференции ведутся на протяжении нескольких десятилетий. Большой вклад в разработку проблем просодической (интонационной) интерференции внесли представители Минской фонетической школы [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Изучение просодии интерферентной речи продолжается и в настоящее время в связи с поиском способов улучшения качества иноязычного произношения [7; 8; 9; 10]. Полученные данные указывают не только на возможность, но и на необходимость целенаправленного обучения интонации иностранного языка, опираясь на достижения сравнительных экспериментально-фонетических исследований просодии. Несмотря на неослабевающий интерес ученых к данной проблематике, остается целый ряд вопросов, которые требуют дальнейшего углубленного рассмотрения.

Как известно, именно владение спонтанной речью на иностранном языке является показателем уровня языковой компетенции. Одной из проблем обучения фонетике иностранного языка, в том числе в профессиональном учреждении высшего образования, является сохранение сформированных в процессе обучения произносительных, в частности интонационных, умений в спонтанной речи обучаемых. В связи с этим сохраняют свою актуальность фонетические исследования спонтанной речи «школьных» билингвов, позволяющие обнаружить как сходства, так и типичные отклонения фонетических характеристик речи носителей и неносителей иностранного языка. Мы провели экспериментально-фонетическое исследование, целью которого было изучение просодии неконечных (нефинальных) синтагм (интонационных групп) в спонтанной монологической речи русскоговорящих билингвов. В качестве испытуемых выступили три молодые женщины с высшим образованием по специальности «Международные отношения», свободно владеющие английским языком. Возраст испытуемых – 21–23 года. Эталоном для сравнения послужило интервью британской школьницы 15 лет, учащейся частного католического колледжа в Лондоне. Выбор данного носителя языка для сравнения обусловлен, в первую очередь, наибольшей близостью данного носителя по полу и возрасту к билингвам, участвующим в эксперименте (с учетом имеющихся у нас возможностей выбора). Кроме того, речь школьницы соответствует современной произносительной норме британского английского языка (RP) без каких-либо заметных региональных особенностей. С данным носителем языка было проведено интервью на тему ее учебы в колледже, которое было записано в студии звукозаписи Минского государственного лингвистического университета. Тема интервью заранее не оговаривалась.

Каждая из трех испытуемых-билингвов записала спонтанный монолог на свободную тему. Таким образом, экспериментальный материал представлял собой три монолога продолжительностью 5–7 минут. Тексты монологов были предъявлены аудиторам-фонетистам для просодической разметки в соответствии с методикой, принятой на кафедре фонетики английского языка МГЛУ. Далее записи речи билингвов были предъявлены носителю британского варианта английского языка с высшим нелингвистическим образованием для определения степени иностранного акцента по следующей шкале: ‘сильный’ (*heavy/strong*) – ‘умеренный’ (*moderate*) – ‘слабый’ (*mild*) и аутентичный акцент (*native* – акцент носителя языка). В результате акцент первого и второго испытуемых билингвов был оценен как умеренный (при этом лучшим из двух был признан акцент второй испытуемой). Акцент третьей испытуемой был оценен как слабый, но близкий к умеренному. Очевидно, что, несмотря на кажущееся удобство и логическую обоснованность такой шкалы, для оценки степени иностранного акцента при фонетических экспериментах информантам требуется более дробное деление по степеням, учитывающее большее разнообразие вариантов.

В процессе фонетического анализа мы определили длину синтагмы (интонационной группы) в терминах полнозначных слов и мелодические характеристики завершения неконечных синтагм по сравнению с конечными.

Длина синтагм всех билингов отличалась от речи носителя языка: если в речи британской школьницы среднее число полнозначных слов на синтагму составило 3,4 слова, то в речи билингов – 2,2–2,5 слова, т.е. длина синтагм в речи неносителей языка оказалась в среднем в полтора раза короче. Данный показатель отражает, на наш взгляд, определенные трудности при спонтанном говорении на иностранном языке. Мы также проанализировали количество синтагм, заканчивающихся паузами хезитации. У носителя языка было отмечено 14 % таких синтагм, у первого диктора – 28 %, у второго – 18 %, у третьего – 12 %. Таким образом, прослеживается прямая зависимость уменьшения количества хезитационных пауз от улучшения иноязычного акцента билингов, который также зависит от общего уровня владения иностранным языком.

Следует отметить, что отдельной проблемой при письменной записи устных монологов оказалось разграничение конечных и неконечных интонационных групп. Наибольшую сложность в этом плане представляла речь билингов, в которой такое разграничение далеко не всегда было очевидным, в первую очередь, в силу избыточной частотности союзов, союзных слов и вводных слов и словосочетаний: *and (и), but (но), or (или), so (таким образом, так что), that (что)* и т.п., например:

So... you know we have such... process called... pre-presentation of... the diploma thesis, of the diploma work... ‘Так что... знаешь, есть такой процесс, называется... предзащита... дипломного исследования, дипломной работы’ (здесь и далее перевод наш. – Л. Р.). (Диктор 1). При записи речи носителя языка трудности такого рода отсутствовали.

Кроме того, речь носителя английского языка отличалась более четкими фонетическими сигналами конца фразы, а именно более частым употреблением нисходящего тонального акцента в финальных синтагмах. Количество нисходящих тональных акцентов всех высотных вариантов в финальных синтагмах в монологе британской школьницы оказалось большим, чем в речи билингов (64,2 %). В речи первого диктора число упомянутых акцентов в конечных интонационных группах составило 57,1 %, в речи второго – 41,2 %, в речи третьего – 51,3 %.

Как показывают результаты анализа воспринимаемых высотно-тональных характеристик в нашем материале, и испытуемые билингов, и носитель английского языка использовали в своей речи сходные типы ядерных мелодических изменений (тонов): нисходящий, восходящий, ровный, нисходяще-восходящий [11]. Сравнение частотности и дистрибуции данных типов в конечных и неконечных синтагмах у всех дикторов обнаружило наибольшую степень сходства речи носителей и неносителей английского языка в употреблении ровного тона. Число ровных тонов у всех анализируемых дикторов без исключения составило от 22 до 24 %. Ровный тон отмечается, в подавляющем большинстве случаев перед паузой хезитации и может служить ее главным просодическим маркером. Наши данные совпадают с результатами ранее проведенных исследований на материале спонтанной речи носителей английского языка: «Fillers were most often produced with

a level contour» [12] («Заполненные паузы чаще всего произносились с ровным контуром»). Кроме того, сопоставимым оказалось число высоких нисходящих тональных акцентов в нефинальных синтагмах (от 21 % в речи третьего диктора до 30 % в речи второго диктора). В речи британской школьницы их количество составило 26 %.

Наибольшее расхождение между носителем и неносителями английского языка наблюдается в частотности употребления нисходяще-восходящего тона. Если у британской школьницы 33 % неконечных синтагм завершались неразделенным или разделенным вариантом нисходяще-восходящего тона, то у билингвов это число составило от 2 до 13 %. Наиболее частотными тонами у билингвов оказались средний восходящий, который двумя дикторами употреблялся в два раза чаще, чем носителем: 30 % по отношению к 15 %. У первого диктора наиболее частотным тоном в неконечных интонационных группах оказался нисходящий (47 против 31 % у носителя).

Наиболее употребительными тональными акцентами у билингвов оказался средний восходящий тон (*Mid Rise*) [11]. В речи второго и третьего дикторов в нефинальных синтагмах более частотными, чем у носителя языка, оказались средние и высокие восходящие тоны. Средний восходящий стал самым употребляемым среди всех трех высотных вариантов восходящего тона. Наибольший процент среднего восходящего тона отмечен у второго диктора, причем именно в финальных синтагмах (38 %). Из фонетической литературы известно, что частотность употребления высоких и средних восходящих тонов в финальных синтагмах в повествовательных фразах в спонтанной речи носителей американского варианта английского языка в последние десятилетия возросла [12].

Однако анализ дистрибуции среднего восходящего тона в речи носителя языка показывает большую частотность данного тона в нефинальных синтагмах по сравнению с финальными. Причем следует подчеркнуть, что его употребление было отмечено, в первую очередь, в перечислениях. Таким образом, употребление упомянутых тональных акцентов в речи носителя языка в большей степени обусловлено семантикой самой фразы, чем в речи билингвов.

Несмотря на совпадение направления высотно-тонального изменения в речи носителя и неносителей английского языка, фонетическая реализация тональных акцентов в речи билингвов и носителя языка может отличаться. По данным предшествующих исследований, реализация восходящего тона в английском и русском языке обладает как общими чертами, так и конкретно-языковой спецификой [2; 5; 6]. Известно также, что английский нисходящий тон противопоставлен соответствующему тону в русском и белорусском языках как резкий и крутой – пологому [2]. Мы проанализировали фонетическую реализацию нисходящих и восходящих тональных акцентов в речи носителя языка и русскоговорящих билингвов при помощи программы для акустического анализа речи PRAAT [13].

Полученные нами данные указывают, в первую очередь, на значительное расхождение между испытуемыми по интервалу нисходящего тона. У носителя языка этот показатель оказался равен 103 герцам, что значительно превосходит показатели всех трех дикторов-билингвов (55, 67, 83 Гц). Причина данного расхождения в нашем материале заключается в более высоких максимальных значениях частоты основного тона (ч.о.т.) начала ядерного нисходящего тона в речи носителя английского языка.

Мы измерили крутизну (скорость) нисходящего и восходящего мелодического изменения в речи всех дикторов в экспериментальных фразах на обоих языках, которая измерялась как отношение интервала падения ко времени и выражалась в герцах в секунду. По нашим данным, скорость нисходящего движения в речи носителя языка оказалась в среднем в два раза выше, чем в речи всех билингвов. Следует еще раз подчеркнуть, что данные нашего анализа коррелируют с данными предшествующих исследований просодической интерференции на материале сравнения русского и белорусского языка с английским: «...как русский, так и белорусский противопоставляются по данному признаку английскому нисходящему тону как более пологие – крутому» [2, с. 86]. В целом же исследователи характеризуют английский нисходящий тон как «выпуклое резкое падение» [Там же, с. 65].

Аналогичная тенденция была выявлена и при сравнении интервала восходящего тона между билингвами и носителем языка. В речи британской школьницы он на 30 % превышает показатели речи третьего диктора и более чем в два раза – показатели первого диктора. Наши данные обнаруживают зависимость величины интервала подъема от степени иноязычного акцента: чем шире интервал тона, тем лучше акцент. По сравнению с нисходящим тоном данная тенденция проявляет себя более отчетливо.

Далее мы проанализировали линию частоты основного тона восходящего движения в экспериментальных записях и выявили ее типичные конфигурации. В своем анализе мы опирались на данные предшествующих исследований формы восходящего тона на материале русского, белорусского и английского языков [5; 6]. Наибольшее число совпадений по форме между билингвами и носителем языка наблюдается в речи второго и третьего диктора. Первый диктор, чей акцент был признан худшим из трех («средний», но близкий к «сильному»), резко отличается от двух других в плане реализации формы восходящего высотно-тонального завершения. Если в речи носителя, а также второго и третьего дикторов преобладала ровно-восходящая линия восходящего тона, то в речи первого диктора – восходяще-ровная. Кроме того, в речи первого диктора было обнаружено некоторое количество восходяще-нисходящих конфигураций, которые в речи других дикторов отмечены не были. Следует подчеркнуть, что, по данным предшествующих исследований, данная конфигурация является значительно более типичной для русского языка, чем для английского [5; 6]. На рис. 1, 2 показаны различия в конфигурации и скорости восходящего тона в речи билингва и носителя английского языка.

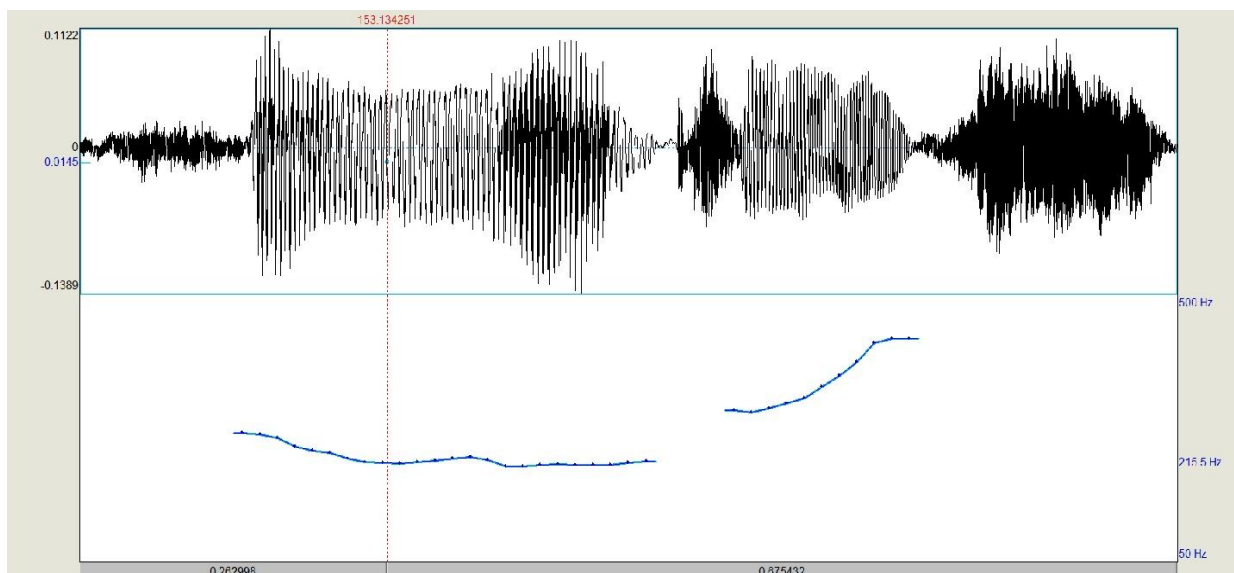

Рис. 1. Ровно-восходящая форма восходящего тона в нефинальной синтагме в речи носителя английского языка в синтагме *...in three modules* ‘...три модулями...’

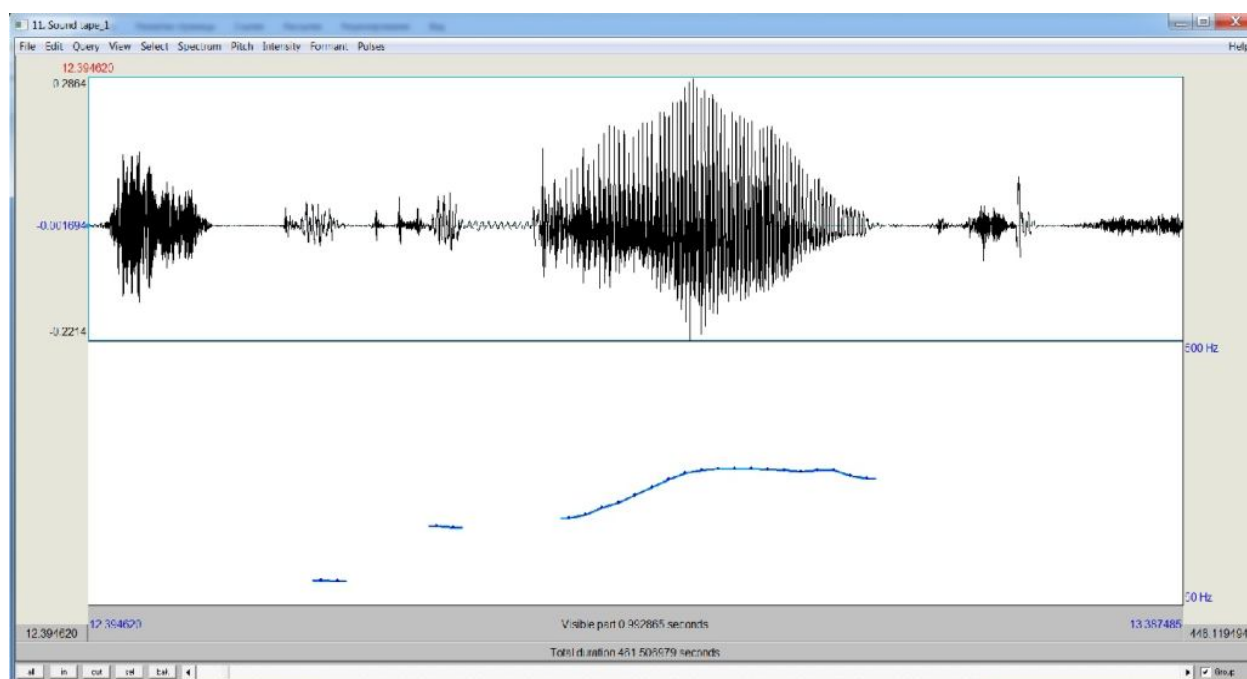

Рис. 2. Восходяще-ровная форма восходящего тона в нефинальной синтагме в речи билингва в синтагме *...speak about* ‘...поговорить о...’

Проведенное фонетическое исследование просодических характеристик неконечных синтагм в интерферентной речи показало, что речь неносителей английского языка отличается от речи носителей, в о - п е р в ы х, неточной фонетической реализацией просодических единиц (меньшим интервалом, скоростью и формой ядерного тона). В о - в т о р ы х, употребление просодических единиц в речи носителя языка в большей степени обусловлено семантикой синтагмы и фразы в целом. Таким образом, качество иноязычного

произношения, как показывает фонетический анализ, определяется, с одной стороны, умением точно воспроизвести фонетическую форму просодической единицы, и с другой – употребить данную единицу в соответствии с семантикой речевого отрезка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дубовский, Ю. А.* Вклад минской фонетической школы в теорию межъязыковой просодической интерференции / Ю. А. Дубовский, Т. Заграевская // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук : сб. науч. ст. – редкол.: В. О. Соколов (отв. ред.) [и др.]. – Самара, 2014. – Т. 16. № 2 (2). – С. 401–407.
2. *Метлюк, А. А.* Взаимодействие просодических подсистем в речи билингва : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / А. А. Метлюк. – Минск : Выш. шк., 1986. – 112 с.
3. *Метлюк, А. А.* Некоторые аспекты просодической интерференции / А. А. Метлюк, Е. Б. Карневская // Экспериментальная фонетика : сб. науч. ст. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков ; редкол.: К. К. Барышникова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1974. – С. 140–158.
4. *Карневская, Е. Б.* Определение степени просодической интерференции на воспринимаемом и акустическом уровнях (из опыта экспериментального исследования белорусско-русской просодической интерференции) / Е. Б. Карневская, А. А. Метлюк // Экспериментальная фонетика : сб. науч. ст. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков ; редкол.: К. К. Барышникова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1976. – С. 102–111.
5. *Мисуно, Е. А.* Типологические и конкретно-языковые черты в интонации незавершенности в английском и русском языках (на материале дидактической речи) / Е. А. Мисуно, В. М. Федосеева // Проблемы автоматического и экспериментально-фонетического анализа текстов : сб. науч. ст. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: А. В. Зубов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1986. – С. 62–67.
6. *Карневская, Е. Б.* Функционально-семантический аспект вариативности восходящего контура в просодической системе английского и русского языков / Е. Б. Карневская, Е. А. Мисуно // Методика обучения иностранным языкам; Романское и германское языкознание : Респ. межвед. сб. / гл. ред. Е. А. Маслыко. – Минск, 1986. – Вып. 1. – С. 103–107.
7. *Broselow, E.* Prosodic phonology and the acquisition of a second language / E. Broselow // Linguistic theory in second language acquisition. – Springer, Dordrecht, 1988. – P. 295–308.
8. *Crosby, C. F.* L1 influence on L2 intonation in Russian speakers of English : diss. / C. F. Crosby. – Portland State Univ., 2013.
9. *Lekova, B.* Language interference and methods of its overcoming in foreign language teaching / B. Lekova // Trakia J. of Sciences. – 2010. – Т. 8, № 3. – P. 320–324.

10. *Popkova, E.* The Backyard of EFL Teaching: issues behind L1 Prosodic Interference in Russian English / E. Popkova // *J. of Language and Education*. – 2015. – Vol. 1, iss. 4. – P. 37–44.
11. *Карневская, Е. Б.* Практическая фонетика английского языка на продвинутом этапе обучения : учебник / Е. Б. Карневская, Е. А. Мисуно, Л. Д. Раковская. – 6-е изд., перераб. – Минск : Аверсэв, 2017. – 416 с.
12. *Armstrong, M. E.* The phonetics and distribution of non-question rises in two varieties of American English / M. E. Armstrong, P. Piccinini, A. Pitchart // *Proc. ICPHS 2015 – The 18th Intern. Congr. of Phonetic Sciences*, Aug. 10–14, 2015. – Glasgow (Scotland), 2015.
13. *Boersma, P.* Praat: doing phonetics by computer [Electronic resource] / P. Boersma, D. Weenink. – Mode of access : www.praat.org. – Date of access : 10.03.2018.

The article presents the results of a phonetic experiment, which was aimed at analyzing the prosodic features of non-final intonation groups in English spontaneous monologues produced by Belarussian speakers of English. The results have shown that, although the direction of nuclear tones may coincide, their frequency, distribution and configuration differ considerably in the speech of non-native and native speakers of English. The quality of a foreign accent is determined by the ability to accurately reproduce the phonetic form of a prosodic unit and use it in accordance with the meaning of a speech unit.

Поступила в редакцию 13.09.18

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**К. А. Белова****СПЕЦИФИКА ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ТИПАЖЕЙ
В НАЦИОНАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ**

В статье представлены результаты исследования специфики экспликации пользовательских типажей в белорусском интернет-сегменте. Маркированность поведения большинства пользователей в процессе интернет-общения сходными действиями, а при создании сообщений – употреблением общих языковых маркеров позволяет установить номенклатуру пользовательских интернет-типажей белорусских коммуникантов. Вся совокупность типажей распадается на положительные (гендерно маркированные) и отрицательные (гендерно нейтральные).

В настоящее время Беларусь переживает эпоху интенсивного развития сети Интернет в стране, ее стремительного проникновения во все сферы жизни представителей белорусского социокультурного сообщества и популяризации компьютерно опосредованной коммуникации. В связи с этим всестороннее изучение интернет-среды с целью предотвращения деструктивных последствий влияния Интернета на личность и общество и увеличения положительного эффекта от деятельности в Сети становится необходимым.

В первые минуты своего пребывания в мире интернет-общения пользователи сталкиваются с необходимостью представить себя интернет-сообществу. Благодаря таким специфическим характеристикам интернет-дискурса, как дистантность [1, с. 4; 2, л. 55; 3, с. 5; 4, с. 10], физическая непредставленность [4, с. 10; 5; 6] и потенциальная анонимность [5; 6; 7; 8, с. 45; 9] коммуникантов представление себя в Сети не имеет рамок. Несмотря на интерес исследователей к феномену экспликации своего «Я» на просторах Глобальной сети, ряд вопросов касательно специфики самопредставления в различных национальных сегментах до сих пор остается недостаточно изученным. Сказанное определяет актуальность предпринятого нами исследования, в ходе которого были установлены пользовательские типажи, характерные для белорусских интернет-коммуникантов, и выявлен набор их языковых / неязыковых (поведенческих) маркеров.

Отметим, что в основу определения границ белорусского сегмента Сети нами положен административный принцип [10, с. 15], согласно которому Байнет / Белнет представляют все ресурсы с национальным доменом верхнего уровня для Республики Беларусь «.by» и «.бел». Изучение специфики пользовательских типажей белорусских коммуникантов производилось в ходе анализа общения 300 активных интернет-пользователей Байнета / Белнета (150 женщин и 150 мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет, имеющих (незаконченное) высшее образование. Материалом исследования послужили

интернет-тексты четырех наиболее популярных среди белорусов при письменной коммуникации в Сети жанров (электронное письмо, форум, чат и блог) [11, л. 39–40] на русском, белорусском и английском языках.

Исследование самопрезентации белорусских пользователей в национальном сегменте сети Интернет было предпринято нами с позиции субъекта-реципиента, т. к. человек осуществляет самопредставление в Сети с целью формирования определенных впечатлений о себе у партнеров по интернет-коммуникации.

Ответы респондентов на вопрос «Что помогает Вам составить свое впечатление о людях, с которыми Вы общаетесь в Интернете?» показали, что помимо имени, аватаров и других фотографий, представленной личной информации и описаний, выделяемых субъектами-презентантами как основные позиции при самопрезентации, для более половины (69,2 %) опрошенных имеет значение поведение их партнеров по коммуникации.

Результаты анализа рефлексии опрошенных в части описаний их представлений о «Других» на основании поведения в ходе интернет-общения и анализа сообщений представителей репрезентативной группы исследования способствовали выделению номенклатуры пользовательских типажей, показанных на рисунке. Количество коммуникантов из группы в 300 человек, подходящих под тот или иной типаж, представлено на рисунке в процентах.

Отметим, что в национальном сегменте Интернета представлены и другие пользовательские типажи, и на данном рисунке показаны лишь наиболее репрезентативные согласно количеству представителей того или иного типажа.

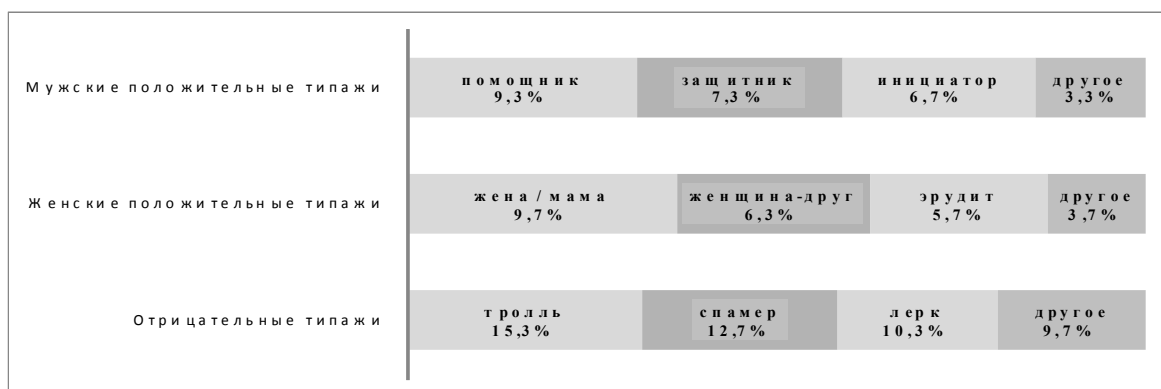

Рисунок. Пользовательские типажи в национальном сегменте сети Интернет

Как мы видим, пользователи предстают перед своими собеседниками как в положительном, так и в отрицательном свете. При этом в количественном плане представителей типажей первой группы незначительно больше по сравнению с представителями типажей второй группы (52 % и 48 % соответственно), что свидетельствует о балансе между числом позитивно и негативно настроенных участников коммуникативных отношений в интернет-среде Беларуси. Выделенные положительные типажи являются гендерно маркированными. Анализ поведения 300 человек при общении в Сети

показал, что типажи помощника, защитника, инициатора среди женской аудитории встречаются лишь в небольшом количестве случаев (ср.: из 150 мужчин к таким типажам относится 91,2 %, а из 150 женщин – 5,6 % человек), поэтому мы условно относим их к типично мужским. В свою очередь, типажи жены / мамы, женщины-друга и эрудита зафиксированы преимущественно только среди женщин. Отрицательные типажи тролля, спамера и лерка свойственны как мужчинам, так и женщинам. Названные дивиантные типажи, характерные для Байнета / Белнета, распространены в Глобальной сети в целом, о чем свидетельствуют результаты исследований ряда ученых [12, с. 29–32; 13, с. 18–19; 14]. Учитывая указанный факт, в данной статье мы подробно остановимся на описании лишь положительно окрашенных пользовательских типажах.

В ходе исследования было выявлено, что представители конкретного типажа не только имеют схожую линию поведения при общении в Сети, но и используют идентичные языковые маркеры в своих сообщениях.

Пользователи-помощники всегда помогают другим советом, предоставлением информации, безвозмездно делятся ресурсами. Такие коммуниканты употребляют лексику широкой семантики, однако анализ языкового материала позволил выделить лексемы, повторяющиеся у многих из них. Сюда относятся: указательные местоимения *вот, ось* и наречия места *здесь, тут, here, there (тутась, осьтут, тута ось, здесьтам, вот там-то, хивось, зэась, therushki* и т. п.); глаголы со значением ‘смотреть’, ‘читать’, ‘делиться’ (*смотри, смотрим, читай, читайка, читайте, ридите, read, делюсь, шэрусь, надзялюсь, sharing* и т. п.); глаголы прошедшего времени с контекстным значением ‘получение в свое распоряжение (для последующего предоставления в пользование другим)’ (*нашел, нарыл, нокопал, загрузил, заторбиў, got, found, downloaded* и т. п.); существительные со значением ‘ссылка’ (*лылка, линксы, спасылка, linki* и т. п.); этикетное междометие *пожалуйста / кали ласка / please (нож, плз, плизушки, класка, plz)*. В ряде случаев после указанных лексических единиц вставляется ссылка на другие электронные ресурсы. Многие высказывания получают значение ‘давать что-либо кому-либо в пользование’. Например: *Нарыл тикавую статейку о модных трэндах, см на* (ссылка) – форум; *ось, класка, перезалиў на rapid* (ссылка) – форум; *sharing this for no charge* ☺ – э-письмо.

Пользователи-защитники нередко вступаются за других, поддерживают менее опытных и разбираются в сложных ситуациях, давая шанс высказаться всем. Для сообщений таких пользователей характерны глаголы со значением ‘приводить в эмоциональное состояние’ (преимущественно отрицательные формы), ‘защищать’, ‘помогать’ (*не обижать, не трогать, не гнобить, не крыўдзиць, не чапаць, поддерживать, падтрымліваць, support, leave smb alone, get off* и т. п.); словосочетания и предложения со значением ‘пользователь X прав или знает, что говорит’ (*ее правда, он прав, праўда-матка, дело говорит / базарит, в теме, можно / стоит послушать / внять / прислушаться, ён ведаю, he means his words* и т. п.). Например: *Авадар* как

раз в теме, да и других новичков можно послушать. – форум; *Зачем на Таку накинулись – не надо гнобиць новичков!!* – чат; *чакай :zudX; кажысь яна сапраўды гэта ведае!!!* – чат; *hey-hey!! get off!! evl can say what they think!!* – форум.

Пользователи-инициаторы модерировать общение или обсуждение новой темы: вносят предложения по обсуждению того или иного вопроса, контролируют ход общения на предмет следования правилам ведения дискуссий и др. Для их сообщений характерны глагольные конструкции со значением ‘начало совместного действия’ (давайте + глагол: *давайте продолжим, давайте забароним, let us vote*), ‘предложение совместного действия’ (предлагаю + глагол: *предлагаю не повторяться, прапаную даць слова усим, suggest using small letters, suggest to leave the room*) и ‘правила поведения’ (глаголы в повелительном наклонении единственного и множественного числа: *смотрите ссылки, не повторяйтесь, зарэгіструйцеся, read comments first* и т. п.). Например: *Не пишите заглавными буквами, ув. Бунша, а то мы решим, что вы кричите!* – форум; *вітаю, даражэн’кія, прапаную перакінуцца думкамі на тэму сустрэчы ў суботу* – чат; *check optional links first, plz!* – форум.

Жены / мамы интересуются всем, что связано с бытом и семьей, дают советы на личных примерах, сочувствуют другим, описывают подробности своей семейной жизни. В сообщениях таких пользователей доминируют предложения с контекстным значением ‘делать что-то для мужа / ребенка или вместе с ними’. В роли предиката здесь выступают глаголы широкой семантики (*покупать, дарить, готовить, стирать, ездить, адпачываць, маляваць, support, clean, play* и т. п.), а в роли субъекта – местоимения первого лица единственного и множественного числа. Например, *я все на себя взяла, и готовлю, и убираю, и за собакой смотрю... Мишуньке нужно время, чтоб влиться (...)* – э-письмо; *кожны вечар разам вячэраем – гэта як традыцыя ужо!* – форум; *we always try to go to dinners at parents’* – чат. Частотными являются также предложения со значением ‘действия и состояния мужа / ребенка’, где позицию предиката занимают преимущественно глаголы физиологического состояния, становления внутренних качеств, изменения внешних признаков / поступков / поведения, профессионально-трудовой деятельности и эмоционально-оценочного отношения (*уставать, интересоваться, баловаться, любить / нравиться, сталець, працаваць, хварэць, get mad, work, worry, become thin* и т. п.), а позицию субъекта – местоимения третьего лица единственного и множественного числа либо имена близких и уменьшительно-ласкательные формы обращения к ним. Например: *малютка сопливит вторую неделю, мы с мужем уже все перепробовали!* – форум; *мой Сашанька працуе шмат, і ён нават на выхадных на паўдня сыходзіць :(* – э-письмо; *so what? for ex, my lovely sons set on fire my favourite raspberry bush last month, they too drive me crazy every day or so!! But I never, I mean it, never get furious!!* – э-письмо.

Женщину-друга можно в основном встретить в коммуникативных кругах и на ресурсах, изначально ориентированных на мужскую половину населения. Такие пользователи с равной мужчинам компетентностью обсуждают, например, технические характеристики устройств, играют в онлайн-игры военного характера и т. п., с пользователями-мужчинами общаются «по-свойски» без каких-либо намеков на флирт. Женщины стремятся быстро установить контакт с мужской аудиторией и поддерживать его. Их речь богата специальными терминами, традиционно употребляемыми мужчинами (например, *если много масла хавает и на двигле подтеков нет – скорей всего маслосъемные кольца менять надо* – форум), а также грубой / нецензурной лексикой (например, *их са всей дуры мочить нада !!!! на том уровне, а то моргнуть не успеваешь как пуля прямо в хайло летит!!!* – форум).

Поскольку женщинам приходится доказывать, что они находятся на определенном ресурсе не в поисках спутника жизни, то для их сообщений характерны предложения со значением ‘мне это действительно интересно’, где в роли предиката выступают глаголы со значением эмоционально-оценочного отношения (например, *no, really, I enjoy that type of music – it gives you sort of power!* – э-письмо). Частотными являются также предложения со значением ‘я могу что-либо делать, потому что знаю / разбираюсь’, где предикат выражен конструкцией: глаголы со значением возможности / знания + глаголы широкой семантики (например, *отец научил еще когда я в школе была – брату это было не интересно, вот мне свои умения и передал;*) *теперь могу запросто телек разобрать и собрать* ☺ – блог; *я лепи за тваё ведаю, як гэты парнік ставіць!!* – э-письмо), а также словосочетания и предложения со значением ‘эксперт в чем-либо’ (например, *супер танкист с вами!! сыграем??* – чат; *gash, looks like i'm profy in tactics!! wanna play more??* – чат).

Женщины-эрудиты – это пользователи, которые считают, что им известно все обо всем. Они свободно поддерживают беседы на любые темы, повсеместно пишут комментарии или дают советы, ссылаясь на авторитетные, по их мнению, источники. Их речь наполнена прецедентными выражениями в форме прямых / непрямых цитат известных людей / организаций (например, *есть и в таких случаях проверенные способы – как лолита советуем: пошли его на ...* – форум; *Mary Kay recommends to use cosmetics according to your age.* – блог). Кроме того, для сообщений таких пользователей характерны предложения со значением ‘мне что-то известно из такого-то источника’, где предикат выражен глаголами восприятия / познания / речевого сообщения (например, *мне стало известно, что макдональдс перешел на белорусские продукты...* – форум), а также словосочетания и предложения со значением ‘личный опыт’ (*года практики, на сваёй шкуры, from my experience* и т. п.). Например, *мая бабуля заўсёды ў бліны алею дадавала, у цеста я маю на ўвазе. Сама спрабавала – дакладна не прыгараюць* – форум). Они всегда стремятся указать источник получения информации (например, *Тётка говорит втирать против часовой стрелки*

большими пальцами. Бред, но работаем!! – э-письмо; *as far as I know, coffee is not advisable for pregnant women! my sister was told about that by her doctor* – форум).

Итак, представленные выше результаты исследования самопрезентации белорусских пользователей в национальном сегменте сети Интернет свидетельствуют о существовании номенклатуры пользовательских интернет-типажей. Отнести коммуникантов к тому или иному типу представляется возможным на основании того, что пользователи имеют схожую линию поведения при интернет-коммуникации, а их сообщения обнаруживают общие языковые маркеры.

Подчеркнем, что изучение феномена самопрезентации в Сети в целом и результаты разносторонних исследований его особенностей в частности может быть полезным пользователям для ориентации в мире интернет-общения и применяться в разработках путей и способов оптимизации межкультурной интернет-коммуникации белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакурова, Е. П. Особенности речевого поведения коммуникантов, обусловленные влиянием гендерной идеологии (на материале англоязычных электронных дневников) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. П. Вакура; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2011. – 16 с.
2. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Н. Галичкина. – Астрахань, 2001. – 212 л.
3. Кондрашов, П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / П. Е. Кондрашов; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 19 с.
4. Елькина, О. М. Лингво-социокультурные особенности речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале англоязычных блогов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. М. Елькина; Пятиг. гос. линг. ун-т. – Пятигорск, 2012. – 28 с.
5. Turkle, Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet [Electronic resource] / Sh. Turkle. – London : Simon & Schuster, 1995. – Mode of access : <http://www.transparencynow.com/turkle.htm>. – Date of access : 07.05.2018.
6. Baym, N. Interpersonal Life Online [Electronic resource] / N. Baym. – Mode of access : http://www.sagepub.com/mcquail6/PDF/062_ch04.pdf. – Date of access : 12.05.2018.
7. Сулер, Дж. Люди превращаются в Электроников : основные психологические характеристики виртуального пространства [Электронный ресурс] / Дж. Сулер. – 1998. – Режим доступа : <http://flogiston.ru/articles/netpsy/electronic>. – Дата доступа : 28.05.2018.
8. Жичкина, А. Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / А. Е. Жичкина. – М., 2001 – 202 л.

9. *Горошко, Е. И.* Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко // Электронный журнал Текстология.Ру. – Режим доступа : <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76>. – Дата доступа : 23.05.2018.
10. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред.: Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 328 с.
11. *Белова, К. А.* Интернет-дискурс Беларуси в социолингвистическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / К. А. Белова. – Минск, 2014. – 176 л.
12. *Лутовинова, О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. В. Лутовинова; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2009. – 39 с.
13. *Рыжков, М. С.* Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса (на материале русско- и англоязычных чатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. С. Рыжков; Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Воронеж, 2010. – 25 с.
14. *Donath, J. S.* Identity and Deception in the Virtual Community [Electronic resource] / J. S. Donath. – Mode of access: <http://smg.media.mit.edu/people/Judith/Identity/IdentityDeception.html>. – Date of access: 03.05.2018.

The article presents the results obtained while studying the specifics of users' internet characters explication in the Belarusian internet segment. The common line of behaviour in the course of internet communication and common language markers used in text messages creation help to define a set of internet characters typical of Belarusian users. The characters are divided into positive (gender marked) and negative (gender neutral) ones.

Поступила в редакцию 14.09.18

А. В. Вовк

СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В «ДНЕВНИКАХ» О. ГОНЧАРА: ЭКСПАНСИЯ ИСХОДНОЙ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Идиостиль О. Гончара всегда пребывал в сфере интересов лингвистов (работы Н. Сологуб, Ю. Кохана и др.). Впрочем, изучение индивидуального стиля писателя в его дневниках еще не было предметом специальных исследований языковедов. В статье рассматриваются основанные на экспансии исходной модели предложения синтактико-стилистические маркеры в «Дневниках» О. Гончара. Акцент сделан, в частности, на разных видах повтора и перечислений (многосоюзие, кольцо, амплификация, простой контактный повтор, анадиплосис, анафора, эпифора, антитеза).

В своих «Дневниках» О. Гончар, пользуясь средствами экспрессии, направляет читателя на самостоятельное осмысление коллизий/психологических конфликтов. Прагматическая установка этого жанра – создание иллюзии соучастия в происходящем, активизация у адресата эмоционального

настрою, привлечение читателя к сопереживанию, к установлению эмоционального контакта. Она влияет на характер языкового оформления текста, непосредственно связана с реализацией категории субъективной модальности, с семантическими категориями информативности, особенно с подтекстовой информацией, свойственна тексту и может быть определена через проявление средств ее вербального воплощения, использование стилистических средств, вместе со спецификой сюжетно-композиционного строения художественного текста [1, с. 82].

Актуальность исследования заключается в раскрытии структурных и функциональных особенностей, основанных на экспансии исходной модели синтактико-стилистических маркеров в «Дневниках» О. Гончара, а именно – различных видов повтора и перечислений (многосоюзие, кольцо, амплификация, простой контактный повтор, анадиплосис, анафора, эпифора, антитеза).

Целью нашей статьи является описание особенностей организации синтактико-стилистической модели предложения, основанной на экспансии; выявление особенностей семантико-синтаксической организации конструкций эмоционально-экспрессивного синтаксиса, представляющих различные виды повтора и перечислений и делающих текст «Дневников» О. Гончара более выразительным.

Экспансия синтаксической структуры реализуется в художественной речи за счет расширения структуры линейного количества единиц, входящих в нее, и усложнения структуры через введение в группу главных членов предложения дополнительных единиц [2, S. 120]. А. Мороховский к синтактико-стилистическим маркерам, основанным на экспансии исходной модели предложения, относит различные виды повтора, перечисления, эмфатическую конструкцию и вводное предложение [3, с. 138]. Перечисление неоднократно было предметом отдельных лингвистических исследований [4; 5; 6; 7]. Таким образом, перечисление является стилистическим приемом, который может воспроизводить многогранность предметов и явлений действительности [7, с. 151]. В «Дневниках» О. Гончара удалось обнаружить такие виды перечислений, как *многосоюзие*, *амплификация*, а также следующие виды повтора: *кольцо*, *простой контактный повтор*, *анадиплосис*, *анафора*, *эпифора*, *антитеза*.

Анализ синтактико-стилистических маркеров в нашем исследовании начнем с тех, что входят в группу перечисления. *Многосоюзие* создает эффект размеренности, равновесия и протяженности высказывания. В полисиндетических конструкциях О. Гончар использует:

1) союз *і*: *Адже ж не завжди суцільна тривожність панувала на цій прекрасній планеті, знала тут людина і людство, і сонячні бурі молодості, і щастя піднесень, і богорівну красу любові та творчості...* (2, с. 557)¹;

¹ В круглых скобках приводятся ссылки на источники примеров.

2) союз **як**: *Як нас роздягали на тюремнім плацу, як били голих, як хотіли вхопити сорочку, як ми спали по всьому дворі, на під-віконнях, на дахах коридорчиків, біля нужників і як підпливали всі водою й брудом...* (1, с. 18);

3) союз **чи**: *Чи горілка на нього діє, чи острах, чи висота так діє?* (1, с. 138);

4) союз **або**: *Отже, мені потрібний Місяць, або щастя, або безсмертя, або що-небудь, що, можливо, є безумством...* (1, с. 345);

5) союз **що**: *Хам (біблейський) помітив, що Ной був п'яний, але він не помітив, що Ной побудував ковчег, що врятував людство* (1, с. 249);

6) союз **доки**: *Доки живеш, доки хвилюєшся... Доки здатен на добро, на творчість...* (2, с. 213).

Самым распространенным видом многосоюзия в «Дневниках» является тот, который образован с помощью союза *и*. В зависимости от количественного проявления союза в синтаксической конструкции последние можно разделить на следующие виды:

а) трехсоюзные: *І Генсек, і Голова Уряду, і всі інші...* (2, с. 20);

б) четырехсоюзные: *І яке все тут прекрасне: ця тиша (дерева стоять у тиші, як у воді), і це повітря, і птахи, що перелетіли зграйками над огородами, і бур'яни...* (2, с. 155);

в) п'ятисоюзные: *...яке приваблює в ньому все – і звички, і вдача, і ніяковість, і скромність, і ця чесна сила...* (2, с. 188);

г) шестисоюзные: *Купчасті, розвіялись пелюстками, і на очах стали рожевіти, і вже цвітуть! І птахи по них летять, і барва зорі міниться, грає ще дужче, і верба одинока стоїть серед луку над озером, і я один...* (2, с. 537);

д) семисоюзные: *Дивує, чому і житель Океанії, і ескімос, і японець, скандинав – всі, всі люди, і чорні і білі, і жовті...* (2, с. 433).

В основном полисиндетические конструкции содержатся в пределах одного предложения, однако бывают случаи, когда союз *и* повторяется в следующем предложении или в нескольких следующих предложениях: *І Задніпров'я. І схили – такі ж, як у молодості. І каштани цвітуть. І бузки ліловіють* (2, с. 90); *А ось Грузія радує і музикою, і скульптурою, і голосами... І Вірменія має дві премії, і Киргизія...* (2, с. 283).

Однородными членами, которые объединяет полисиндетическая связь, в «Дневниках» Олеся Гончара могут выступать все члены предложения:

а) подлежащие: *І він, і дружина, і діти опинились ніби на іншій планеті...* (2, с. 409);

б) сказуемые: *...ось хто і русифікує, і закриває школи, і перекручує національну політику* (2, с. 127);

в) дополнения: *...це завдання і соціологів, і психологів, і операторів теж* (2, с. 241);

г) обстоятельства: *Писав і вдень, й уві сні, і вдома, і в літаку, і в усіх підворотнях Києва...* (2, с. 55);

д) определения: ...вчора на «надзвичайному» пленумі Співки (СП СРСР) владу захопила хунта Євтушенка, хоча письменники і Росії, й України на знак протесту покинули зал... (3, с. 374).

А м п л и ф и к а ц и я – это нанизывание, накопление однотипных и однородных единиц предложения. Каждая из этих единиц имеет самостоятельное значение, а все вместе, функционируя во взаимодействии, они подчеркивают, экспрессивно усиливают высказанное мнение. Однотипные и однородные компоненты в предложении сопровождаются служебными частями речи.

В «Дневниках» Олеся Гончара широко представлены амплифицированные конструкции с предлогами. Автор использует следующие предлоги:

1) від: **Від** сонця. **Від** весни. **Від** ваших друзів (2, с. 406);

2) про: *Кожна згадка **про** акації, **про** залиті сонцем скелі дніпровські, **про** блакить, **про** заводи, **про** Ломівку викликає почуття щемливе, глибоке* (2, с. 523);

3) для: *Полум'яний, він горів тільки **для** творчості, **для** мистецтва, **для** краси* (1, с. 209);

4) на: *Скаржився **на** хворобу, **на** самотність, **на** незлагоди родинні й заводські* (1, с. 400);

5) серед: *...і ми більше двох годин сиділи в тіні верб **серед** цього зеленого раю, **серед** квітів, **серед** розкоші раннього літа...* (1, с. 328);

6) без: *Чи буде це справжня еліта пушкінського, герценівського типу, чи буде це грубий невіглас-чиновник **без** найменшого поняття про шляхетність, **без** освіти, **без** смаку...* (1, с. 351). Конструкція *чи буде це* в цьому прикладі анафоричним повтором;

7) за: *Отже, **за** творчий геній народу, **за** духовну невичерпність, **за** його безсмертя!* (1, с. 440);

8) в: *...скільки такту, смаку, гідності в усьому – **в** манері виконання, **в** костюмах, **в** мелодії, **в** кожному жесті...* (1, с. 428); *...бачили Всесвіт у блиску світла, бачили небо у весняній блакиті, у білім цвітінні хмаринок, **в** ласкавості денного тепла...* (1, с. 418);

9) із: *Приїхали **із** Сухої, **із** Кобеляк, **із** Полтави...* (2, с. 332).

Амплифицированные конструкции с частицами в «Дневниках» встречаются реже:

1) то: *...ув'яжеться ластівка і супроводить людину, **то** попереду, **то** позаду, **то** побіля тебе стрільне...* (2, с. 65);

2) ні: *...не було **ні** роману, **ні** п'єси, **ні** фільму достойного...* (2, с. 442);

3) не: ***Не** В'єтнам, **не** імперіалізм **не** дають спати...* (2, с. 83).

По структуре амплифицированные конструкции в «Дневниках» О. Гончара могут быть:

а) трехкомпонентными: *Тут все зроблене з умом. **З** любов'ю. **З** гідністю* (2, с. 287);

б) чотирьохкомпонентными: ***Для** бджоли, **для** людини, **для** себе самої, **для** цілого світу* (2, с. 217);

в) п'ятикомпонентными: ***Ні** жебрацтва, **ні** чайових нема ніде (**ні** в готелях, **ні** в таксі, **ні** в ресторанах чи кафе)* (1, с. 277);

г) шестикомпонентними: ...*дякує за те і за те, за різні дарунки – за хліб, за рушники, за колосся...* (2, с. 293);

д) семикомпонентними: *Було багато питань: про матеріальне становище письменників, про соціалістичний реалізм, про ставлення радянських письменників до прогресивних письменників інших країн, про зв'язок письменників з читачами, про Зоценка, про Гашека, про ставлення народу до класичної спадщини та інше* (1, с. 129);

е) восьмикомпонентними: *Вплив український одбився на будівлі, на малюванні, на одязі, на співах, на музиці, на звичаях, на праві, на літературі...* (1, с. 235).

Итак, амплификация в «Дневниках» Олеся Гончара представлена достаточно разнообразно и является одной из самых используемых стилистических фигур.

Частотными в плане употребления являются синтактико-стилистические маркеры, входящие в группу повтора. К о л ь ц о – повтор речевой единицы в начале и в конце предложения. Чаще всего повторяются отдельные слова или словоформы: *Люблю це, люблю* (2, с. 97); а также слова в сочетании со служебными частями речи: *Старість. То те болить, то те...* (1, с. 260).

Автор объединяет экспрессивные маркеры: *Їдеш, попереду асфальт блищить, як вода, і хлопчик назустріч іде – ніби по воді; машини мчать теж ніби по воді; велосипедом хлопець дівчину везе, теж як по воді* (1, с. 139). В данном контексте, кроме кольца, автор использует анадиплосис (об этом маркере экспрессивности речь пойдет дальше). Обе стилистические фигуры выражены с помощью сравнения. Конструкция *як вода (як по воді)* используется в начале и в конце предложения, а *ніби по воді* – дважды в середине. Слово сочетание *по воді* употреблено в предложении трижды, поэтому можно говорить, что в этом примере присутствует также лексический повтор. Такое многообразие маркеров экспрессивности в одной синтаксической конструкции придает ей дополнительную выразительность.

Простой контактный повтор – непосредственная последовательность повторяющихся единиц, которые занимают в предложении контактную позицию [8, S. 135]. Т. Жук классифицирует повторы по характеру их структурной организации. По этому критерию она выделяет простой контактный повтор, который может быть выражен двухчленным или трехчленным сочетанием слов, выражающих эмоционально-оценочную тональность излагаемого [9, с. 8–9]: *І люди були, як Бабуся, Дідусь, дядько Костя, тітка Вустя і всі, всі...* (1, с. 113); *Видно, що кати й там боялися таких, як Курбас, боялись його сили, його розуму, його генія і краси!* (1, с. 214).

Иногда повтор встречается не только в пределах одного предложения, но и в пределах текста:

Спостереження: коли хто виступає з трибуни з казенною, штампованою промовою, і обличчя людей в залі стають бездумні, дерев'яні, майже тупі, – обличчя статистів.

І як змінюються ці ж **обличчя** під час концерту, коли зі сцени звучить прекрасний спів Гнатюка або Мокренка. Бачиш повен зал розумних **облич**, самозаглиблених, одухотворених (3, с. 80).

Повтор слова **обличчя** создает смысловой фон, эмоциональное чувство раздражения (первая часть текста) и восторга (вторая часть текста).

Повторяться могут несколько элементов в пределах одной синтаксической конструкции: **Всесвіт** повен **світла, світла**, що не йде від **зірок!** Так зване **реліктове світло** – воно зосталось у **Всесвіті** з первочатку, від великого вибуху, від **зірки найпершої, божественної!** Так фізики вважають, що це **світло реліктове**, а може, це й не так? Може, **світло** всесвітнє – це **світло** живе, вічно виникаюче з іще невідомого нам джерела? (3, с. 72).

В результате проведенного исследования мы можем предположить, что простой контактный повтор является источником дополнительной информации относительно характера восприятия ситуации: **Згадувати про молодість, про щастя молодості** – це теж **щастя** (3, с. 73). В этом примере автор высказывает свое мнение с помощью повторения слов *счастье* и *молодость*.

Повтор может сопровождаться грамматическим параллелизмом: **Я на тебе дивлюсь і не надивлюся. Я тебе люблю і не налюблюсь** (2, с. 256).

Простой контактный повтор в «Дневниках» Олеся Гончара представлен всеми членами предложения:

1) сказуемыми: **Йшлося ж бо не просто про те, щоб вижити, а ще й хотілося для України щось добре зробити, щось захистити і весь час когось рятувати, рятувати...** (3, с. 384);

2) подлежащими: **“Ви ж Шолохов! Не йдіть ні на які поступки, вони не посміють” і т. д., а потім глави з’являлись у газеті таки знівечені, глави, на які він, може, покладав останню надію** (3, с. 146);

3) определениями: **...в цьому її вся вдача, вся душа, все її життя** (2, с. 370);

4) дополнениями: **Так сонячно, здається, так, близько до гармонії в природі, якби ще, крім цього, та наблизитись і до гармонії між людьми...** (3, с. 205);

5) обстоятельствами: **...зав. філії сортирує людей: ви сюди, ви сюди...** (1, с. 246).

Достаточно распространенными в «Дневниках» являются повторы, графически оформленные с помощью соединительного союза: **Десятки й десятки** камікадзе один за одним ідуть на смерть (1, с. 346); **Вчити і вчити те, що не хотів би** (2, с. 87). Такие повторы максимально акцентируют внимание читателя на действии, описании, количестве, изображении действительности и т.п. Это создает дополнительную экспрессивность в тексте.

Простой контактный повтор с индивидуализацией номинации является не просто повторяемой дескрипцией, но и в подавляющем большинстве случаев дескрипцией эмоциональной и/или оценочной, которая свидетельствует о субъективном отношении говорящего (автора) к предмету.

Анади́плосис, или повтор-подхват (греч. *Anadiplosis* ‘удвоение’), – контактный повтор, суть которого заключается в повторении конечного элемента одного высказывания в начале следующего [3, с. 144]. Подхватывающий элемент предложения выполняет уточняющую функцию, дает художественной речи выразительность и эмоции: *Кочівнику, “архаровцу”, ніщо не дороге, в нього нема кореня, нема рідного краю, тим-то й філософія його – це філософія перекопаноля, а хватка ще гірша – хватка загарбника, урвителя, хапуги* (3, с. 207).

В одном предложении анади́плосис может функционировать вместе с другими синтактико-стилистическими маркерами: *Якщо народи наші все це переживуть і не самознищатья, якщо з просвітленим розумом підуть у далеч майбутнього, то вистачить їх, треба думати, й на таке: озирнувшись у наше, **побачать** епоху глибоко трагічну, людей, змучених чварами, тривогами й зранених культами, і водночас все ж **побачать** і їхній **подвиг** – **подвиг** віри й невимовно тяжкої боротьби з заблудженнями, **подвиг** самозречного захисту природи, життя на планеті й такого тяжкого відстоювання національних мов як вищого вияву духовності...* (3, с. 154). В этом примере автор также использует простой контактный повтор.

Часто с помощью конструкций с анади́плосисом автор хочет сконцентрировать внимание читателя на величии определенного лица или на глубоком осмыслении определенного термина: *На садибі Франковій – Франківські читання* (3, с. 21); *Так мислить справжній інтернаціоналіст – інтернаціоналіст не на словах, а на ділі* (3, с. 72).

Олесь Гончар использует анади́плосис также с целью уточнения: *Можна сказати, що цей народ і сьогодні в кольчuzі – в кольчuzі духовній* (3, с. 22); *Нема пояснення цьому найчорнішому злу – злу, націленому в душу народу* (3, с. 71). В обоих примерах лишь во второй половине предложения, когда раскрывается конструкция с анади́плосисом, становится понятным, что анади́плосис является средством создания переносного значения.

Анафо́ра – повторение какого-то слова или ряда слов в начале отдельных предложений, стихов или строф [10, с. 106]. Анафора усиливает и эмоционально подчеркивает смысл того, о чем рассказывает О. Гончар в своих «Дневниках»: *А той женьшеневий куц Тобілевичів, той феномен дивовижний – хіба він сьогодні оцінений належно?* (3, с. 148); *Мені не страшно. Мені тільки жаль покидати рідних і друзів. Бо чи зустрінемось де?* (3, с. 253).

Следствием использования анафоры является выразительность, создание определенного темпа и мелодики [11, с. 309]. С помощью анафоры автор актуализирует внимание читателя и передает душевное состояние человека.

Анафорические повторы в «Дневниках» О. Гончара выражают:

а) уверенность: *Але “Земля”, “Зачарована Десна” і “Щоденник” – це, звичайно, вершини його творчої думки. Тут – вся епоха. Тут він геній* (3, с. 253);

б) восхищение: *Ніч повна поезії... Чую шум моря. Чую голоси цикад – загадкові голоси вічності... Це мій найкращий пленум!* (3, с. 254);

в) авторскую мысль: *Коли проломлено шар духовності – гине людина; коли проломлено шар озоновий – приречена планета* (3, с. 228).

Э п и ф о р а – повторение слова или фразы в конце отдельных предложений или стихов [10, с. 106]: *Не пригадую, щоб мене мучив голод, був я навіть здивований, коли хтось із хлопців помітив: та й у тебе ж ноги пухлі! Дивлюсь – справді пухлі* (3, с. 247).

А н т и т е з а – это фигура речи, которая известна еще с древних времен благодаря активному использованию древнегреческими и древнеримскими философами для воздействия на слушателя. По мнению М. Брандес, антитеза – это стилистическая фигура, которая построена на подчеркнутом противопоставлении противоположных понятий, явлений, мыслей, образов и чувств, в основе которой лежит антонимичная пара, или сопоставление двух понятий, выраженных контекстуальными антонимами [11, с. 68].

Синтаксические конструкции, в которых реализуется антитеза, весьма разнообразны: от простого словосочетания до распространенного предложения или фрагмента прозаического текста в виде абзаца. Антитезы могут быть *асиндетическими*: *Білий чийсь кінь застиг по той бік озера в позі сумовитій. На вершкунку верболозів ворон сидить самотній, темний, як пророк* (3, с. 36); *Ні зла, ні добра тут ніде, сама безгомінь, успокоєність, задумливий плін буття* (3, с. 36) или *синдетическими*: *Може, є щось у житті таке, до чого людина й не повинна повертатися вдруге? Щоб чари не розвіялись, щоб не обуденилось те, що – **вперше і востаннє** – постало перед нею, як образ краси найвищої, божественної?* (3, с. 50).

В зависимости от количества противоположных по значению слов/словосочетаний в синтаксической конструкции последние можно разделить на следующие виды:

а) однокомпонентные: *Багатьом стає ясно, що сучасний технічний прогрес несе більше **зловісного**, аніж **доброго*** (3, с. 23); *Не байдужий я до **краси**, що є, але ще більше щемить душа за **красою**, що була і зникла* (3, с. 22);

б) двухкомпонентные: *Бачив країни **Заходу і Сходу**, бував **по цей бік і по той бік** екватора* (3, с. 26);

в) трехкомпонентные: ***Любов** – це краще, ніж **егоїзм**, **ненасильство** – краще, ніж **насильство**, **мир** – краще, ніж **війна*** (3, с. 9).

Таким образом, образованные в результате экспансии варианты синтаксических моделей являются стилистически маркированными и выполняют функцию усиления выразительности речи в «Дневниках» Олеся Гончара.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехта, И. А. Авторское экспериментаторство в англоязычной прозе XX века / И. А. Бехта. – Львов : ПАИС, 2013. – 268 с.

2. *Sowinski, B.* Stilistik der deutschen Sprache / B. Sowinski. – Weimar ; Stuttgart : Verl. Metzler, 1999. – 339 S.
3. Стилистика английского языка : учеб. пособие для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз. / А. Мороховский [и др.]. – Киев : Вища школа, 1984. – 247 с.
4. *Антонова, М. Ю.* Перечисление как средство репрезентации концептуальной информации в англоязычном экономическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Ю. Антонова. – Киев, 2011. – 232 л.
5. *Ветвинская, Т. Л.* Перечисление как стилистический прием (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.663 / Т. Л. Ветвинская. – Киев, 1970. – 280 л.
6. *Левашова, В. А.* Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. А. Левашова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1977. – 26 с.
7. *Левинская, Р.* Экспрессивное перечисление в романах Л. Фейхтвангера / Р. Левинская // Стилистика исследования художественного текста : сб. науч. тр. – Якутск, 1988. – С. 151–159.
8. *Luukkainen, M.* These, Antithese, Synthese // M. Luukkainen. – Hamburg : Buske Verl., 1997. – 301 S.
9. *Жук, Т.* Лексический и синтаксический повтор в украинском народном творчестве (на материале украинских народных сказок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Жук ; Нац. пед. ун-т. – Киев, 2005. – 18 с.
10. *Домбровский, В.* Украинская стилистика и ритмика. Украинская поэтика / В. Домбровский. – Дрогобыч : Возрождение, 2008. – 488 с.
11. *Брандес, М.* Стилистика текста : теорет. курс : учебник / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс-Традиция ; ИНФРА-М., 2004. – 416 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Гончар О.* Дневники : в 3 т. / О. Гончар. – Киев : Радуга, 2002–2004. – Том 1 : 1943–1967. – 2002. – 455 с.
2. *Гончар, О.* Дневники : в 3 т. / О. Гончар. – Киев : Радуга, 2002–2004. – Том 2 : 1968–1983. – 2003. – 607 с.
3. *Гончар, О.* Дневники : в 3 т. / О. Гончар. – Киев : Радуга, 2002–2004. – Том 3 : 1984–1995. – 2004. – 648 с.

The article considers the syntactic-stylistic markers in Oles Honchar's "Diaries" which are based on the expansion of the original model principle. It also focuses on the stylistic functions which contribute to the general expressive background of the writer's work.

Поступила в редакцию 29.06.18

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Т. В. Бусел

РАЗРАБОТКА АВТОМАТИЗИРОВАННОГО МЕТОДА ПОРОЖДЕНИЯ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ НА ОСНОВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные с созданием систем автоматического порождения текстов на естественном языке, описывается общая организация системы: способы представления данных, теории и технологии реализации процесса порождения. Предлагается вероятностно-алгоритмический метод генерации деловых документов, который учитывает правила их логико-семантической, синтаксической и лексической организации, а также вероятностные факторы, влияющие на способы тематического развертывания и вербализации текстовых компонентов.

Появление и широкое распространение современных информационных и коммуникационных технологий значительно ускорило развитие научной области, известной как компьютерная лингвистика. Сфера приложений компьютерной лингвистики постоянно расширяется, появляются все новые фундаментальные задачи, связанные с моделированием разнообразных видов речемыслительной деятельности людей. Генерация текста на естественном языке является одной из наиболее сложных задач искусственного интеллекта и компьютерной лингвистики.

Лингвистические проблемы, возникающие при создании систем порождения текстов (СПТ), напрямую связаны со свойствами языка и обусловлены целым рядом факторов. В о - п е р в ы х, для естественного языка (ЕЯ) характерны непостоянность и неоднородность правил его описания. Большое разнообразие грамматических форм и правил часто не позволяет выделить некую единую структуру, необходимую для построения компьютерной системы. Более того, набор лингвистических правил, разработанных для языка с жестким порядком слов в предложении (как, например, английский язык), не может быть использован для флективно богатого языка (языки славянской группы).

В о - в т о р ы х, возникает проблема описания смысловой составляющей текста. Порождение текста требует создания мощного компонента искусственного интеллекта, который мог бы работать с лингвистическими базами знаний, адаптировать систему для новых знаний и обучаться.

При моделировании процесса порождения текста компьютером необходимо учитывать, что ЕЯ – это не просто набор слов, связанный грамматическими правилами. Приоритетной задачей является получение именно осмысленного текста, что, в свою очередь, приводит многих разработчиков к необходимости учета семантических связей не только между отдельными словами, но и между предложениями и даже документами. С этой точки зрения наиболее сложной и интересной является именно генерация текстов, реализация которой будет наиболее полно учитывать все важные смысловые связи в документе.

В настоящее время известны многочисленные подходы к процедуре порождения текстов с помощью компьютера, которые подробно освещаются в работе американского ученого Э. Хови [1], зависят они в основном от того, для какой цели создается текст. По степени сложности и выразительности существующие методы порождения сообщений принято подразделять на четыре класса.

1. *Canned-based method*. Для порождения сообщений создаются таблицы неизменяющихся шаблонов, которые используются системой в зависимости от ситуации. Этот метод предназначен для порождения простых цепочек слов (например, сообщение об ошибке в работе программного продукта и т.д.).

2. *Template-based method*. Данный метод связан с созданием различного рода диалоговых систем, применяемых в справочных и обучающих системах, как правило, это шаблонные системы (*template systems*), которые используют готовые реплики или комбинируют готовые фрагменты текста таким образом, что они занимают заданные позиции в дискурсе или стереотипном тексте.

3. *Phrase-based method*. Более сложный метод, при котором используются универсальные фразовые шаблоны на синтаксическом уровне и на уровне дискурса, поэтому их также называют «планами текста» (*text plans*). В таких системах фразы строятся в соответствии с определенной моделью (например, «подлежащие + сказуемое + дополнение»), а затем каждая составляющая данной модели находит свое воплощение в соответствии с грамматическими правилами, заложенными в систему. Процесс построения модели предложения завершается тогда, когда каждая его составляющая выражается конкретным словом или сочетанием слов. Такие системы являются достаточно эффективными, но имеют определенные ограничения, вызванные необходимостью детально описывать межфразовые связи и способы их реализации, для построения грамматически правильных предложений.

4. *Feature-based method*. Это наиболее сложный метод. Он требует привлечения обширных лингвистических знаний, но в то же время он и наиболее привлекателен. Синтез сообщения осуществляется на основе набора свойств (грамматических признаков). При таком подходе предложение определяется набором характеристик составляющих его слов (например, наличие/отсутствие отрицания, настоящее/прошедшее время) и правилами их сочетаемости.

Архитектура современных систем генерации текстов на естественном языке (ГЕЯ), как правило, представлена тремя основными составляющими: *оболочка*, *планировщик* и *лингвистический компонент*. Рассмотрим их основные функции, опираясь на работы [2, с. 12–14; 3].

Оболочка (*underlying application program*) определяет назначение СПТ и характер баз знаний, из которых черпается информация для построения текста. Оболочка выполняет две основные функции: иницирует процесс генерации и определяет цели, которые должны быть достигнуты высказываниями.

Планировщик определяет пути достижения высказываниями поставленных оболочкой целей в данном предметном контексте. Он обеспечивает:

1) выбор информации, которая должна быть выражена или опущена;
 2) определение того, как она должна быть представлена (как событие, например, «the economy developed» или как объект, например, «the development of the economy» и т.д.);

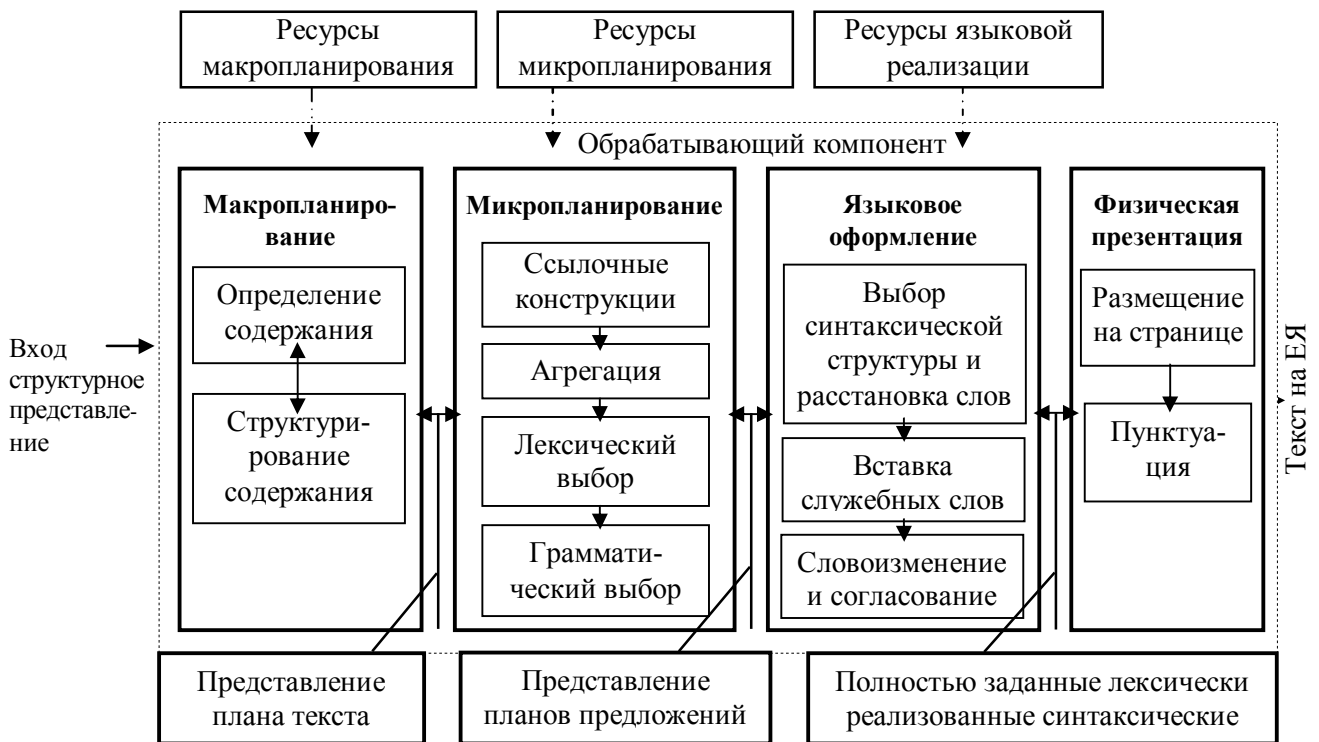
3) выбор способа взаимодействия с лингвистическими данными (лексика открытых классов, синтаксические конструкции). В частности, планировщик выполняет следующие задачи:

- 1) структурирование текста – определение порядка пропозиции и границ предложений в выходном тексте;
- 2) выбор лексики;
- 3) построение синтаксической структуры предложений выходного языка;
- 4) языковое оформление отношений кореференции (анафора, дейксис, эллипсис).

Каждая из перечисленных выше задач планировщика только теоретически может рассматриваться полностью изолированно от других. При экспериментальном моделировании, особенно в составе СПТ, их функции перемежаются.

Лингвистический компонент порождает тексты в соответствии со спецификациями планировщика. Он обеспечивает грамматическую правильность текста и принимает большую часть, если не все синтаксические и морфологические решения. Полностью обеспечивает процессы синтаксического и морфологического синтеза текста на основе синтаксической структуры.

Процесс ГЕЯ принято представлять с использованием известной в теории информационных систем идеи конвейера обработки данных. Путем обобщения опыта создания действующих систем ГЕЯ построена представленная на рисунке схема, которая отражает общую картину преобразований в системе ГЕЯ.

Общая схема генерации

Из схемы видно, что система генерации состоит из трех относительно независимых блоков. *Макропланирование* – построение плана текста. *Микропланирование* – построение планов предложений и *языковое оформление* – реализация построенных планов предложений средствами конкретных ЕЯ. Рассмотрим более подробно каждый из этапов генерации.

Основная цель этапа *макропланирования* – создание плана текста. Для этого из входных данных система выбирает данные, релевантные поставленной коммуникативной цели, и организует их в последовательность изложения в будущем тексте.

Определение вида входных данных является кардинальным вопросом. Как правило используются:

1) базы данных. Особенность этого типа источника состоит в том, что информация не организована для передачи адресату. Тип текста, который можно построить на основе этой информации, и его структура должны быть определены извне;

2) семантическое представление – представление содержания текста, созданное человеком с помощью системы интерфейсного типа «человек – компьютер», т.е. такой системы, которая позволяет построить семантическое представление из предлагаемых интерфейсом понятий на основе внутренней речи человека. Этот процесс называется «symbolic authoring» [цит. по: 4];

3) представление знаний на формальном языке.

План текста – это представление информации, составляющей содержание будущего текста, организованное в виде единой структуры. Для представления этой информации может использоваться концептуальное представление, состоящее из объектов и отношений между ними. Объекты концептуального представления – это экземпляры сущностей ПО, порожденные из них согласно информации, представленной системе генерации, отношения между объектами – это отношения между соответствующими сущностями модели ПО, которые планируется рассмотреть в создаваемом тексте.

После построения плана текста и сообщений выполняются задачи *микропланирования*. Целью данного этапа является составление плана отдельных предложений генерируемого текста на основе сообщений с учетом общей структуры текста. Семантическое представление предложения строится из одного или нескольких соседних сообщений с учетом окружающей их риторической структуры. Для того чтобы провести такое преобразование на этапе микропланирования, выполняются три основные задачи.

1. Агрегация, в ходе которой происходит объединение простых фраз в более сложные структуры предложений (простое сочинение, синтаксическое подчинение и т.д.).

2. Лексикализация концептов сообщения, т.е. выбор подходящих слов для выражения их содержания.

3. Вставка ссылочных конструкций. Для обеспечения лучшей слитности текста при повторном упоминании объекта в высказываниях для его идентификации выбираются различные слова или словосочетания (местоимения, дефинитные описания и т.д.).

Таким образом, на этапе микропланирования построенные сообщения, с учетом их расположения в плане текста, преобразуются в планы отдельных предложений.

На этапе языкового оформления эти планы реализуются средствами лексики и грамматики конкретного ЕЯ в грамматические структуры, которые затем преобразуются в предложения ЕЯ текста. Этот этап называется также поверхностной реализацией и базируется на положениях трансформационной грамматики, разработанной Н. Хомским, который разделил лингвистические представления на глубинные и поверхностные. Глубинное грамматическое (семантическое) представление фактически содержит план поверхностной грамматической структуры высказывания. На этапе поверхностной реализации генератор выбирает грамматические конструкции – функциональные роли (подлежащее, прямое дополнение и т.д.), определяет линейный порядок, части речи (существительное, глагол и т.д.), сложность предложения (простое, сложное) и окончательную форму слов (морфология), вставляет служебные слова (союзы, предлоги, артикли). Ресурсы этого уровня описывают лексический, морфологический и синтаксический уровни лингвистической модели языка.

Таким образом, в процессе генерации входное представление последовательно преобразуется между следующими лингвистическими уровнями: концептуальный уровень, семантический уровень, риторический уровень, синтаксический уровень и текстовый уровень. Считается, что первые три уровня описывают надязыковые явления, а последние два уровня – явления, специфичные для конкретного языка. Генерация в такой уровневой модели может быть определена как лингвистически мотивированный процесс построения текста на ЕЯ последовательным преобразованием его порождаемой структуры от концептуального уровня к текстовому.

Анализ приведенных выше подходов к созданию систем генерации показывает, что данные методы, как правило, не рассчитаны на порождение текстов по заданному содержанию.

Нами был разработан вероятностно-алгоритмический метод порождения текста, позволяющий порождать тексты деловых документов различных типов на английском языке по заданному содержанию. Процесс генерации текста компьютерной системой происходит в две стадии. Первая определяет содержание и структуру будущего текста, это стратегический компонент, его еще называют «планировщиком» текста. Вторая стадия – лингвистический (или тактический) компонент – определяет, как строить текст делового документа, какие лексические, синтаксические и коммуникативные средства естественного языка нужны для порождения текста.

На основе анализа различных текстов деловых документов были созданы алгоритм и база данных для работы программы порождения. Для каждого текста делового документа в такой базе данных указаны:

1) логико-семантическая формула текста, которая представляет собой линейную последовательность абзацев с определенным предметно-логическим содержанием;

2) таблица основного статического содержания (ТОС), в которой приведены главные и второстепенные опорные слова, которые отражают главные субъекты и объекты ситуации, описываемой в тексте;

3) алфавитно-частотный словарь текста;

4) семантико-синтаксические формулы абзацев (СЕСФА) текста, представленные на специальном семантико-синтаксическом языке, в основе которого лежат семантические функции.

Подбор СЕСФА для заданного основного содержания и порядок их следования в пределах семантико-синтаксической формулы текста определяется двумя типами факторов:

а) вероятностными, выявленными в процессе статистического анализа следования абзацев с разным предметно-логическим содержанием в текстах деловых писем;

б) детерминированными, полученными в результате качественного изучения ТОС и СЕСФА.

Определяющими при этом являются факторы детерминированные.

При внедрении в промышленные системы обработки связных текстов разработанный вероятностно-алгоритмический метод порождения текстов на ЕЯ позволит грамотно и быстро порождать различные типы деловых документов по заданному содержанию, соответствующие международным стандартам. Поскольку английский язык является основным средством международного делового общения во всем мире, система, разработанная на основе предложенного вероятностно-алгоритмического метода, может иметь широкое практическое применение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hovy, E.* Language Generation [Электронный ресурс] / E. Hovy // Survey of the state of art in human language technology. – 2017. – Режим доступа : <http://www.isi.edu/natural-language/people/hovy/publications.html>. – Дата доступа : 10.06.2017.

2. *Соколова, Е. Г.* Лингвистические компоненты в экспериментальных системах генерации текстов (по работам ученых США и Канады) / Е. Г. Соколова // НТИ. Сер. 2, Информационные процессы и системы. – 1993. – № 4. – С. 10–14.

3. *Bateman, J. A.* An overview of computational text generation / J. A. Bateman // Computers and Texts : An Applied Prospective / C. Butler (ed.). – Oxford, (England), 1992. – P. 53–74.

4. *Соколова, Е. Г.* Генерация текстов на естественном языке – состояние вопроса и прикладные системы / Е. Г. Соколова, М. В. Болдасов // НТИ. Сер. 2, Информационные процессы и системы. – 2005. – № 10. – С. 12–22.

The article is devoted to theoretical and practical aspects of natural-language generation. It presents a new probably-algorithmic method, which takes into account determinative and probabilistic factors that play an important role in the text generation process and thus provide a more effective solution of the task.

Поступила в редакцию 02.10.18

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

П. В. БоровиковО СУТИ И СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ»
И «ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В статье описывается явление, которое стало очень значительным в современном литературоведении – литература мультикультурализма и ее локальный вариант, характерный для Великобритании, – постколониальная литература. Приведены различные подходы к определению понятия «постколониализм» и его культурному влиянию как среди зарубежных, так и постсоветских исследователей; указаны различные подходы к описанию явления постколониальной литературы на примере известных произведений. Приводится краткий обзор фундаментальных работ по современной английской литературе. Дано более четкое определение термина «постколониальная литература» и перечень затрагиваемых в ней проблем.

Феномен мультикультурализма стал одной из доминирующих общественных парадигм в странах Западной Европы, Северной Америки, а также в Австралии и в меньшей степени в Новой Зеландии. На современном историческом этапе это явление пытается проникать и в страны Восточной и Южной Европы, однако наталкивается на различные препятствия, часто входя в противоречия с традиционными ценностями, которых придерживаются правительства этих стран и, что более важно, сами народы этих стран.

В Великобритании причины перехода к политике мультикультурализма были следующими: распад империи, падение темпов производства, нехватка специалистов рабочей квалификации. Если первая причина более-менее очевидна, то вторая и третья были обусловлены почти исключительно британским явлением, получившим название утечки мозгов (англ. *brain drain*), т.е. оттоком высокообразованных специалистов из Великобритании в Соединенные Штаты.

Это в первую очередь способствовало кризису наукоемких отраслей, где требуется серьезная подготовка кадров для поддержания высокого научного и технического уровня в стране. Поскольку внутренних источников для замещения эмигрировавших специалистов у Великобритании не хватало, то стране пришлось привлекать к себе выходцев из других стран, которые в массе своей были жителями бывших британских колоний: в основном из Индии, Пакистана, стран Карибского бассейна.

При этом британское правительство оказывает широкую правовую и культурную поддержку иммигрантам: во-первых, по линии Содружества Наций, во-вторых, сохраняя культурные традиции народов (постройка самого большого индуистского храма за пределами Индии; или, например, ежегодное проведение фестиваля карибской культуры в Лондоне [1; 2]).

Из сказанного выше становится понятно, что в современном западном мире, в том числе и в Великобритании, мультикультурализм стал одним из ведущих и всепроникающих социальных доминант. Будучи важной составляющей общественной политики государства, данный феномен повлиял и на культурную сферу, включая литературу.

В последние годы Великобритания столкнулась со значительными проблемами в сфере иммиграционной политики и ассимиляции многочисленных групп населения в британское общество. Начиная с середины XX в. в эту страну значительно увеличился приток иммигрантов из бывших колоний, которые стремились к лучшей жизни или бежали от преследований на родине. Среди этих «новых британцев» через некоторое время стали появляться авторы, которые в своих произведениях поднимали острейшие вопросы социальной адаптации и поиска себя в совершенно новых реалиях незнакомой или лишь отдаленно знакомой страны. Через литературные произведения писатели зачастую стараются отразить свое видение многочисленных трудностей и пытаются изложить свою трактовку данных событий и процессов; многие из них сами прошли все этапы социальной интеграции и отразили этот опыт в своих произведениях. С. П. Толкачев в своем исследовании пишет следующее: «Как демонстрирует общественно-литературная жизнь на Западе, доктрина мультикультурализма помогает различным социальным группам материализовать свою личностную, вариативную идентичность как в рамках повседневной реальности диаспор, так и в контексте социального и культурного “мейнстрима”» [3, с. 356].

Ключевой проблемой в литературе мультикультурализма является проблема «своего среди чужих, чужого среди своих», поскольку произведения зачастую являются эклектикой всех проблем, с которыми сталкивается практически любое полиэтничное общество, будь то британское, немецкое, американское, русское и т.д. Однако здесь нужно сказать, что нельзя отождествлять полиэтничность общества с мультикультурализмом, поскольку одно не обязательно подразумевает другое, хотя определенная связь имеется. Примером может служить Россия, где проживает множество национальностей, однако доктрина мультикультурализма там не прижилась, и вряд ли в скором времени приживется. Однако же необходимо упомянуть, что некое осмысление таких социальных процессов, как массовая миграция, стирание границ, столкновение культур и др., происходящих как в России, так и в остальном мире, в современной русской литературе нашло свое отражение в жанрах романов-антиутопий. Примерами могут служить романы «Маскавская Мекка» Андрея Волоса [4] (попал в лонг-лист Букеровской премии в 2004 г.) и «Мечеть Парижской Богородицы» Елены Чудиновой [5]. В Беларуси можно отметить роман Виктора Мартиновича «Мова» [6], который также представляет собой роман-антиутопию, базирующийся на авторском видении современных социальных и культурных процессов в стране и мире.

Таким образом, мультикультурализм – это понятие куда более широкое, охватывающее различные сферы жизни Великобритании. В то же время, для удобства описания периода, который наступил после распада колониальных империй, исследователи ввели новое определение – *постколониализм*. Этот термин стал применяться в отношении бывших империй (Великобритании, Франции, в меньшей степени – Германии и Бельгии). Однако же мультикультурализм имеет более широкое применение – данный феномен, кроме вышеупомянутых стран, также характерен для США, Канады, Австралии, Италии и др. Постколониализм чаще определяет взаимодействие метрополий и их бывших колоний на культурном и социальном уровне, но не затрагивает сферы экономики и политики.

В современном литературоведении термин «постколониальная литература» уже прочно обосновался и стал общепринятым в среде исследователей тенденций в британской и в целом англоязычных литературах. Но несмотря на общепринятость самого термина, литературоведы все еще не пришли к консенсусу касательно определения термина «постколониальный». Депика Бари указывает на то, что ведутся «серьезные дискуссии, касательно характеристик определения и сферы употребления термина “постколониальный”, который сам по себе является словом с очень широким значением» [7, р. 34]. Эллке Баймер, к примеру, полагает, что «при самом общем подходе всю современную литературу можно назвать колониальной или постколониальной, если вспоминать что когда-то Британия была завоевана Римской Империей» [8, с. 1]. Таким образом, она предлагает использовать более узкий термин, с акцентом на «литературе, написанной на английском языке в странах, которые ранее были частью Британской империи» [Там же]. Аня Лумба полагает, что постколониализм – это чересчур размытое понятие [9]. Билл Эшкрофт, Гарет Гриффитс и Хелен Тиффин высказывают предположение, что недостаточное количество критического материала по «новым литературам» стало причиной «неспособности европейских литературоведов адекватно справиться со всеми сложностями и культурным генезисом постколониальных произведений» [10, р. 11]. Тем не менее, все они считают, что термин «постколониальный» является наиболее приемлемым в настоящее время, так как «он открывает путь к возможному изучению влияния колониализма ... Но даже если и так, то все равно могут появиться более предпочтительные термины» [Там же, р. 24].

Таким образом, многочисленные исследователи термином «постколониальная литература» пытаются емко и кратко обозначить целый ряд новых авторов, которые пишут свои произведения на английском языке, но сами не относятся к коренным британцам либо вообще являются гражданами других государств. Известный литературовед Малькольм Брэдбери даже ввел понятие «новые английские литературы» [11]. Среди ученых ведутся споры о тождественности обоих терминов – «постколониальная литература» и «новые английские литературы». Некоторые (Эшкрофт, Баймер и др.) считают, что эти понятия практически идентичны и включают в себя

творчество не только писателей Великобритании (как коренных, так и иммигрантов), но также тех, чьи корни и зачастую место проживания находятся далеко за ее пределами.

Другие исследователи (Г. Спивак, С. П. Толкачев, О. Г. Сидорова) полагают, что постколониальная литература и «новые английские литературы» пересекаются лишь в том, что касается использования английского языка. Они относят термин «постколониальный» только к тем писателям-иммигрантам, которые являются резидентами или гражданами Великобритании. Например, О. Г. Сидорова отмечает следующее: «эта литература становится “постколониальной” в том смысле, что она находится в состоянии взаимодействия с культурой покоренной страны. Кроме того, после распада империй ряд жителей бывших колоний приезжают на территорию метрополии, становясь носителями одновременно двух культурных традиций» [12, с. 123]. Эта точка зрения является преобладающей в постсоветском литературоведении и куда точнее определяет характер постколониальной литературы, которая обладает своими специфическими особенностями (о них будет сказано ниже). Термин же «новые английские литературы», по мнению исследователей, применим ко всем литературам, создаваемым на английском языке, но при этом принадлежность авторов определяется страной их происхождения или пребывания; так, писатель-индус, пишущий на английском языке, но живущий в Индии, будет относиться к индийской литературе, а именно к ее англоязычному сегменту.

В итоге следует считать, что термин «постколониальная литература» является достаточно условным, поскольку включает не только авторов-выходцев из бывших колоний, но и иммигрантов из стран, которые никогда не были частью Британской империи, например, Кадзуо Исигуро (Япония), Тимоти Мо (Китай) и др.

Стоит отметить, что, несмотря на распространенность явления и высокую оценку творчества авторов-постколониалистов, среди литературоведов долгое время существовала предвзятость к подобного рода произведениям. Лишь ближе к концу 1980-х гг. за рубежом начала выходить критическая литература, исследующая современные тенденции в британской литературе, открывая академическому сообществу целый пласт новых авторов: при этом некоторые из них уже были к тому времени известны широкой публике. Таким образом, шло некое запаздывание с осмыслением явления, которое уже имело место.

В постсоветском литературоведении ситуация, касающаяся британского постколониального романа, была еще более сложной. Несмотря на то, что был известен целый ряд ученых, занимавшихся исследованием данного явления, до начала 2000-х гг. отсутствовали докторские диссертации на данную тематику. Одним из первых исследователей, посвятивших свою работу именно современному британскому роману, был российский литературовед С. П. Толкачев, который рассмотрел современный английский роман с позиции мультикультурного анализа [3]. Вскоре последовало

исследование О. Г. Сидоровой, рассматривающее современный британский роман последней трети XX века [13]. Из последних работ стоит отметить диссертацию О. А. Джумайло, исследующую английский исповедально-философский роман [14]. Что касается белорусского литературоведения, то здесь необходимо отметить исследование А. В. Каличкиной, посвященной творчеству Салмана Рушди [15] и В. Г. Мининой, рассматривающей произведения Кадзуо Исигуро [16]. Можно сделать вывод, что постепенно к современной английской литературе проявляется все больший академический интерес и это способствует более объективному изучению и описанию особенностей постколониальной литературы, в том числе в отечественном литературоведении.

Для более полного понимания концепции постколониальной литературы необходимо ознакомиться с понятием литературы колониализма, который, согласно Э. Баймер, «связан с экспансией европейских национальных государств в девятнадцатом веке» [8, р. 2]. Однако четкого определения «колониальной литературы» нет, так как она не принадлежит ни к одному литературному канону и слишком синкретична. Можно утверждать, что колониальная литература – это произведения, связанные с колониальным восприятием и опытом, где авторами, в основном, выступают представители метрополии, но также и креолы, и уроженцы местных народов в колониальный период. Таким образом она включает литературу Великобритании и остальных частей Британской империи. К такого рода произведениям относятся, например, «Робинзон Крузо» Даниэля Дэфо, «Сердце тьмы» Джозефа Конрада, «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона и «Путь в Индию» Э. М. Форстера.

Основным критиком теории колониализма и апологетом новых подходов к созданию и анализу литературы стал Эдвард Саид. В своем фундаментальном труде «Ориентализм» он высказал мнение о том, что Запад всегда неверно интерпретировал Восток, пытаясь понять его со своих позиций. В результате в произведениях авторов, пишущих о Востоке, очень много неверных истолкований мировоззрения народов, его населяющих. Отсюда заявление Саида о том, что авторы, которые пишут о своих родных странах, неизбежно будут сталкиваться с противодействием со стороны традиционалистов-западников [17].

Изучение постколониализма берет начало в 1970-х годах. Д. Бари полагает, что термин «постколониальный» «пытается описывать вторую половину двадцатого века в целом как период последствий после зенита колониализма» [7, р. 12]. Авторы стали искать «возрожденную идентичность» (обращаться к истории и традициям своего собственного народа) и независимость от имперских идеологических доктрин. В данном случае, краеугольным камнем в постколониальной теории является выбор языка произведения. С одной стороны, писатели отвергают язык колонизаторов с целью поиска собственных корней. С другой стороны, использование английского языка способствует «слиянию культур», поскольку происходит

«встреча двух культур, в результате которой традиционный уклад подавляется чужими и насаждаемыми извне ценностями» [18, с. 14]. Эта тема слияния культур является одной из ключевых в постколониальной литературе. Авторы считают язык «средством сохранения власти», но вместо стандартной версии английского языка, они пользуются национальным вариантом, чтобы реконструировать и деконструировать английский язык. Отсюда следует, что «постколониальные произведения отвергают привилегированное положение английского языка, используя язык для подчеркивания различий, и одновременно с этим используя сходства, чтобы быть понятными другим» [7, р. 81].

Что несомненно объединяет практически всех писателей-постколониалистов, так это тематика их произведений: большинство авторов часто обращаются к темам поиска себя, своего места в новой среде и на более глубоком уровне – своей внутренней идентичности. Последнее особенно характерно для авторов смешанного происхождения, их герои зачастую переживают внутренний комплекс «потерянности», так как разрываются между двумя культурами. В этом контексте стоит также отметить автобиографический аспект произведений: многие авторы в художественной форме демонстрируют свой собственный опыт жизни и адаптации в чужой стране.

Еще одна особенность, которая очень часто фигурирует в постколониальных романах, – это культурный шок героев произведений. Он обусловлен тем, что иммигрантская культура сталкивается с новыми для нее традициями и устоями, но далеко не всегда готова к трансформации и адаптации к этим новым условиям. Поэтому герои романов данного направления вынуждены совмещать в себе черты обеих культур, которые зачастую противоречат друг другу, что приводит к внутренней неустойчивости характеров персонажей.

Очень часто в романах писателей-постколониалистов герои проходят через внутренний мировоззренческий кризис; многие литературные персонажи в определенные моменты сталкиваются с тем, что собственные убеждения ставятся ими самими под сомнение и возникают внутренние противоречия. В основном подобные изменения связаны с внешними факторами, какими-либо событиями, вызывающими серьезное переосмысление своих взглядов. В постколониальной литературе в целом чаще всего происходит трансформация внутренних убеждений и видны перемены в характерах персонажей – может наступить внутренний компромисс, принятие определенных ценностей как родной культуры, так и культуры страны, в которой герои произведений живут, или же они могут занять одну из двух позиций, категорически отвергая вторую. Другим вариантом развития событий может быть сохранение статуса-кво: персонажи лишь прочнее убеждаются в своих первоначальных взглядах, независимо от того были ли они компромиссными или четко содержали ту или иную позицию.

Можно заключить, что наиболее актуальные вопросы, которые затрагивают писатели-постколониалисты, это вопросы бытия, национальной

и культурной принадлежности героев и идеологических, а также религиозных коллизий в их мировоззрении. Стоит отметить, что этот круг проблем связан непосредственно с тем, что авторы в произведениях могут в художественной форме отражать свой собственный жизненный опыт. Вышеперечисленные проблемы являются объектом нашего изучения и в той или иной степени характерны для тех британских писателей-постколониалистов, чьи произведения рассматриваются в рамках исследования – Х. Курейши («Buddha of Suburbia», «Something to Tell You»), М. Али («Brick Lane», «In the Kitchen»), З. Смит («White Teeth», «On Beauty»), Д. Дэвидин («The Intended», «Disappearance»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Самый большой индуистский храм за пределами Индии // Guinnessrecords.ru [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : http://www.guinnessrecords.ru/info/arhitektory_i_stroiteli/samyi_bolshoi_induistski_i_hram_za_predelami_indii.htm. – Дата доступа : 16.05.2018.
2. Бадов, А. В Лондоне начался Ноттинг-Хилльский карнавал – фестиваль культуры Карибских островов / А. Бадов // Новости@mail.ru [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://news.mail.ru/society/14469608/>. – Дата доступа : 14.05.2018.
3. Толкачёв, С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / С. П. Толкачёв. – М., 2003. – 381 л.
4. Волос, А. Г. Маскавская Мекка / А. Г. Волос. – М. : ЗебраЕ; Эксмо; Деконт +, 2003. – 414 с.
5. Чудинова, Е. П. Мечеть Парижской Богородицы / Е. П. Чудинова. – М. : Яуза; Эксмо; Лепта, 2005. – 528 с.
6. Мартинович, В. В. Мова / В. В. Мартинович. – Вильнюс : Logvino literatūros namai, 2014. – 308 с.
7. Bahri, D. Native Intelligence: Aesthetics, Politics, and Postcolonial Literature / D. Bahri. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2003. – 297 p.
8. Boehmer, E. Colonial and Postcolonial Literature: Migrant Metaphors / E. Boehmer. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 368 p.
9. Postcolonial Studies and Beyond / A. Loomba [and oth.] ; ed. by A. Loomba. – Delhi : Permanent Black, 2006. – 499 p.
10. Ashcroft, B. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures / B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. – 2nd ed. – London : Routledge, 2002. – 296 p.
11. Bradbury, M. The Social Context of Modern English Literature / M. Bradbury. – N. Y. : Schocken Books, 1971. – 277 p.
12. Сидорова, О. Г. Понятийно-терминологическое поле постколониального дискурса / О. Г. Сидорова // Текст в культурно-историческом контексте : сб. науч. тр. / Уральский гос. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 120–127.

13. *Сидорова, О. Г.* Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / О. Г. Сидорова. – М., 2005. – 333 л.
14. *Джумайло, О. А.* Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / О. А. Джумайло ; ЮФУ. – Ростов на/Д., 2014. – 40 с.
15. *Каличкина, А. В.* Взаимодействие постмодернистских и постколониальных мотивов в творчестве С. Рушди : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / А. В. Каличкина ; МГЛУ. – Минск, 2003. – 20 с.
16. *Минина, В. Г.* Романы Кадзуо Исигуро: проблематика и жанрово-стилевая специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / В. Г. Минина ; БГУ. – Минск, 2013. – 26 с.
17. *Said, E. W.* Orientalism / E. W. Said. – N. Y. : Vintage Books, 1979. – 368 p.
18. *Said, E. W.* Culture and Imperialism / E. W. Said. – N. Y. : Vintage Books, 1979. – 380 p.

The article describes the phenomenon of postcolonial literature as a local manifestation of the multicultural literature peculiar to Great Britain. The problematic issues addressed in the article include the problem of definition among the scholars (both foreign and national) and the spectrum of subjects highlighted in the novels by postcolonial authors.

Поступила в редакцию 02.10.18

В. В. Рахнянский

ЭТНОРАСОВЫЙ КОМПОНЕНТ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧИКАНО (на материале автобиографической трилогии Ричарда Родригеса)

Данная статья посвящена исследованию расово-этнических стереотипов и специфики их художественного выражения в автобиографической прозе современного мексикано-американского писателя Ричарда Родригеса. Пересматривая конвенционные представления о категории расы, литератор присоединяется к группе современных ученых, которые находятся на позициях отрицания трактовки расы как биологической детерминанты культурного поведения индивида.

Даже в XXI веке проблема взаимосвязи категорий «раса» и «идентичность» остается актуальной, вызывая интерес у широкого круга ученых и политиков. Указанные явления привлекают пристальное внимание современных исследователей в перспективе изменений их трактовки во временном разрезе и соотносённости с философскими, культурологическими и политическими парадигмами конкретного исторического периода.

Переосмысление расового фактора в идентичности представителя этнокультурной группы стало одной из основных задач литераторов США периода «этнического возрождения» (60–70-е гг. XX в.). В частности, дальнейшему расовому взаимопониманию и изменению стереотипов в отношении этой категории в то время способствовала художественная и общественная деятельность мексикано-американских писателей, поэтов и драма-

тургов, которые активно внедряли авторские концепты, экспериментировали в области поэтики и проблематики художественного слова, углубляя и расширяя горизонты видения многообразной, трансформативной и вариативной расовой идентичности.

Осмысление изменения расовых доминант в общественном сознании США начала третьего тысячелетия стало центральным вопросом романов Р. Родригеса «Голод памяти» (1982), «Времена долга» (1992), «Коричневый» (2002). В предисловии к последнему из указанных произведений писатель отметил, что пытался очертить ряд вопросов расы таким образом, чтобы «подорвать доверие к ней среди американцев» [1, р. XI]. Пересматривая традиционные представления о категории расы, Родригес присоединяется к большой группе современных антропологов, культурологов, историографов и социологов, которые находятся на позициях отрицания представления о расе как биологической детерминанте культурного поведения индивида. Например, Даниэла Джозеффи отмечает: «На рубеже веков ученые отказываются от бесполезной классификации человеческого рода на монголоидную, негроидную и другие расы... Слово *раса* должно употребляться только для обозначения расы людей... Мы все постоянно гибридизируемся, и это происходит с первых дней жизни человека на земле» [2, р. 12]. Ученые также не поддерживают устойчивую бинарную оппозицию «белое – черное», которая до сих пор продолжает существовать в американском мировосприятии и миропонимании. По словам О. Смедли, такая перспектива расового мировоззрения «крепко закрепились в обществе из-за работы средств массовой информации, практики повседневной жизни, политической агитации и функционирования социальных институтов» [3, р. 333].

Наряду с вышеуказанными научными соображениями существует и другой кластер взглядов на категорию расы, который подытоживает Н. А. Высоцкая: «...значимость этого конструкта в жизни многих поколений, в частности в США, не вызывает сомнения» [4, с. 48]. Такой вывод украинской исследовательницы является созвучным мнению Родригеса о глубоком влиянии классических расовых представлений на развитие американского общества: «Без расы мы не имели бы музыки, кинематографа, тюрем, политики и политиков, истории, библиотек, университетов, частных бесед и еще много чего другого» [1, р. XIV].

Итак, обсуждение специфики этнорасовой составляющей в конституировании собственной идентичности и идентичности американской этнокультурной личности становится сквозным в литературной и общественной жизни Р. Родригеса. По мнению М. В. Глостановой, в «Голоде памяти» автор не без самоиронии подчеркивает «условность расовых делений, их внутреннюю связь с социальным статусом» [5, с. 248]. Выражая мнение многих современных исследователей литературы чикано, Артуро Мадрид отмечает, что комплекс «коричневого», то есть цвета кожи, который отличает Родригеса от американцев англо-саксонского происхождения, становится параноидальным мотивом творчества писателя, вспомнить хотя бы факт названия его третьего романа «Коричневый: последнее открытие Америки» [6, р. 113].

Родригес подчеркивает факт существования расовой сегрегации в Америке 1950-х гг. на примере одного школьного воспоминания. Его товарищ как-то продекламировал скороговоркой стишок: «*If you're white, you're all right. If you're brown, stick around. If you're black, stand back*» [1, p. 4]. По наблюдению Ч. Тейлора, «идентичность может быть сформирована или искажена во время контакта со значимыми другими» [4, с. 46]. Обсуждая проблему столкновений личности в юном возрасте с подобными ситуациями, Н. А. Высоцкая дает следующий комментарий: «если из нее (ребенка) вырастает художник, она способна, по крайней мере, дистанцироваться от этого опыта через его художественное воплощение и тем самым объективизировать и, хотелось бы надеяться, хотя бы частично преодолеть его. Для тысяч других, лишенных доступа к такой “терапии”, травма может оказаться пожизненной» [4, с. 46].

После выхода в свет «Голода памяти» критик Т. Ривера указывал на признаки «колонизированного сознания» (“*colonized mind*”) у автобиографического героя Родригеса из-за его заимствования цвета кожи и постоянные саморефлексии относительно восприятия в обществе [6, p. 113]. В своем эссе «Автобиографический манифест» британская исследовательница Сидони Смит пытается найти ответ на вопрос о том, каким образом субъект лишается колонизированного состояния. Она подчеркивает, что идентичности не являются тождественно концептуализированными. Идентичности маргинализованных и мейнстримовских субъектов имеют разные позиции в обществе. Они консолидируются, занимают позиции в центре или на маргинесах общества из-за определенных вариантов культурного опыта, «регулируют эпистемологические, онтологические и герменевтические инструментариумы автобиографических нарративов» [Там же]. Хотя исследовательница и не определяет четко заявленный ею «культурный опыт», который состоит из таких процессов, как аккультурация, приобретение языковых навыков и др., играющих важную роль в становлении самости индивида. Среди них можно выделить и опыт Родригеса в преодолении комплекса неполноценности.

Т. Ривера вспоминает резонансную для своего времени (первая половина XX в.) работу Самуэля Рамоса «Профиль человека», в которой впервые подробно был рассмотрен комплекс неполноценности мексиканца в США, и приводит следующую мысль из этого исследования о том, что: «проблема заключается не в том, что мексиканца в Соединённых Штатах считают неполноценным субъектом, наоборот, он сам воспринимает себя таким» [6, p. 73]. Другой исследователь творчества Р. Родригеса, Пол Гуахардо, отнюдь не соглашается со словами коллеги, считая, что вся художественная практика этнокультурных писателей США демонстрирует противоположное и убедительно доказывает, что самоидентичность маргинализованного индивида распознается, признается, формируется в диалоге с Другим, а, следовательно, проблема «барьера цвета кожи» такова, что уже долгое время активно обсуждается в мультикультурных произведениях американских писателей [6, p. 73].

П. Гуахардо в контексте обсуждения комплекса «коричневого» в творчестве Родригеса приводит пример заниженной самооценки мексикано-американцев в 2000-х гг., внутреннего и внешнего отрицания образа мексиканца: среди многих теле- и кинозвезд, выходцев из Мексики, чрезвычайно популярны окрашивания волос в белый цвет, цветные контактные линзы, пластическая хирургия, солярии и т.п. Исследователь язвительно замечает, что «отбеливая свои корни, эти публичные личности таким образом отрицают их, и, конечно, это служит большим отрицательным образцом для подражания» [6, р. 73].

Если все литературные критики замечают неприятие молодым Родригесом «культурной самобытности родителей» в нарративе «Голода памяти», то большинство из них выделяют этот вопрос во втором романе – «Времена долга». Родригес уверенно говорит о наблюдении двух вещей, которые противоречат друг другу, – признание Мексикой своей метисной природы и, одновременно, факт важности цвета кожи для детей из мексиканских семей [7, р. 72]. По этому поводу Т. Ривера в вышеупомянутом критическом очерке констатирует: «Появление светлого ребенка в мексиканской семье общество воспринимает как шаг вперед, темнокожего – как шаг назад во времени» [6, р. 73]. В романе «Времена долга» Родригес пишет: «Мексиканские матери хотели родить светлогокожих детей. Они любили говорить: “Прикоснись к белокурым волосам – и тебе повезет в жизни”» [7, р. 14].

Родители Ричарда «надсмеивались над теми “белыми” мексикано-американцами, кто выдавал себя за испанцев» [8, р. 115]. Но мы узнаем от автора о том, что им приятно было найти «испанское» во внешности чикано. В телевизионном интервью конца 1990-х Родригес проектирует в воображении такую ситуацию: «Если бы американцы пришли в их дом во время приготовления обеда, мать поспешила бы на кухню, накрыла бы всю пищу, чтобы те не увидели, что они питаются иначе, чем англо-американцы» [6, р. 88]. Далее он отмечает, что в течение этих сорока лет все в корне изменилось: американцы с удовольствием посещают рестораны мексиканской кухни [6, р. 88]. Итак, этот эпизод несет для мексикано-американских детей в вопросе выбора их этнической идентичности следующий мессидж: «скрывайте различия».

Концептуальным для исследования вопроса цвета кожи является эссе писателя с говорящим названием «Цвет лица» из первого романа автобиографической трилогии. В нем главный герой откровенно признается: «Ничто не беспокоило меня в собственной внешности так, как темный индейский цвет кожи» [8, р. 125]. Он сам у себя спрашивает: «Превратится ли это чудовище в человека?». Авторские болезненные разрывы со своей этнической идентичностью в большей мере связаны с темным пигментом кожи. Исследователи творчества Родригеса фокусируют внимание на антиномиях его борьбы за право «быть, как все американцы» и ассимилятивных попытках становления идентичности в молодые годы.

По нашему мнению, писатель следовал родительской модели самовосприятия. Мать прививала сыну понимание важности внешнего вида как одного из главных факторов успешности в американском обществе. Она так далеко зашла в своих действиях, что даже смазывала Ричарду лицо в детстве лимонным соком, с надеждой, что оно посветлеет [8, р. 128].

Когда однажды летом тот был занят физической работой во дворе, мать настойчиво советовала ему надевать шляпу и работать после обеда, когда эффект от солнечных лучей меньше. Мать писателя усугубляла его гипертрофированные переживания по поводу цвета кожи. Он в течение долгого времени не получал в полной мере удовольствия от пребывания на свежем воздухе и занятий спортом [8, р. 134].

Ричард завидовал старшему брату, у которого «кожа загорала на солнце до красно-горячего и шелушилась, как кожа “гринго”» [8, р. 115]. В старших классах школы родственник встречался с девушками, которые казались будущему писателю очень привлекательными, так как были блондинками [8, р. 114–115]. Одна из ричардовых сестер, как и он, была темнокожей и воспринимала это как тяжелое жизненное бремя, страдала от того, что ее называли «негритянкой». Эти страхи и психологическое напряжение прошли позже, когда она родила светлокожих детей [8, р. 115–116].

Цвет кожи становится причиной неуверенности автора и в отношениях с противоположным полом. Он делится юношескими чувствами так: «Я чувствовал, что темная кожа сделала меня непривлекательным в глазах женщин» [8, р. 125]. Нам становится известно, что Родригес имел определенные проблемы с социализацией ко времени поступления в Стэнфордский университет, когда он имел сексуальные отношения с противоположным полом, но и тогда писатель никогда не верил в то, что женщины находят его физически привлекательным, продолжал прятаться от солнца, и «не смотрел пристально в зеркало» [8, р. 130].

Во «Временах долга» художник поделился своим наблюдением: «Когда расизм риторически заменил бедность как основную форму социального угнетения, американцы сразу же начали искать нового социального “врага”» [7, с. 149].

Желание избавиться от внешнего признака, по которому он отличался от «нормального» американца, достигает своей кульминации в одном из сильнейших в названном эссе эпизоде, когда Ричард, в возрасте двенадцати лет, сделал отчаянную попытку осветлить кожу, побрив ее острым лезвием бритвы. Но, как он пишет, «темная кровь не вышла, осталась глубоко в клетках кожи» [8, р. 124–125]. Эту навязчивую фантазию можно объяснить выводом Уолтера Бенна Майклза, который приводит Н. А. Высоцкая: «В той же мере, в какой семья становится местом сосредоточения национальной идентичности, национальность превращается в функцию расовой идентичности» [4, р. 46]. Связь между родственными отношениями и (ре)конструированием самости – сложная и неразрывная. Мексикано-американская семья не способна предложить несколько определенных вариантов идентичности, наоборот, ее нужно составлять из отдельных фрагментов.

Итак, в случае юного Родригеса формирование его этнорасовой идентичности зависело от выбора семьей ассимилятивной стратегии аккультурации. Она определялась конфликтом, связанным с падением традиционных мексиканских патриархальных авторитетов и, как следствие, отведением матери главной роли в построении системы ценностей, на которой базируется модель идентичности ребенка, подростка. Вместе с изменением подвижного образа семьи чикано меняется и этнорасовой компонент идентичности чикано. Указанная этнорасовая составляющая идентичности Р. Родригеса основывается, если говорить словами Д. Голинджера, на добровольном присоединении к многорасовому обществу Америки, а не его испано-индейскому наследии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rodriguez, R. Brown: The Last Discovery of America / R. Rodriguez.* – N. Y. : Viking Adult, 2002. – 232 p.
2. *Gioseffi, D. On Prejudice: A Global Perspective / D. Gioseffi.* – N. Y. : Anchor Books, 1993. – 718 p.
3. *Smedley, A. Race in North America: Origin and Evolution of a Worldview / A. Smedley.* – Boulder, Colo : Westview, 1993. – 400 p.
4. *Висоцька, Н. О. Єдність множинного. Американська література кінця ХХ – початку ХХІ століть у контексті культурного плюралізму / Н. О. Висоцька.* – Київ : Вид. центр КНЛУ, 2010. – 456 с.
5. *Тлостанова, М. Проблема мультикультуралізму і література США кінця ХХ століття / М. Тлостанова.* – М. : ИМЛИ РАН: «Наследие», 2000. – 399 с.
6. *Guajardo, P. Chicano Controversy: Oscar Acosta and Richard Rodriguez / P. Guajardo.* – N. Y. : Penguin Group, 2002. – 133 p.
7. *Rodriguez, R. Days of Obligation: An Argument with My Mexican Father / R. Rodriguez.* – N. Y. : Penguin Group, 1992. – 230 p.
8. *Rodriguez, R. Hunger for Memory: The Education of Richard Rodriguez / R. Rodriguez.* – N. Y. : The Dial Press, 2005. – 212 p.

The paper sets out to explore racial and ethnic stereotypes and specifics of the artistic devices of Richard Rodriguez's autobiographical trilogy. Like some contemporary scientists the writer rejects the idea that a person's cultural behaviour is predetermined by his/her race.

Поступила в редакцію 28.09.2018

Тахирзаде Гюнай Эльгиз кызы

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СКАЗОК (на основе сказки «Меликмамед»)

В статье ставится задача рассмотреть специфику перевода азербайджанских сказок, которые являются одним из жанров литературы, на основе сказки «Меликмамед». Автор рассматривает характерные особенности азербайджанской устной народной литературы,

определенные группы сказок, их происхождение. Сравнивая азербайджанское устное народное творчество с фольклором других народов, исследователь утверждает, что азербайджанские сказки занимают в нем самобытное место.

Азербайджанская устная народная сказка, на протяжении многих тысячелетий переходящая из уст в уста, является плодом коллективного творчества. Наряду с информированием о древности, истории, культуре азербайджанская сказка насквозь пропитана духом народа.

Богатая азербайджанская устная народная литература занимает самобытное место среди фольклора других народов. Коллективное творчество, первичное и характерное для литературы всех народов, заложило основы и для развития азербайджанской литературы.

Любимым и объемным видом эпического вида устной литературы является жанр сказки, в которой добро ведет борьбу со злом, свет – с мраком, справедливость с несправедливостью, и всегда добро побеждает зло, справедливость – несправедливость, свет – мрак. Волшебство, заклятье, чары, заговор, чудовища и др. являются фантастическими силами, часто представленными в сказках.

Воспроизведение предметных и природных явлений, перенос присущих людям признаков на предметы и животных, изображение явлений широкими эпическими картинами – все эти свойства мы найдем в азербайджанских сказках.

Они, как правило, начинаются с короткого предисловия, называемого гаравелли, которое высказывается в поэтической форме. И это особый признак, отличающий сказку от других жанров. Часто гаравелли не соответствует основному содержанию сказки.

После гаравелли произносятся такие слова, как: *Biri varmış, biri yoxmuş* – Жили-были; *Günlərin bir günündə, Məmmədnəsir tinində* – В один из дней, на углу у дома Мамеднасира и т.д. Для связывания событий в сказках друг с другом используются традиционные предложения: *Nağl dili üyürək olar* – Язык сказок бывает беглым; *Az getdi, üz getdi...* – Долго ли ехал, мало ли ехал...; *Dərələrdən sel kimi, təpələrdən yel kimi...* – Как сель в ущельях, как ветер в горах...; *Orda ayla, illə, burda müxtəsər dillə* – Там месяцами, годами, здесь лаконичным языком и т.д. Сказки завершаются специфичной концовкой.

По тематике, предмету и методу воздействия сказки делятся на несколько групп:

1. Волшебные сказки: «*Məlikməmməd*» – «Меликмамед», «*Şəms və Qəmər*» – «Шамс и Гамар», «*Şehrli üzük*» – «Волшебное кольцо», «*Ağ atlı oğlan*» – «Юноша на белом коне».

2. Сказки о животных: «*Tülkünün kələyi*» – «Плутня лисы», «*Qoca aslan*» – «Старый лев», «*Şir və tülkü*» – «Лев и лиса»

3. Исторические сказки. Сказки, которые рассказывают о жизни и деятельности известных личностей, называют историческими. В азербайджанской устной литературе есть сказки о Дарии III, Александре Великом, Анушираване, Шахе Аббасе.

4. Семейно-бытовые сказки. Более близко созвучные с повседневной жизнью, культурой и бытом народа. Среди них: «Yeddi qardaş, bir bacı» – «Семь братьев и одна сестра», «Yetim İbrahim» – «Сирота Ибрагим», «İlyasin pağılı» – «Сказка об Ильясе» [1].

Одна из книг серии «Азербайджанские сказки» была переведена на английский язык в Турции. Переводчиками 28 сказок стали Йэн Перт (Англия) и Саадат Ибрагимова. В этой книге нашли отражение нижеуказанные сказки: «The Tale of the Wise Girl», «Pretty Fatima», «The Black Horse», «The Boy Wrestler», «The Golden Candlestick», «The Command of the Age», «Logman», «The Blacksmith and the Sultan», «The Cobbler and the Sultan», «The Cobbler», «Good Advice», «The Clever Child», «The Mellon Man and Shah Abbas». Коснемся специфики перевода одной из сказок сборника – «A Rooster and a Padishah» – на английский язык:

«He was so happy that he flew up and cried out: «Cock – a doodle – doo! I have found a gold coin!»

At that time a padishah was resting in the garden of his palace. Having heard the news, he gave an order to his servant: «Go and take away a gold coin from the rooster!» The servants rushed to fulfil the king's order. The rooster got very angry and shouted: «Cock – a doodle – doo! The padishah is poorer than me. He needs my wealth!».

Being ashamed, the king ordered to return the gold coin. When the rooster got his coin back, he flapped his wings and flew up singing: «Cock – a doodle – doo! The padishah is afraid of me!»

The king got angry and ordered to catch the silly rooster and chop off his head. Seeing the cook with a knife the rooster shouted: «Cock – a doodle – doo! What a sharp knife!».

The cook cut the head of the rooster and throw him into a pot with boiling water to pinch feather. Even there the rooster did not stop shouting: «Cock – a doodle – doo! What a hot bath – house!» The cook prepared plov, placed the rooster on the top and served it. The padishah swallowed the dish in a minute. Suddenly the rooster started shouting in the padishah's throat:

«Cock – a doodle – doo! What a narrow street!»

Even in the stomach the rooster went on crying:

«Cock – a doodle – doo! What a hot hen – house!»

Suddenly the padishah's stomach swelled and burst.

The rooster got free and cried happily:

«Cock – a doodle – doo! I have got rid of the king!» [2].

Приведем еще один пример – «Pretty Fatima» [3]. *Once upon a time a man had a wife. One day it came to pass that his wife feel ill and died. The wife left an orphan girl by the name of Fatima and a boy – Жили-были мужик со своей женой. В один из дней случилось так, что жена этого мужика заболела и умерла. От той жены остались девочка-сиротка, по имени Фатима, и сын.*

Rise sun, rise

Come, horse, come

Leave the bald girl

Take the braided girl and run.

Gün çıx, gün çıx

Kəhər atı min çıx,

Keçəl qızı evdə qoy

Saçlı qızı götür, çıx

Солнце взойди, взойди

*Гнедого коня оседлай, выходи,
Плешивую дочь в доме оставь
Возьми волосатую дочь, выходи*

*Ку-ка-ре-ку!
Фатима-ханум в тендире,
Руки-ноги в путах
Qiq - qulu - qu!
Fatma xanim tэндirdə,
Əl - ayağı kəndirdə
Cock - a - doodle - doo,
Fatima is in the oven,
Her hands and feet tied, too.*

Наряду с некоторой напевностью содержания, обеспечивающей читабельность сказочных текстов, необходимо подчеркнуть ряд форменных особенностей. Одной из подобных особенностей формы является ритмичность, гармоничность. Для их достижения сказитель уделяет особое внимание преднамеренному повтору слов. Этот способ начинает проявляться с самого начала – со знаменитой начальной формы: *Biri varmış, biri yoxmuş, bir padşah varmış* – *Жили-были*. В этой начальной форме на азербайджанском языке повторение слова *biri* ‘один’ носит не случайный характер. Повторение слов, приведенных нами и в начальной, и в конечной форме, заставляет обратить пристальное внимание на это выражение, исследовать его.

Рассматривая сказки с точки зрения повторений, становится ясно, что в этом популярном жанре устной литературы данный метод проявляется от простого к сложному на различных уровнях и в различных масштабах. То есть понятие повтора в сказках охватывает такие текстовые единицы, как слово, словосочетание, предложение, абзац, деталь, эпизод, история и др. Создание параллельности повторением схожих или же одинаковых эпизодов относится к часто встречающимся в сказках приемам. Однако при переводе с целью полноценного донесения смысла при повторении используются синонимы этих слов. *Biri var imiş, biri yox imiş* – *Once upon a time* – *Жили-были*. Здесь относящееся к восточному стилю слово *padışah* можно перевести двумя способами. Одно из них слово *king*, другое же *padishah*.

В тексте важно сохранение реализма и поэтому правильнее выбрать второй вариант. Этот момент наглядно проявляется и в сказке «Меликмамед». Ее главный герой Меликмамед, повстречавшись в Подземном мире с тремя дивами, вынужден был сражаться с ними. Эти три эпизода сражения являются повторением один другого. Изучением одного из них можно получить представление и о двух оставшихся эпизодах:

«Положив голову на колени девушки, спал див. Девушка, увидев Меликмамед, сказала: – О, юноша, кто ты такой? Жаль тебя, беги, спрячься. Див ранен, рассержен. Очнется и ни на минуту не оставит тебя живым, съест. Меликмамед сказал: – Я сюда пришел как раз для убийства этого дива. Меликмамед, вытащив меч, стал острием его колоть пятку дива. Тот открыв глаза, сказал девушке: – Мухи беспокоят меня, отгони их прочь! Меликмамед, успокоившись ненадолго, немного погодя снова стал покалывать

пятку дива. Тот, открыв глаза, закричал: – Мухи беспокоят меня, отгони их прочь! Когда Меликмамед в третий раз стал колоть ноги дива, тот, поднявшись во весь рост, нанес девушке пощечину и сказал: – Разве не тебе я сказал, что мухи беспокоят меня?! В это время Меликмамед, рванувшись с места как лев, схватился с дивом».

А теперь рассмотрим английский перевод сказки: “Malikmammad saw that, here more beautiful girl than previous one sit and a giant fell asleep on her knees. When the girl saw Malikmammad, she said:

– Oh young, you are miserable, run away. Just now the giant wakes up and he will break you into pieces.

Malikmammad said:

– Do not be afraid, girl, I will kill this one as well.

Malikmammad took his sword and began to ream the giant’s foot. Giant opened his eyes and said to girl:

– Do not let, fly ate my foot.

Malikmammad stayed quietly a bit and again he began to ream the giant’s foot. Giant opened his eyes and said to girl:

– Do not let, fly ate my foot.

The third time when Malikmammad reamed the giant’s foot, giant got up, slapped the girl’s face and said:

– Am I not saying that fly ate my foot?!

Malikmammad again jumped to struggle with the giant”.

После этого эпизода в сказке рассказывается о том, как див устает и засыпает. По совету красивой девушки Меликмамед разбивает пузырек из ларца об пол, обезглавливает вылетевшую птицу, тем самым уничтожив дива. Многие эпизоды, с которыми мы ознакомились в сцене встречи и сражения Меликмамеда с первым дивом (сон дива на коленях прекрасной девушки; косание мечом ноги дива; приказ дива девушке в виде фразы: *мухи беспокоят меня, отгони их прочь*; нанесение пощечины девушке рассерженным дивом; сражение Меликмамеда с дивом в течение 40 дней и 40 ночей; усталость и сон дива; разбивание Меликмамедом пузырька из ларца, уничтожение появившейся из бутылки птицы, что знаменовало победу над дивом и пр.), повторяются в сценах встречи со вторым и отчасти третьим дивом.

Как и во многих сказках, в «Меликмамед» речь идет о борьбе мрака со светлым миром, добра со злом и победе добра. Рассмотрим следующий пример:

«Меликмамед сидел без настроения в яме. Вдруг увидел, что идут упомянутые девушкой белый баран и черный баран, сражаясь друг с другом. Меликмамед тотчас вскочил, оседлал белого барана. Однако баран перебросил его на спину черного барана. А черный баран отвез Меликмамеда в мир мрака. Здесь Меликмамед остановился у одного дерева».

А сейчас рассмотрим перевод этой части: “Malikmammad was sitting in the well sadly. Suddenly, he saw that, the white ram and black ram, which the girl said, comes fighting. Malikmammad at that time hopped on the white ram. But this ram threw him onto black ram and black ram carried Malikmammad into the dark world. Here Malikmammad came down to the bottom of a tree”.

Таким образом, в сказке «Меликмамед» параллельность похожих или же одинаковых эпизодов можно проследить по поступкам братьев – старшего и среднего сыновей падишаха. Если обратить внимание на их последние поступки и предпринятые Меликмамедом в противовес им шаги, то увидим, что рассказанный эпизод чуть позже уже передается устами одного из персонажей.

Меликмамед, вернувшись из Подземного мира и работающий у портного учеником, узнав о подготовке старшего сына падишаха к свадьбе и по этому поводу гарцевавшего на коне по площади, просит у птицы Зумруд один комплект желтой одежды, меч, щит, а также буланого скакуна. В сказке говорится:

«Указанные Меликмамедом вещи были готовы. Меликмамед быстро надел костюм, пристегнул меч к поясу, надел щит на руку, направил коня прямо к дому падишаха. Городское население, все войско собрались на представление. Старший сын падишаха все еще гарцевал на коне. Меликмамед, направив своего коня на площадь, поскакал в одну сторону, в другую, затем, выхватив меч, отрубил голову старшему сыну падишаха. Войско смешалось друг с другом. Люди забеспокоились. Все понеслись за Меликмамедом, осыпая его градом стрел. Меликмамед, как ветер, скрылся на коне».

Когда Меликмамед, скрывшийся с глаз, как ветер, и вернувшийся снова в лавку портного, как ни о чем не подозревающий человек, спросил мастера о прозошедшем на площади, тот дал следующий ответ: «Перед домом падишаха гарцевали на коне, что же еще. Откуда-то взялся наездник весь в желтом наряде, поскакал в одну сторону, в другую, вдруг резко выхватил меч и отрубил голову сыну падишаха. Высыпали все за ним, не смогли поймать».

Как видно, данная устами портного информация представляет собой повтор текста, донесенного чуть ранее сказителем. В сказке история убийства среднего брата также подается слушателю в той же интерпретации. Факты показывают, что повторное донесение сведений представляет собой форму, характерную не только для «Меликмамед», но и для сказок в целом, а также эпосов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халилли, Ш. Азербайджано-английские литературные связи (на основе фольклорных материалов) / Ш. Халилли. – Баку: ИПО «Азербайджан. нац. энцикл.», 2002. – 209 с.
2. Расулова, А. Н. Петух и падишах (на англ. яз.) / А. Н. Расулова. – Баку, 2009. – 20 с.
3. Азербайджанские сказки. Волшебные истории (на англ. яз.). – Баку: Чашыюглу-мультимедиа. – 2014. – 111 с.

For many millennia the Azerbaijani folk literature which is the fruit of collective creativity and is anonymous, has passed from generation to generation by word of mouth. Along with the information about the antiquity, history, this culture is filtered through the spirit of the Azerbaijani people. The rich Azerbaijani oral folk literature occupies an original place among the folklore of other peoples. It has laid the foundations of Azerbaijani literature.

Поступила в редакцию 18.09.2018

И. Г. Урбанович

ЯВЛЕНИЕ ВНЕТИПОВОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Индивидуальный стиль является оригинальной системой выбора речевых средств, которая разрабатывается и используется писателем в художественных произведениях. Художественная речь Фазиля Искандера отличается образованием внетиповых окка-

зиональных единиц. Исследование способов внетипового словообразования в идиолекте писателя выявило такие способы, как высвобождение аффикса и части слова, контаминация, междусловное наложение, намеренное использование искаженной лексики, образование по конкретному образцу, сращение трех основ, субституция, тмезис. Мотивацией образования внетиповых единиц в идиолекте Фазиля Искандера является художественная контекстуальная необходимость.

В настоящее время проблемам образования новых слов в языке художественных произведений посвящено значительное количество работ, в которых рассматриваются вопросы современного словопроизводства; окказиональная фразеология; семантические окказиональные образования; функционирование потенциальных и окказиональных слов в художественном тексте. Однако до сих пор нет единых критериев определения данных языковых явлений.

Следует отметить, что окказиональные слова отличаются по своему происхождению: одни из них являются образованиями, функционирующими в живой разговорной речи, другие – в речи художественной. Основное различие между ними заключается в функциональной загруженности. Окказионализмы художественной речи, в отличие от разговорной, являются, как правило, авторскими, письменно закрепленными в данном художественном тексте, в котором они выполняют определенную стилистическую функцию. Данные языковые явления характеризуются как единицы, созданные узуальными продуктивными и непродуктивными способами образования.

В современном русском языке помимо узуальных способов образования выделяются внетиповые, которые не имеют определенной классификации. Е. А. Земская, рассматривая специфические причины порождения окказионализмов, акцентирует внимание на таких явлениях, как: а) междусловное наложение (*заходерзистость* – Заходер + дерзости); б) контаминация (соединение двух узуальных слов, порождающих окказионализм: *профанакторий* – профанация + профилакторий); в) слияние (использование в качестве базы для слова словосочетания или предложения: *какбычегоневышлесты* (Е. Евтушенко); г) образования по конкретному образцу (*крикоин* от новокаин); д) построение слов с вымышленными корнями (*забубенить* в значении засунуть); е) важность начального согласного (*гномобиль* от гном + автомобиль); ж) словообразовательный куст (набор производных слов от производящей основы слова *злодей*. Из стихотворения В. Хлебникова «О пане Злодиевском»); з) высвобождение аффиксов и других частей слова (*надцатилетие*); и) использование аффиксов в качестве базовых основ (фамилия *Крутихвост* + щина – *Крутихвостщина*); к) каламбурные и паронимические пары со словами (метастазы – *дуростаза*) [1, с. 190–198].

В работе И. С. Улуханова «Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация» классифицируются окказиональные способы словообразования в соотношении с их узуальными коррелятами [2, с. 26]. Согласно общепринятому делению способов словообразования на чистые и смешанные им выделяются 10 чистых и 43 смешанных окказиональных способа образования слов. К чистым способам окказионального словообразования ученым отнесены депрефиксация, десуффиксация,

депостфиксация, десубстантивация, декомпозиция, междусловное совмещение, изменение фонемного состава мотивирующего слова, использование аффиксов в качестве самостоятельного слова. Смешанные окказиональные способы, по мнению исследователя, представляют собой сочетания узуальных чистых способов или сочетание узуальных и окказиональных чистых способов либо двух и более окказиональных чистых способов [2, с. 66]. Кроме того, им же выделяется обратный способ – редеривация.

Исследование внетиповых авторских окказиональных образований в идиолекте Фазиля Искандера выявило следующие способы:

- Высвобождение аффикса и части слова:

Бог адства: высвобождение аффикса и части слова: *богатство* → *бог адства*. Трактовка понятия *богатство*. Образование на основе звукового сходства. Например: – *Богатство*, – *разъяснил я назидательным голосом*, – *Бог адства* («День писателя»).

Одно-ночество: высвобождение аффиксов и других частей слова: *одиночество* → *одно-ночество*. Образование на основе звукового сходства. Трактовка понятия *одиночество*. Например: *Но он еще был так молод и ему так надоело его одиночество – одно-ночество!* («Молодой архитектор и красотка»).

Спекуль: *спекулянт* → *спекуль*. Например: *Когда я уезжал в командировку, наши ребята предупредили меня, чтобы я обязательно посмотрел, как он патронит машину какого-нибудь спекуля* («Сандро из Чегема»).

- Контаминация (фонетическое авторское искажение):

Купатый. Намеренное использование искаженной лексики с целью передачи специфики детской речи. Употреблен в значении ‘купанный’. Например: *Он снова задал ему тот же вопрос, на этот раз, видимо, рассчитывая на более доходчивую форму, несколько видоизменив его: – Ты купатый?* («Большой день большого дома»).

Меблизация. Авторское искажение *о* → *е*, усечение [и] в узуальном слове *мобилизация*. Например: – *Про меблизацию, конечно, знаешь?* – спросил он. – Конечно, – ответил дядя («Лошадь дяди Кязыма»).

Очумить. Глагол образован намеренным фонетическим авторским искажением: *е* → *и*. Узуальный глагол – *очуметь*. Окказионализм использован в значении ‘заклеймить’. Например: *...Бесчестие нависло над нашим домом и грозит очумить нас позором* («Сандро из Чегема»).

Халтурчик (щ → [ч’]). Использование искаженной лексики с целью передачи специфики речи героя. Например: *Ковыряясь, он вполголоса исчерпал все абхазские проклятия в адрес кузнеца и в конце неожиданно припечатал его русским словом: – Халтурчик!* («Сандро из Чегема»).

Харизматические (и → я). Использование искаженной лексики с целью передачи специфики речи героя. Например: – *Есть среди новых политиков России харизматическая личность?* – *Харизматической личности не видел, но харизматических много* («Думающий о России и американец»).

- Междусловное наложение:

Козлотуризм: *козлотур* + *туризм* → *козлотуризм*. Например: – *Козлотуризм – лучший отдых*, – сказал я («Созвездие Козлотура»).

Мужчинство: **мужчина** + **мужество** → *мужчинство*. Например: *Мужество – от ума, от мужчинства* («Стоянка человека»).

Эндургенция. Междусловное наложение: *Эндурск* (топоним с суффиксом -ск. Внетиповое образование с вымышленным корнем немотивированного звукового комплекса-топонима нереальной области Абхазии) +(интели) – *генция*. Например: *Все эти слухи в основном распространяет эндургенция* («Сандро из Чегема»).

- Намеренное использование искаженной лексики:

Наложники. Слово образовано изменением традиционного рода имени существительного: *наложница* (ж.р.) → *наложник* (м.р.). Например: *Ну зачем ей мужской гарем из трех наложников, думал он иногда* («Золото Вильгельма»).

Оседлость. Изменение изначального значения имени существительного. Узуальное значение ‘постоянное проживание на одном месте’. В авторской трактовке – происхождение лексемы от слова *оседлать*. Например: *... Я неожиданно для хамства, привыкшего к оседлости (от слова оседлать) возле моих подпорок, я, значит, неожиданно для хамства трогаюсь с места* («Школьный вальс, или Энергия стыда»).

Рыть. Глагол образован изменением изначального значения имени существительного. Узуальное значение – то же, что ‘копать’. В авторской трактовке – происхождение лексемы от слова *рыло*. Например: *Кстати, слово «рыть» не от слова ли «рыло»? То есть то, что роет. Как плодороден Чегем! Стоит прикоснуться к его делам, как попутно делаешь небольшие открытия даже в русской филологии* («Сандро из Чегема»).

Удаль – *даль*. Авторская трактовка лексемы *удаль*. Употреблено в значении ‘даль/отвага’. Например: *Удаль. В этом слове ясно слышится – даль, хотя формально у него другое происхождение. Удаль – это такая отвага, которая требует для своего проявления пространства, дали* («Стоянка человека»).

- Образование по конкретному образцу:

Журчей. Аналогия со словом *ручей*. Например: *...Кемальчик вспомнил о ручье, куда его временами водила Кама. – Журчей, журчей, – закричал он, – пойдём на журчей!* («Большой день большого дома»).

Креслоносцы. Аналогия со словом *крестоносцы*. Например: *Чегемской жизни противостоит карнавал театрализованной сталинской бюрократии: креслоносцы захватили власть* («Сандро из Чегема»).

Кроликоварение. Аналогия со словом *пищеварение*. Например: *...Так приятно чувствовать солнце на своей старой ревматической шкуре, да и кроликоварение – что скрывать! – все еще доставляло ему немало удовольствия* («Кролики и удавы»).

Мифотворцы. Аналогия со словом *миротворцы*. Например: *Так вот и удалялся, утирая слезы, что мне кажется плодом фантазии крестьянских мифотворцев, как бы подготавливающих слушателя к тому, что случилось дальше* («Сандро из Чегема»).

Столодержец. Аналогия со словом *самодержец*. Например: *Сандро... и заговорил с ним о знаменитой свадьбе князя Татархана, куда он был приглашен в качестве одного из помощников тамады, что было, учитывая его молодость, уже немалым взлетом в его будущей карьере столодержца* («Большой день большого дома»).

- Сращение трех основ:

Гдемояхурма. Например: *Долгие годы после этого он был известен под кличкой «Гдемояхурма», и хотя сам эпизод был давно забыт, а некоторые его даже не знали, она держалась столько времени, сколько ей было положено держаться («Посрамление фальшивомонетчиков»).*

- Субституция:

Англичания. Лексема образована от основы субстантива *англичанин* заменой суффикса *-ин-* на суффикс *-и|j|-*. Например: – *Вот и сидел бы в своей Англичании,* – сказала бабка уже более спокойно, продолжая работать, – *а не шлялся бы по свету как бродяга...* («Большой день большого дома»).

Девохранительница. Замена компонента сложного слова: *телохранительница* → *девохранительница*. Например: *Она появлялась в Большом Доме в сопровождении... тетушки Хрисулы, которая играла при своей племяннице роль девохранительницы...* («Сандро из Чегема»).

Дурошлеп. Замена первого компонента слова: *губошлеп* → *дурошлеп*. Например: *Ну чего ты испугался, дурошлеп!* (жеребенку) («Сандро из Чегема»).

Миллиосердие. Замена первого компонента сложного слова: *милосердие* → *миллиосердие*. Например: – Я слышал, что один миллионер проявил *миллиосердие* и подарил детскому дому тысячу долларов («Думающий о России и американец»).

- Тмезис:

Новая дегенерация. Наложение префикса *де-* на начало слова *генерация* с целью изменения изначального значения. Употреблен в значении ‘вырождающееся новое поколение’. Например: *Новая генерация,* – подумал Сергей, обратив внимание, что почти все они были рослые, длиннорукие, длинноногие... – или *новая дегенерация,* – добавил он беззлобно... («Морской скорпион»).

Нормалевич. Вторжение аффикса внутрь основы слова: *нормал’-+-евич*. Обычно с суффиксом *-ич* (орфогр. также *-ыч*) */-ович/-евич* (фонемат. *|ич|/|ов’ич|/|ев’ич|*) образуются имена существительные, называющие сына того, кто назван мотивирующим словом. Например: *В самой ужасной ситуации он говорил свое любимое слово: «Нормалевич!»* – и любое хулиганье в воздухе таяло («Сандро из Чегема»).

По-селенски. Происходит вторжение аффикса внутрь основы слова *посельски*: *по-сел’-+-ен-+-ск-+-и*. Например: – *Нет, я так просто,* – краснея и лукаво беря на себя вину, отвечал Жора, – *сами варим (чачу)! Подомашнему! По-селенски!* («Чик и Пушкин»).

- Повтор-отзвучие:

Каламбуры образованы на основе рифмованного сочетания субстантивной пары. Например: *доктур-моктур, комиссия-чамиссия, лобиа-мобиа, милиция-челиция.*

Если комиссия-чамиссия, есть что показать, ведите прямо к нам... («Созвездие Козлотура»).

– *Хорошо,* – сказал я, – *быстренько перекусим, и я поеду.* – о чем говорить – *зелень-мелень, лобиа-мобиа* («Созвездие Козлотура»).

И на следующий день милиция-челиция, доктур-моктур, и они узнают, что ты отравлен, и твоего бедного хозяина сажают в тюрьму как отравившего ни в чем не повинного человека («Умыкание, или загадка эндурцев»).

Возникающие в художественном тексте внетиповые словообразовательные модели, являясь продуктом языковой игры, реализуют индивидуальную творческую особенность писателя переосмысливать возможности системы языка. Индивидуально-авторское словотворчество «чаще всего остается в рамках окказионального употребления. Значительно реже индивидуальное словотворчество писателя переходит в узуальное. Тем не менее сочетаемостные, или валентностные, возможности тех или иных слов, строго ограниченные грамматически, могут развиваться – и они часто развиваются – в возможности лексической сочетаемости» [3, с. 73–74]. Окказиональное явление в художественной ткани произведений выполняет еще и такую задачу, как «вызвать напряжение словом, которое приковывает слушателя (или читателя)» [4, с. 217].

Экспрессия окказионализма, по мнению Р. К. Дроздова, «возникает в результате неузуального сочетания узуальных слов. Создавая окказиональное слово, автор в большинстве случаев использует узуальную модель, хорошо известную адресатам текста, поскольку словообразовательная игра предполагает, что читателю знакомы “правила игры” с морфемой, словом. Иначе конечная цель, которую ставят перед собой “организаторы” игры (понимание, активное восприятие текста), не будет достигнута» [5, с. 93].

Таким образом, создаваемые писателем оригинальные слова-образы выполняют номинативную, экспрессивную и структурную функции. Наблюдаемое нарушение узуальных норм при создании внетиповых образований ведет к намеренному искажению лексики, используемой писателем с целью передачи специфики речи героев, создания ассоциативных образов, представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская, Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1992. – 220 с.
2. *Улуханов, И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 1996. – 221 с.
3. *Мельникова, Л. А.* Окказиональные словосочетания в произведениях А. С. Грина / Л. А. Мельникова // Русский язык и литература. – Вып. 1. – 1995. – С. 68–74.
4. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий / Й. Хейзинга ; пер. с нидерл. В. В. Оймса. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 352 с.
5. *Дроздов, Р. К.* Окказиональное словообразование в языке СМИ / Р. К. Дроздов // Извест. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 8. – 2012. – С. 93–95.

The creation of imagery in Fazil Iskander's literary language is in many ways provided by the occurrence of word-forming units. Among the ways of their formation there can be distinguished both familiar (contamination, a concrete pattern formation, word-building with fictitious roots, etc.) and specific ones – the method of intentional agrammatism. Being able to possess an expressive potential non-typical word-forming models serve for nominating artistic realities.

Поступила в редакцию 20.09.2018

НАШИ АВТОРЫ

Бартенева Инга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков БГЭУ. Тел. 209-88-23.

Белова Ксения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально ориентированной английской речи БГЭУ. Тел. (+37529) 124-59-45.

Бобрикова Евгения Петровна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. (+37544) 592-30-13.

Боровиков Павел Валерьевич – аспирант кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. (+37529) 379-59-87.

Бусел Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. (+37529) 55-92-607.

Вовк Андрей Валерьевич – аспирант кафедры украинского языка Днепровского национального университета им. Олеса Гончара. Тел. (+38050) 164-01-39.

Войтишенко Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры белорусского и иностранного языков ГГТУ им. П. О. Сухого, аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. (8-0232) 40-57-40.

Голубева Виктория Константиновна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. Тел. (+37529) 850-24-93.

Карневская Елена Борисовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Козлова Татьяна Александровна – аспирант кафедры славянских языков МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Кондракова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Копач Олег Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики БГУ. Тел. (+37529) 716-72-63.

Кулик Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, ГГТУ им. П. О. Сухого. Тел. (+37544) 724-46-59.

Лобанова Татьяна Сергеевна – преподаватель кафедры немецкого языка факультета социокультурных коммуникаций БГУ. Тел. 209-53-41.

Морозова Лилия Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 661-13-08.

Панкратова Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Рахнянский Виктор Васильевич – преподаватель кафедры английской филологии и перевода Киевского национального лингвистического университета. Тел. (+38098) 108-30-79.

Рускевич Людмила Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Сантарович Вадим Александрович – студент факультета романских языков МГЛУ. Тел. (+37529) 779-56-79.

Сысоева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. (+37529) 642-54-96.

Тахирзаде Гюнай Эльгиз кызы – кандидат филологических наук, Азербайджанский университет языков. E-mail: gunay802002@yahoo.com.

Урбанович Ия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Устинович Вера Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 325-74-17.

Федоренко Людмила Александровна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ, преподаватель кафедры романских языков БГЭУ. Тел. (+37529) 653-45-88.

Шпаковская Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов БГУ. Тел. 327-18-95.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 5 (96), 2018

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.10.2018. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 9,76. Уч.-изд. л. 11,48. Тираж 100 экз. Заказ 45.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172